

Найджел Которн
Интимная жизнь английских королей и королев

Найджел Которн
Интимная жизнь английских королей и королев:
откровенное и нелицеприятное изложение фактов из жизни
монархов от Генриха VIII до наших дней

Предисловие

В последнее время прессу критикуют за вторжение в частную жизнь членов

королевской семьи. Но в этом нет ничего нового. Люди всегда испытывали повышенный интерес к интимной жизни королей и королев, принцесс и принцев. В самой невинной форме этот интерес отражен в сказках; более явно он проявляется в старинных балладах и памфлетах. В наши дни страсть к получению такой информации удовлетворяется в основном бульварной прессой.

Но в упорном стремлении узнать побольше о любовных приключениях царственных особ таится нечто большее, нежели простое любопытство. На протяжении всей нашей истории от того, кто разделял ложе монарха, зависели жизнь и смерть многих людей. Политические союзы нередко основывались на королевских браках, и супружеские отношения венценосных особ нередко оказывали заметное влияние на международную политику и благосостояние страны. Период политической стабильности сменялся гражданской войной и наоборот, в зависимости от появления на свет наследника престола.

Со времен Якова II¹ и до рождения принцессы Маргариты при появлении на свет королевского отпрыска должен был присутствовать, по крайней мере, один член правительства (а иногда и Тайный совет² в полном составе), а также архиепископ Кентерберийский и другие сановники. Это было необходимо, чтобы не возникало никаких сомнений в отношении матери новоявленного наследника. А сомнительное отцовство могло привести к политическим распрям и войне.

Сексуальная несовместимость королевской четы могла расколоть двор и правительство на враждующие партии. Супружеская неверность приводила к дворцовым интригам и заговорам. Разводы в королевской семье являлись причиной грандиозных государственных переворотов, а королевские любовницы во время плотских утех нередко склоняли монарха в пользу тех или иных политических групп или иностранных держав. Стремясь к политическому могуществу, вельможи вводили в круг приближенных короля услужливых фаворитов и фавориток, наделенных особенной сексуальной привлекательностью и талантами.

Хотя королевская семья в Англии уже не обладает прежней властью, интимная жизнь ее членов все еще представляет вполне оправданный интерес для населения страны. И если особа королевской крови грубо нарушает принятые в обществе нормы сексуального поведения, монархии наносится серьезный ущерб.

В частности, супружеские проблемы принца и принцессы Уэльских могли иметь разрушительные политические последствия. Чтобы сочетаться браком с наследником престола, Диане следовало пройти процедуру сертификации девственности. Если бы она имела любовников, то и они, и принцесса формально были бы повинны в государственной измене.

Королева является главой англиканской церкви, которая не прощает никаких сексуальных вольностей. Чарльз унаследует этот пост, поэтому королевская семья – первая семья Великобритании – должна быть безупречной. Королевская семья – символ Англии, сексуальная жизнь ее членов отражается на англичанах. А следовательно, вполне уместен вопрос, что же это за семья.

Занимая особое положение, монархи всегда имели больше возможностей для реализации своих любовных фантазий, чем остальные члены общества. Они обладают властью, которая, как заметил однажды Генри Киссинджер, является сильнейшим

¹ Обращаем внимание читателя на существующую традицию перевода на русский язык некоторых имен английских монархов: Джеймс – Яков, Джон – Иоанн, Джордж – Георг, Уильям – Вильгельм, Чарльз – Карл (здесь и далее – прим. перев.).

² Созданный в средние века, Тайный совет являлся совещательным органом при монархе. В настоящее время он утратил свое значение и выполняет, по существу, номинальные функции. В состав совета входят принцы крови, высшая аристократия, высшие судебные чиновники, высшее духовенство, а также члены кабинета и некоторые видные деятели Великобритании.

афродизиак³. Следуя традиции, англичане склонны наделять своих правителей определенными сексуальными привилегиями. Люди простого происхождения обычно с готовностью подчиняются королевским прихотям. Мужья и жены нередко смиряются с тем, что их супруга или супруг вступают в связь с членом королевской семьи, а иногда даже делают это, втайне сговорившись между собой. Так, например, Джордж Кешпел полагал, что выполняет патриотический долг, поощряя любовную связь своей жены с Эдуардом VII. Он почитал это за честь и был искренне и глубоко опечален, когда король умер.

Разумеется, в поведении британской королевской семьи нет ничего необычного. Монархи всего мира ведут себя в равной степени предосудительно – как это было и в древнем мире, и в первобытные времена. О распущенности российской императрицы Екатерины Великой, королей Баварии и императоров Древнего Рима ходили легенды. Хотя история о том, что Екатерина скончалась во время полового акта с жеребцом, рухнувшим на нее, когда сломался подъемный механизм, удерживавший бедное животное, вряд ли соответствует действительности. Жертвой собственной сексуальной привлекательности стала Клеопатра, а Соломон, если верить Третьей книге Царств, «любил многих чужестранных женщин» (3 Цар. 11:1).

Китайские императоры и арабские владыки некогда похвалялись сотнями наложниц. Даже ныне правящий король Лесото имеет несколько сотен жен. Как он умудряется удовлетворять их всех?

Неужели подобные сексуальные аппетиты являются результатом здорового полового влечения, которому безграничная власть монарха дала полную волю? Или все это вызвано ожиданиями публики?

Некоторые власть имущие, похоже, упиваются сексуальным подавлением своих подчиненных. Они доминируют над своим окружением, либо совращая приближенных и их жен, либо, напротив, устанавливая недостижимо высокие нормы нравственности, заставляющие людей отказаться от секса вообще. Преподобные Джим Джонс и Чарльз Мэнсон с помощью секса добивались такой преданности от своих последователей, что те были готовы по первому приказу совершить самоубийство или убийство. В книге «Безволосая обезьяна» зоолог Десмонд Моррис отмечает, что в стаях обезьян сильные особи удерживают лидерство путем сексуального подавления слабых.

Нескромное, опрометчивое поведение членов королевской семьи явилось, по существу, причиной выпуска первых скандальных листков, предшественников современных газет. Но, хотя у читателей всегда текли слюнки от подобных сведений, современные газеты часто закрывают глаза на сексуальные излишества королевских особ.

О поведении членов нынешней королевской семьи, как и о реакции средств массовой информации на это поведение, невозможно судить, просто опираясь только на современные моральные нормы. Здесь следует принимать во внимание исторический контекст существования династий, которые правили в стране на протяжении многих веков, ибо современная королевская семья претендует на трон на том основании, что ее родословная восходит к старинным монархам Британии, Франции и Германии.

Еще в легендарном Камелоте мирная жизнь при дворе короля Артура была нарушена Ланселотом, добившимся любви королевы Гиньевры. Сам же Артур погиб от руки сына, рожденного от кровосмесительной связи короля со своей сестрой феей Морганой, после чего страна погрузилась в хаос на долгие века.

Хотя последующие короли, как правило, избегали инцеста, у большинства из них появлялись незаконнорожденные отпрыски, которые были весьма полезны в качестве преданных наместников или служили материалом для браков, укрепляющих политические союзы. Король Айда, правивший с 547 до 599 года, имел двенадцать незаконнорожденных сыновей. У Этельфрита (592–616) было пять бастардов, у Осви (641–670) – только один.

³ Средство, усиливающее половое влечение.

Незаконнорожденных дочерей в те времена не считали.

В 746 году святой Бонифаций упрекнул короля Мерсии Этельбальда за то, что последним «управляет похоть». Другой Этельбальд, король западных саксов (858–860), пренебрегая аналогичным укором, женился на собственной мачехе, дабы поддержать союз с королем франков, заключенный его отцом. Вторая супруга короля Эдгара (959–975) была на самом деле его любовницей, однако их сын унаследовал корону. В 786 году появился документ, рекомендующий разрешать всем детям, «рожденным в результате адюльтера или инцеста», становиться наследниками трона.

Король Этельред Нерешительный (978–1016) был незаконным сыном наложницы Эльгифу, которая, по некоторым сведениям, родила по меньшей мере еще двух королев. Правда, тут может иметь место некоторая путаница, поскольку любовницу одного из них, короля Кнуда (1016–1035), тоже звали Эльгифу. Впрочем, она вовсе не обязательно являлась той же самой женщиной, которая была любовницей отца и деда Кнуда, хотя такое нередко происходило в кругу королевских особ. Сын Кнуда, Гарольд Заячья Нога также имел любовницу по имени Эльгифу, но это уже было чистым совпадением.

В те дни, однако, все это выглядело совершенно иначе. Святой Иероним, признавая широкое распространение адюльтера, заявил: «Любить жену так же, как любовницу, – значит, совершать тяжкий грех».

Нормандское завоевание 1066 года явилось прямым результатом беспорядочных сексуальных связей. Эдуард Исповедник был столь благочестивым, что соблюдал целомудрие даже в браке. Это обеспечило ему канонизацию, а его жене – глубокое разочарование, но это же породило и вакуум власти.

После смерти Эдуарда Исповедника трон захватил Гарольд Уэссекский, однако нормандский герцог Вильгельм, или Вильгельм Бастард, как его называют во Франции, воспротивился воцарению Гарольда. Роберт Нормандский, отец Вильгельма, бисексуал, произвел его на свет от похищенной крестьянской девушки Хельве, которую увидел, когда она стирала свою одежду в ручье. Роберт заточил возлюбленную в своем замке, где она родила двух детей. Выйдя из заточения, Хельве весьма удачно сочеталась браком с бароном Хелиуном, виконтом Контевильским.

После смерти Роберта законных наследников не осталось. Нормандские герцоги не приняли бастарда Вильгельма, и свою юность он провел в борьбе за свои права. Таким образом, к 1066 году, выступая против Гарольда в битве при Гастингсе, Вильгельм был уже закаленным бойцом.

Генриху I печальную известность обеспечили его любовницы. У короля родилось более дюжины незаконных детей, а его единственный законный сын Вильгельм утонул, пытаясь спасти свою незаконнорожденную единокровную сестру Мод. Другая его незаконнорожденная единокровная сестра Матильда вступила на трон, но весь срок правления вела гражданскую войну против Стефана, одного из внуков Вильгельма Завоевателя.

Генрих II женился на Алиеноре Аквитанской. До этого она состояла в браке с Людовиком VII, однако воспылала ревностью, обнаружив, что во время отлучек мужа в крестовые походы его любовь к соратникам-рыцарям не всегда была чисто платонической, хотя, как поговаривали, сама Алиенора в отсутствие Людовика дарила свои ласки дяде, Раймонду Пуату. Со временем она добилась признания брака недействительным и вышла за Генриха Анжуйского, будущего Генриха II. Но и этот брак рухнул, когда у Генриха начался роман с «Прекрасной Розамундой».

Орден Подвязки был учрежден Эдуардом III, когда, по преданию, графиня Солсбери обронила подвязку во время танца. Чтобы спасти даму от смущения, король поднял подвязку со словами: «Nonni soit qui mal у pense» («Позор тому, кто плохо думает об этом»). На склоне лет Эдуард завел любовницу, Алису Перрерс, дочь кровельщика из Эссекса. Воспользовавшись преждевременным старческим слабоумием короля, она сумела заполучить больше богатств, чем сама королева. Разгневанный парламент изгнал ее из

страны, и все же Алиса прокралась обратно, чтобы успеть броситься в слезах на тело скончавшегося короля и снять перстни с его пальцев.

Дважды женатый Ричард II был тем не менее гомосексуалистом. Расточительность его двора привела к крестьянскому восстанию Уота Тайлера. Но у короля хватило благоразумия легитимировать незаконнорожденных сыновей Джона, герцога Ланкастерского. Кое-кто при дворе отказался признать это, и последовавшие споры явились основной причиной вспыхнувшей войны Алой и Белой розы.

Генрих IV, узурпатор, заслужил печальную славу развратника. Про него говорили, что «он будет упорно искать женщину, даже если ее нигде нет, и обязательно удовлетворит свой аппетит, овладев ею». Его сын, великий воин Генрих V, «ревностно служил как Венере, так и Марсу».

Генрих VI отличался большей скромностью. Как-то раз, когда к его услугам явилась команда полуобнаженных танцовщиц, Генрих выбежал из комнаты с криком: «Фу, какой стыд!» Король был импотентом. Когда его супруга Маргарита Анжуйская объявила, что она беременна, он чуть не рухнул в обморок. Согласно придворным слухам, ребенок был зачат герцогом Сомерсетом, и скандал, сопровождающий всю эту историю, помог Эдуарду IV заполучить трон.

Эдуард был «распущен до последней крайности», как писали его современники. По слухам, он отличался беспредельной грубостью по отношению к многочисленным соблазненным им женщинам. Когда королю надоедала очередная связь, он просто-напросто передавал женщину своим придворным. «В своих преследованиях он не делал различий между замужними и одинокими, между знатными и простолюдинами, – писали об Эдуарде, – однако король никогда не прибегал к силе. Все препятствия он преодолевал с помощью денег и обещаний, а завоевав женщину, он ее бросал».

Но современники ошибались. Так или иначе, Эдуард угрожал своим жертвам. С кинжалом в руке он пытался изнасиловать овдовевшую Элизабет Вудвил. И только услышав от нее, что она скорее умрет, чем уступит, король обещал на ней жениться.

Глава 1 Любострастный Гарри

Генриха VIII принято считать типичным образцом похотливых монархов. Хотя он и был чудовищным тираном, его сексуальные излишества, похоже, снискали ему любовь англичан, которая не ослабевает на протяжении веков. Однако он не являлся таким сексуальным гигантом, как это представляется. По имеющимся сведениям, Генрих VIII был единственным английским королем, имевшим больше жен, чем любовниц.

Несмотря на приобретенную позднее весьма щекотливую славу, Генрих VIII воспитывался своим строгим отцом Генрихом VII в духе целомудрия, вдали от мирских соблазнов, доступных большинству юных принцев. В 1509 году восемнадцатилетний и пока еще холостой Генрих взшел на престол. Менее чем через два месяца он женился на Екатерине Арагонской, вдове его брата Артура, принца Уэльского, скончавшегося в 1502 году. Хотя этот брак можно рассматривать как попытку сохранения важного для Англии союза с Испанией, Генрих, казалось, искренне любил Екатерину, которая была старше его на шесть лет. Они вместе сочиняли музыку, пели друг другу, вместе выезжали на соколиную охоту. Спальничьи, освещавшие фонарем путь короля в спальню королевы, оставили свидетельства, что этот путь к супружескому ложу повторялся с исключительной регулярностью. В течение пяти лет король не знал других женщин. Королева родила ему сына, умершего в возрасте двух месяцев, и дочь Марию. Было у них и несколько мертворожденных детей.

В 1514 году Екатерина забеременела в очередной раз. По обычаю того времени, король и королева не делили ложе во время беременности, и внимание Генриха привлекла Анна Гастингс, жена одного из придворных, сэра Джорджа Гастингса, сестра герцога

Букингемского. Генрих еще не был искусен в делах супружеской неверности. Он послал одного из постельничих, сэра Генри Комптона, с письмом к леди Анне. Комптон воспользовался удобным случаем и сам соблазнил Анну Гастингс. Элизабет Гастингс, одна из фрейлин королевы и сестра мужа Анны, узнала об этой связи и рассказала сэру Джорджу. Тот ворвался в комнату своей жены, где застал ее с Комптоном, который заявил, что к Анне его привело не собственное желание, а поручение короля. Вскоре новость о любовных намерениях Генриха VIII достигла ушей испанского посла и самой королевы.

Сэр Джордж отослал жену в монастырь, а Генрих обратил свой гнев на придворных сплетников. Герцог Букингемский был изгнан из дворца, та же участь постигла и Элизабет Гастингс. По свидетельству испанского посла, Генрих был готов удалить и других придворных, но боялся, что это только ухудшит ситуацию.

Королева не скрывала досады по поводу случившегося, а Генрих начал посматривать на других молодых дам. Среди удостоившихся королевского внимания оказалась Джейн Попинкорт, фламандка по происхождению. Некогда Джейн была любовницей герцога де Лонгвиля, французского вельможи, которого держали заложником при дворе в ранние годы правления Генриха. О ней ходила слава ненасытной искусительницы. Когда ее назвали в числе фрейлин, сопровождающих сестру короля Марию, направляющуюся во Францию, чтобы вступить в брак с Людовиком XII, французский король вычеркнул имя Джейн из списка. Он сказал, что предпочел бы увидеть Попинкорт не в свите его целомудренной невесты, а на костре. Устав от Джейн как любовницы, Генрих дал ей сто фунтов и отправил во Францию, где она воссоединилась с де Лонгвилем.

В 1518 году Генрих направляет свои любовные помышления на восемнадцатилетнюю Элизабет (Бесси) Блаунт. Одна из одиннадцати детей шропширского рыцаря, Бесси слыла придворной красавицей и звездой театра масок – новомодного развлечения, включавшего в себя пение, танцы, театральное представление, маскарад. Театр масок был популярен при королевских дворах Европы эпохи Возрождения. Впервые Бесси стала партнером короля в представлении театра масок, когда ей было всего тринадцать. Генрих в то время еще сохранял верность жене. Екатерине так понравилась прелестная девушка, что она попросила короля и Бесси повторить их выступление в ее спальне при свете фонарей.

Однако через пять лет их танец был уже не столь целомудрен, и летом 1519 года Бесси дала королю то, чего он так и не смог получить от своей супруги – живого здорового сына. При сложившихся обстоятельствах у Генриха не оставалось выбора. Он выдал Бесси замуж, и ребенок, Генри Фицрой, воспитывался как сын Гилберта Талбойза в Уорикшире в усадьбе Роукби-Мэнор, отданной Генрихом в качестве приданого.

Испытывая все большее разочарование из-за неспособности Екатерины родить наследника, король какое-то время подумывал о том, чтобы женить Генри Фицроя на его единокровной сестре Марии, законной наследнице, чтобы они смогли совместно править страной. Но Генри умер от туберкулеза еще юношей, разрушив этот кровосмесительный план.

Еще один незаконный ребенок родился у Генриха от Мэри, сестры Анны Болейн. Эти две молодые женщины отправились во Францию как фрейлины королевы. Там они должны были изучить обычаи французского двора, который оказался в высшей степени непристойным местом. Так, один из принцев имел кубок, на внутренней стороне которого была изображена совокупающаяся пара. Давая дамам этот бокал, наполненный вином, принц мог наблюдать за их реакцией по мере того, как эротическая сцена открывалась их глазам. Некий священник по имени Буро, живший при дворе, как-то извинился перед дамой за то, что за ночь смог лишь двенадцать раз удовлетворить ее. Причиной столь прискорбной слабости он посчитал прописанное ему врачом лекарство.

Мэри, похоже, жаждала последовать этим примерам. Она оказалась столь неразборчива в своих связях, что король Франциск I, которого самого называли «обвешанным женщинами со всех сторон», окрестил ее «кобылкой» – так в средние века именовали шлюх. А некий итальянец назвал Мэри «*una grandissima ribald et infame sopra tutte*» – «величайшей

проституткой и женщиной, совершенно лишенной стыда».

Несмотря на сомнительную репутацию, Мэри вернулась в Англию и вышла замуж за одного из личных слуг короля Уильяма Кэри, а позже стала фрейлиной Екатерины Арагонской. Генрих сделал ее своей любовницей, их связь продолжалась около двух лет. Генрих никогда не признавал ее детей своими, а Кэри за свою уступчивость был пожалован рыцарским званием. Один из новых кораблей королевского флота получил имя «Мэри Болейн», но никакого денежного вознаграждения не последовало, так что брошенная Генрихом Мэри осталась без всяких средств.

Отец Мэри, честолюбивый Томас Болейн, решил для сохранения королевской милости заменить Мэри ее младшей сестрой Анной. Поговаривали даже, что кроме двух дочерей он предлагал королю услуги своей жены, но Генрих якобы отказался, заявив: «С матерью – никогда».

В отличие от Франции, в Англии не получил признания титул *maîtresse en titre*, то есть официальной любовницы, почитаемой наряду с королевой, и Анна преисполнилась решимости не допустить, чтобы король обошелся с ней так же, как с ее старшей сестрой. Она вернулась из Франции с целью выйти замуж за Джеймса Батлера.

Анна дебютировала при дворе в представлении театра масок «Штурм Замка Добродетели», поставленном в Йорк-Плейсе, лондонском доме кардинала Уолси. В сверкающем атласном платье Анна появилась на сцене в числе восьми дам, изображавших женскую Добродетель. Они защищали замок, атакуемый Желанием, которое представляли восемь джентльменов в масках. Во время шуточного сражения, продолжавшегося несколько минут, нападавших забрасывали фруктами и поливали розовой водой, после чего Добродетель пала, и дамы принялись танцевать со своими поклонниками, которые затем сняли маски. Предводителем команды «Желание», как и следовало ожидать, оказался никто иной, как король.

Чтобы отвлечь от себя внимание короля, Анна сблизилась с женатым человеком, поэтом сэром Томасом Уаттом. Сэр Генри Перси, наследник графства Нортумберленд, также сделал ей предложение, но этому браку воспрепятствовал кардинал Уолси, знавший, что интерес к Анне проявляет Генрих. Примерно в это время страсть короля к Анне стала непреодолимой, и он прекратил свои визиты в спальню жены.

Лишенная возможности удачно выйти замуж, Анна все же отказывается стать любовницей короля. Генрих настаивает. В страстных любовных письмах он умоляет ее «отдать свое тело и свое сердце» королю, обещает сделать Анну «единственной возлюбленной, отвергнув всех остальных». Он пишет, что мечтает о вечерах, которые проведет в объятиях любимой, наслаждаясь ее ласками. Король поет хвалу ее «сладчайшим уточкам» (грудям), которые он «надеется вскоре покрыть поцелуями». И все же Анна отвергает его.

Удивительно, но Анна не отличалась особенной красотой. Как писал один венецианский дипломат, она обладала заурядной внешностью, «посредственной фигурой, смуглым лицом, длинной шеей, большим ртом и довольно плоской грудью». Говоря о сексуальной привлекательности Анны, венецианец добавляет, что объяснить ее можно лишь «королевским влечением и черными глазами».

Этого оказалось достаточно, чтобы обворожить Генриха и привлечь к себе внимание двора. Дамы подражали ей. В моду входили длинные свободно свисающие рукава, под которыми Анна прятала свой врожденный дефект – шестой палец, и расшитые повязки на шею, скрывающие ее уродливое родимое пятно огромных размеров.

Генрих пытался как-то оправдать свое влечение к неуступчивой Анне, утверждая, что его брак с Екатериной никогда не был законным. Действительно, поскольку Екатерина раньше была женой его старшего брата принца Артура, католической церкви следовало запретить союз Екатерины и Генриха. Однако после смерти Артура Екатерина добилась папского разрешения на брак, поклявшись, что между ними не было настоящих супружеских отношений, и она приходит к Генриху девственницей. Теперь Генрих утверждал, что

Екатерина солгала.

Вдовствующую герцогиню Норфолкскую заставили дать показания, что Екатерина действительно делила ложе с принцем Артуром. Этот грех кровосмешения, полагал Генрих, и отравил их союз, именно поэтому на свет не появился наследник мужского пола. Если бы он мог развестись с Екатериной и жениться на Анне, у них родился бы сын, обеспечив престолонаследие.

К несчастью, Папа смотрел на дело иначе – в значительной степени потому, что как раз в это время его держал заложником племянник Екатерины Карл V. Более того, когда попытки кардинала Уолси добиться признания брака короля недействительным не увенчались успехом, Анна, по-прежнему возмущенная тем, что кардинал расстроил ее брак с сэром Генри Перси, потребовала смещения Уолси.

Дело с разводом затягивалось. Наконец, в 1532 году Анна уступила королю – через шесть лет после того, как Генрих безнадежно в нее влюбился, и через десять лет после того, как он впервые ее увидел.

В середине января 1533 года она уже была беременна. Перспектива рождения наследника мужского пола побуждала Генриха к действию. События развивались стремительно. 25 января Анна и Генрих тайно сочетались браком, 23 мая специальным актом парламент объявил брак с Екатериной Арагонской не имеющим законной силы, на Троицын день Анну короновали, а в сентябре она родила дочь Елизавету.

Возможно, рождение девочки не оправдало надежд короля. Возможно, после стольких лет любовной игры физическая близость повлекла за собой сильнейшее разочарование. Возможно, Анна просто-напросто была не столь хороша в постели, как ее сестра, ненасытная Мэри. Так или иначе, Генриху вскоре наскучила новая королева.

Анна, в свою очередь, тоже не чувствовала себя удовлетворенной. Она жаловалась невестке, леди Рочфорд, что король не отличается ни мужской силой, ни умением доставить женщине наслаждение. Тем не менее Генрих продолжал спать с ней, и у Анны трижды были выкидыши. Король же без угрызений совести заводил все новых любовниц, чтобы стимулировать угасающее желание.

Анна сочла причиной одного из выкидышей флирт мужа с «очередной красоткой». Желая устранить соперницу, она обратилась за советом к хитрой и ловкой леди Рочфорд. Раскрыв их сговор, король немедленно изгнал фрейлину из дворца.

Отчаявшись, Анна решила пробудить в Генрихе интерес к своей кузине Мэдж Шелтон. Когда король обнаружил, что жена пытается управлять его любовными связями, он удалил и Мэдж – переспав с ней, разумеется.

К этому времени Генрих страдал от приступов импотенции. Он жаловался врачам: «Мне сорок один год, и в этом возрасте желание не так быстро овладевает мужчиной, как в годы цветущей юности». Но в 1535 году Анна вновь забеременела. Генрих был доволен, что не помешало ему обратить свой взор на одну из фрейлин Анны, юную и очаровательную Джейн Сеймур.

В январе 1536 года умерла Екатерина Арагонская. В ознаменование этого события Генрих устроил турнир. Сам король принял участие в схватках и был сброшен с лошади. Более двух часов он пролежал без сознания, и Анна вдруг поняла, как непрочно ее положение. Если король умрет, Англия погрузится в пучину гражданской войны за престолонаследие, и Анна окажется в большой опасности. Этот внезапный приступ страха вызвал у нее преждевременные роды, и на свет появился мальчик – мертвый.

По слухам, плод оказался деформированным – бесспорный признак колдовства. Генрих отрицал свое отцовство и объявил, что изуродованный плод указывает на то, что и второй его брак несет на себе проклятие кровосмешения. Ведь до женитьбы на Анне король был любовником ее сестры.

После смерти Екатерины Анна оказалась в весьма уязвимом положении. Теперь король мог утверждать, что его первый брак был законным, прекращая тем самым свои споры с католической церковью. Объявив брак с Анной недействительным, он получал возможность

начать поиски очередной жены.

Ко всему прочему, Анну при дворе не любили. Бывшие сторонники Екатерины, которые втайне сохраняли верность католической церкви, называли Анну «наложницей» и «пучеглазой шлюхой». Чтобы утешиться, она начала флиртовать. Ее недруги немедленно пустили слух, что Анна завела любовников. Генрих узнавал об этих мнимых изменах и с энтузиазмом распространялся о том, что его жена спит с сотнями мужчин. «Никогда никакой государь и вообще ни один муж не выставлял так повсеместно своих рогов», – писал один из придворных.

Вскоре замысел Генриха стал ясен. 2 мая 1536 года Анна была арестована по обвинению в супружеской измене, кровосмесительстве и намерении убить короля. Аресту подверглись брат Анны – лорд Рочфорд, и четверо ее предполагаемых любовников – придворные сэры Генри Норрис, сэры Френсис Уэстон и Уильям Бертон, а также красивый молодой музыкант Марк Смитон. Трое из них отрицали предъявленные обвинения, но Смитон под пыткой признался в любовной связи с королевой.

Норриса, Уэстона, Бертон и Смитона судили и признали виновными в государственной измене. Против них не было почти никаких улик, защита на суд не допускалась. Несчастных повесили на Тайберне⁴, еще живыми вынули из петли, оскопили, сожгли внутренности, четвертовали и обезглавили.

Суд над Анной и Рочфордом состоялся в Большом зале Тауэра. Несколько служанок Анны рассказали суду о «развлечениях в спальне королевы», но главным свидетелем обвинения была леди Рочфорд, которая показала, что в отношениях брата и сестры имела место «неподобающая вольность». Лорд Рочфорд, как утверждала его жена, «постоянно находился вблизи покоев королевы». При этом делалось предположение, что, поскольку Генрих не мог зачать дитя мужского пола, Анна пыталась поправить дело с помощью любовников, среди которых был и ее брат.

Как свидетельство инцеста это показание не выдерживало никакой критики, но никто не мог пойти против воли короля. Судья, дядя Анны герцог Норфолкский, со слезами на глазах прочитал вердикт, понимая, что альтернативы признанию подсудимых виновными нет. Согласно приговору, их должны были либо сжечь, либо обезглавить – по выбору короля, Генрих милостиво удостоил свои жертвы быстрой смерти. Рочфорда обезглавили топором на Тауэр-Хилле⁵, а для своей бывшей возлюбленной король не пожалел двадцати четырех фунтов стерлингов, именно в эту сумму обошлись услуги опытного палача из Кале, орудовавшего не топором, а мечом. Правда, до казни Анны король успел с ней развестись – за два дня до исполнения приговора их брак был признан недействительным на том основании, что она ранее имела обязательство выйти замуж за сэра Генри Перси. Хотя формально такое решение снимало с нее обвинение в супружеской измене, никто не осмелился сказать об этом королю.

Пока Анна готовилась принять смерть, Генрих лихорадочно развлекался, преследуя любую мало-мальски привлекательную даму. Наслаждение вновь обретенной свободой он сравнивал с ощущением человека, который избавился от «старой тощей клячи в надежде обрести красивую лошадь чистых кровей».

Поиски новой «лошади» не затянулись. Через одиннадцать дней после смерти Анны Болейн, 30 мая 1536 года, король женился на Джейн Сеймур.

Формально союз Генриха с Джейн тоже являлся кровосмесительным, поскольку они приходились друг другу родней в третьей степени. Однако Томас Кранмер, неизменно услужливый архиепископ Кентерберийский, тут же дал разрешение на брак.

Дочь сельского дворянина, Джейн была скромна и набожна. Даже живя в течение

⁴ Место публичной казни в Лондоне, существовавшее в течение 600 лет; использовалось до 1783 года.

⁵ Площадь возле Тауэра, где казнили людей знатного происхождения.

нескольких лет при развращенном дворе Генриха, она имела репутацию девственницы. Один дипломат язвительно заметил по этому поводу: «Трудно себе представить, что англичанка, долго живущая при дворе, не сочтет сохранение девичества грехом».

Став королевой, Джейн попыталась привить свои скромные манеры другим. Она запретила Анне Бассет носить французские платья и потребовала, чтобы та прикрывала декольте тканью.

Во время свадьбы стал распространяться слух, что «от этого брака не следует ожидать потомства какого-либо пола». Иными словами, Генрих был импотентом. Тем не менее, видимо, что-то в Джейн вдохновило короля, ибо в феврале 1537 года было объявлено, что королева беременна. 12 октября 1537 года Джейн, наконец, родила Генриху долгожданного сына, которого нарекли Эдуардом. Событие шумно отпраздновали. К сожалению, хрупкая молодая женщина не перенесла трудных родов. Джейн скончалась через двенадцать дней.

Генрих тяжело переживал утрату. Однако он скоро оправился и вновь пустился на поиски приятного женского общества. Он исполнился желания дать жизнь герцогу Йоркскому, младшему брату Эдуарда, который был еще грудным младенцем⁶. Генриху к тому времени уже исполнилось 48 лет, но он по-прежнему был неуверен в надежной преемственности королевской власти при отсутствии у него по меньшей мере двух сыновей. Но тут король встретился с определенным затруднением – ведь без королевы во дворце не было нужды во фрейлинах и придворных дамах. Так что подходящие молодые девицы жили в своих поместьях вне Лондона.

Английскому послу в Голландии Джону Хаттону было приказано составить перечень возможных кандидатур. Список получился весьма разнородным – от четырнадцатилетней фрейлины французской королевы до неплохо сохранившейся сорокалетней вдовы. Хаттон особенно рекомендовал шестнадцатилетнюю Кристину, герцогиню Миланскую, характеризуя ее как «весьма красивую» особу «с особенно привлекательной фигурой». В тринадцать лет она была выдана за герцога Миланского, а через год овдовела, не родив ребенка. Кроме того, она приходилась внучатой племянницей Екатерине Арагонской.

Без сомнения, Кристина вызвала у Генриха живой интерес, но король хотел получить более полные сведения о наличествующих французских принцессах. Он предложил устроить конкурс красоты с участием пяти претенденток в Кале, однако французский посол резко заявил, что если девушкам придется ходить по кругу, как пони, то почему бы королю не пойти дальше и не оседлать их одну за другой, чтобы выбрать самую подходящую для скачек. Генрих рассмеялся, смутился и оставил эту идею.

Чтобы написать портрет герцогини Кристины, к ней был послан художник Ханс Гольбейн. Увидев изображение, Генрих пришел в восторг и призвал музыкантов и актеров для подготовки к свадьбе. Тем не менее лорд-гофмейстер Томас Кромвель постарался убедить короля изменить планы. Поскольку Папа объединил Францию и Испанию против Англии, ситуация требовала заключения союза с германскими княжествами для восстановления равновесия сил. В результате Гольбейн уехал с новым поручением – написать портрет Анны Клевской.

Когда посланцы английского короля прибыли ко двору герцога Киевского, Анна и ее сестра Амелия оказались столь тщательно закутаны, что ни их фигур, ни лиц не удалось рассмотреть. В ответ на протесты представитель герцога заявил: «Вы что, хотите видеть ее обнаженной?»

Гольбейну пришлось писать портрет Анны под пристальным надзором герцогского двора, и художник польстил модели. Портрет произвел на Генриха благоприятное впечатление, и детали союза были быстро согласованы. В короле росло «желание».

Несмотря на подагру, Генрих скачет из Гринвича в Рочестер, сгорая от желания

⁶ Согласно английской традиции, старший сын монарха получал титул принца Уэльского, а следующий – герцога Йоркского.

приветствовать свою новую невесту. Едва увидев ее собственными глазами, король обомлел – ничего общего с изображенной на портрете красавицей!.. Генрих прозвал суженую «фламандской кобылой». Незнание английского подлило масла в огонь, а во время любовного ритуала девушка откровенно скучала. Лорд Рассел сказал, что никогда не видел «Его Величество столь обескураженным и удивленным». Генрих не выбирал слов. «Мне она решительно не нравится», – заявил он Кромвелю. Однако, уступая политической необходимости, король воздержался от немедленного разрыва.

Хотя его жена была вдвое моложе, она не возбуждала в Генрихе желания. Наутро после свадьбы Кромвель поинтересовался у короля, какова королева в постели. Генрих ответил: «Я не слишком любил ее до этого, но теперь я люблю ее гораздо меньше».

Больше всего короля огорчало то, что Анна оказалась «не такой, как ему докладывали». Грудь у нее была дряблой и отвислой, да и остальные части тела заставляли думать, «что на нее не позарится ни один мужчина». Фигура женщины была столь «безобразна и отталкивающа», что не могла «вызвать в нем ни малейшего желания», и король «в ее обществе никогда не испытывал чувственного влечения и не стремился к плотской близости».

Через восемь дней после свадьбы Генрих обратился к своим врачам. Он пожаловался, что хотя и проводит с женой каждую ночь, та «остается невинной, как новорожденный младенец». Свою мужскую силу он не подвергал сомнению, поскольку за этот период он вызывал у себя излияние семени несколько раз. Доктора тактично убеждали Генриха не делать этого, дабы не ухудшить свое состояние.

Между тем Анна Клевская пребывала в блаженном неведении о возникшей проблеме. «Ложась в постель, он целует меня, берет за руку и желает мне спокойной ночи. Разве этого не достаточно?» – спрашивала она у леди Ратленд. Последняя терпеливо объясняла королеве, что для появления в Англии герцога Йоркского требуется нечто большее. Однако любые обсуждения более интимных упражнений, уместных в спальне, пресекались Анной Клевской как непристойные.

Положение стало еще более унижительным, когда Анну и леди Ратленд заставили повторить их разговоры перед собранием священнослужителей, созванным для решения вопроса о действительности брака.

С тех пор как предложение об этом союзе впервые было выдвинуто, ситуация в Европе заметно изменилась. Альянс с германскими княжествами утратил свою актуальность. Будучи лютеранкой, Анна не пользовалась симпатиями англокатоликов Британии. Дело усложнялось еще и тем, что Генриху приглянулась восемнадцатилетняя фрейлина королевы Екатерина Говард, двоюродная сестра Анны Болейн. К этому времени отношение Генриха к жене стало чисто платоническим, он обращался с ней скорее как с сестрой, чем с возлюбленной. Со своей стороны, Анна Клевская нашла утешение в пристрастии к вину.

Трудно себе представить более непохожую на Анну женщину, чем Екатерина. Она не была ни скромной, ни набожной. Яркая и страстная, она, разумеется, уже успела утратить невинность. Потеряв мать в раннем возрасте, девушка воспитывалась бабкой, вдовствующей герцогиней Норфолкской, в Хоршеме, графство Суссекс. Дом был огромен и всегда полон людьми, многочисленные молодые родственники теснились в общих спальнях. То и дело мимолетные романтические свидания и полночные увеселения заканчивались общими любовными играми. Первый любовник появился у Екатерины в четырнадцатилетнем возрасте. Ее соблазнил Генри Мэннокс, учитель музыки, который по иронии судьбы набросился на девушку во время урока игры на верджинеле⁷. Позже Екатерина утверждала, что у них не было полового акта, а «по настоянию Мэннокса и под воздействием его льстивых

⁷ Ирония заключается в двойном значении слова *virginal* – «верджинела (разновидность клавесина)» и «девственный».

слов я, совсем еще молодая девушка, позволила ему несколько раз коснуться потайных частей моего тела, что постыдно и для меня – за потворство, и для него – за настойчивость». Мэннокс тоже поклялся, что никогда не вступал с ней в «плотскую связь», хотя и признал, что пытался флиртовать с ней в маленькой ризнице за алтарем часовни в доме герцогини.

Когда семья переехала в Норфолк-Хаус в Лэмете, Екатерина встретила с новым возлюбленным, Френсисом Дергемом. Вскоре они уже игриво называли друг друга «женушка» и «муженек». Дом, изобиловавший галереями, чуланами и прочими укромными уголками, был идеальным местом для любовных встреч.

– Екатерина с исчерпывающей ясностью описывала происходящее: «Френсис Дергем своей настойчивостью склонил меня к выполнению порочного умысла и сначала лег на мою постель в одежде, затем залез под одеяло и в конце концов лег со мной обнаженный и овладел мной, как мужчина овладевает женой. Он делал это множество раз, но я не могу сказать, сколько именно».

Дергем и его друг Эдвард Уолдгрейв нашли способ тайно проникать в комнату девушек по ночам. Они оставались там до рассвета со своими возлюбленными – Екатериной и Джоан Балмер. Дергем и Екатерина, согласно показаниям, «целовались и терлись животами, как два воробышка». Они обменивались любовными ласками, и в темноте то и дело раздавались «вздохи и сопение». Несмотря на свою молодость, Екатерина была достаточно опытна, чтобы знать, «как женщина может спознаться с мужчиной и не забеременеть, если сама того не захочет».

Эти эротические игры достигли определенного предела. Еще одна обитательница дома, Кэтрин Тилни, призналась впоследствии, что время от времени она присоединялась к Дергему и Екатерине в постели, дабы заниматься любовью втроем.

Хотя поведение Екатерины было широко известно, о нем перестали говорить, как только король обратил на девушку свое внимание. Для Генриха она являлась «стыдливой розой без единого шипа», «безупречным алмазом, воплощающим женственность», и он осыпал Екатерину дорогими подарками. Она легко могла стать просто очередной любовницей короля, но могущественное и честолюбивое семейство Говардов усмотрело в страстной влюбленности Генриха путь к избавлению страны от королевы-протестантки, а также средство для укрепления своего положения.

К этому времени Кромвель уже допускал, что столь тщательно спланированный им брак более не является целесообразным. «Не разорвав эти узы, вы никогда не сможете дать жизнь новым наследникам ради блага страны», – сказал он королю.

После принятия соответствующего решения специальное собрание священнослужителей без промедления огласило то, что требовалось монарху. Было объявлено, что «плотское соитие между Его Величеством и поименованной леди Анной не имело места, да и не могло осуществиться из-за наличествующих препятствий». Далее говорилось, что импотенция короля не являлась постоянно действующим фактором. Причиной его сексуальных проблем была встревоженная совесть. Ведь Анну некогда намеревались выдать за другого, и это обстоятельство отвращало короля от их союза по нравственным и юридическим соображениям.

В результате брак был признан недействительным, хотя Анну вынудили остаться в Англии. По всей вероятности, она стала заводить любовников. Во всяком случае, по слухам, Анна была дважды беременна и родила одного внебрачного ребенка.

И снова, прежде чем Генрих смог жениться на Екатерине, понадобилось выпустить соответствующее церковное разрешение, ибо он ранее вступал в плотскую связь с Анной Болейн, двоюродной сестрой Екатерины Говард. Получив такое разрешение, пятидесятилетний король женился на своей девятнадцатилетней любовнице. Церемония проводилась поспешно, ибо, по словам французского посла, Екатерина уже носила в чреве ребенка. Но чьим был этот ребенок? Король, несмотря на юношескую горячность желаний, был тучен, лыс и нездоров. Окружность монаршей талии достигала пятидесяти четырех дюймов, а Екатерина явно выказывала предпочтение более молодым и стройным мужчинам.

Вскоре партнеры Екатерины по юношеским играм оказались при дворе, в том числе Джоан Балмер и Кэтрин Тилни. Но одну даму, к несчастью, забыли пригласить. Это была Мэри Ласселс, дама из окружения герцогини Норфолкской. Еще в Ламбете она участвовала в ночных развлечениях вместе с Екатериной. По наущению брата-протестанта, который стремился положить конец влиянию католической семьи Говардов, Мэри рассказала архиепископу Кентерберийскому Кранмеру о проказах юной Екатерины.

Мэннокс и Дергем под пыткой признались в своих любовных встречах с Екатериной, а Дергем к тому же рассказал о том, что «любви королевы удостоился» и Томас Калпеппер, один из служителей внутренних королевских покоев.

В каком-то смысле Калпеппер был королевским любимчиком. Как свидетельствует французский посол, он с детства воспитывался во дворце и «обычно спал в постели короля». Очевидно, Томас пожелал «спать и в постели королевы», добавляет злоязычный француз.

Этот молодой человек не впервые попадал в скверное положение. Ранее он силой овладел женой садовника, затащив ее в укромный уголок парка, причем трое или четверо его слуг держали бедную женщину. Генрих простил ему эту выходку, но на сей раз пощады не было.

Под пыткой Калпеппер заявил, что на связь с королевой его толкала фрейлина Екатерины, леди Джейн Рочфорд – та самая Рочфорд, которая столь красноречиво давала показания о супружеской измене Анны Болейн. Но несмотря на истязания он продолжал отрицать, что между ним и королевой имел место половой акт.

Подвергнутая допросу Екатерина также обвинила леди Рочфорд, которая, по ее словам, побуждала королеву к заигрываниям. Но и она, подобно Томасу, отрицала факт супружеской измены. Что касается леди Рочфорд, то та обвинила обоих в супружеской неверности, одновременно заявив, что сама об этой связи не ведала.

Однако исход дела решили показания Кэтрин Тилни. Она сообщила, что королева часто покидала ночью свою опочивальню, поднималась по черной лестнице в комнату Калпеппера и оставалась там до двух часов утра. Вскоре темницы Тауэра были заполнены до такой степени, что для размещения новых узников понадобилось превратить в камеры королевские покои этой крепости.

Суд, заседавший в Гилдхолле⁸, признал Дергема и Калпеппера виновными в государственной измене и приговорил их к повешению, сжиганию внутренностей и четвертованию. Оба воззвали к милости короля. В результате приговор Калпепперу заменили на отсечение головы – его вина в глазах Генриха была не столь велика. Дергем же, опозоривший непорочную невесту Его Величества, был обречен заплатить страшную цену, подвергнувшись варварской казни. Головы казненных выставили на шестах на Лондонском мосту⁹, и они оставались там, уже лишённые плоти, целых четыре года.

Екатерина была лишена королевского титула по причине «плотского соития» с Дергемом. Ее также обвинили в том, что она вела «отвратительную, изменчивую, чувственную, сластолюбивую, порочную жизнь» и действовала «в отношении разных лиц как проститутка... сохраняя внешнюю видимость целомудрия и благородства».

13 февраля 1542 года Екатерине Говард отрубили голову на той же плахе, где встретила смерть ее двоюродная сестра Анна Болейн. Следом за Екатериной на эшафот взойшла леди Рочфорд – на плахе еще не высохла кровь ее госпожи.

«Вот так шалунья!» – воскликнул французский король, которого весьма позабавили рассказы о проделках Екатерины. И он послал Генриху исполненное сарказма поучение, сурово порицающее «женское легкомыслие».

⁸ Здание ратуши, построено в 1411 году.

⁹ До 1749 года единственный мост через Темзу в Лондоне.

Но все эти неудачи отнюдь не отвратили Генриха от слабого пола. После казни Екатерины он устроил грандиозный ужин. Вместе с королем сидели двадцать шесть девиц, а еще тридцать пять расположились за соседним столом. Особенно приглянулась Генриху Анна Бассет. «Премиленькая юная особа, у которой хватало ума не выделяться среди других», – писал о ней французский посол.

Однако теперь женщины становились все более осмотрительными в отношениях с Генрихом – два развода и две казни служили неплохим сдерживающим средством. При дворе поговаривали, что «можно оказаться в весьма затруднительном положении, если король, заполучив юную леди в постель, затем по ошибке объявит, что она не была девственницей».

Генрих был доведен до отчаяния. Он даже подумывал о том, чтобы вернуть к себе в постель Анну Клевскую. Впрочем, советники короля вскоре уразумели, что подобный шаг не является решением проблемы. Даже если в результате возобновления супружеских отношений с Анной на свет каким-то чудом появился бы наследник, в Англии возникли бы весьма серьезные конституционные затруднения, связанные с престолонаследием.

В конце концов, чтобы избежать риска, связанного с очередной юной невестой, Генрих решил обратить свое внимание на женщину, в отношении которой не возникал вопрос о девственности. Эта дама успела дважды овдоветь.

Екатерина Парр, как и все английские невесты короля, находилась с ним в отдаленном родстве, что свидетельствует не столько о подсознательном стремлении Генриха к инцесту, сколько о принадлежности всех этих леди к весьма узкому кругу аристократии. Впервые Екатерина сочеталась браком в нежном возрасте (ей едва минуло семнадцать) с Эдвардом Бротоном; бедняга подвинулся рассудком и скончался в 1532 году. Детей у них не было. Позже Екатерина вышла замуж за лорда Латимера, который был двадцатью годами старше ее и всего лишь двумя годами моложе короля. Они прожили вместе десять лет, причем почти все это время ее муж оставался немощным. Когда лорд Латимер уже лежал на смертном одре, его супруга воспылала страстной любовью к весьма представительному, но лишенному щепетильности брату Джейн Сеймур Томасу и преисполнилась надежд выйти за него после кончины мужа. Однако в это время к ней стал проявлять интерес Генрих, который принялся добиваться ее взаимности еще при живом Латимере.

Екатерина любила другого, но пойти против воли короля не могла. И вот 12 июля 1543 года Генрих VIII женился в последний раз.

Этот союз вызвал определенное раздражение. Екатерина отнюдь не была красавицей, и если Анна Клевская не чувствовала себя униженной и не выказала удивления по поводу решения Генриха жениться на молодой и привлекательной Екатерине Говард, то его последний брак она восприняла как вопиющее оскорбление. Ведь сейчас король явно женился не для того, чтобы произвести на свет наследника.

Его Величество так растолстел, что в его камзол могли влезть трое крупных мужчин. А сама Екатерина Парр в двух браках не родила ни одного ребенка. Анна была готова отказаться от солидной пенсии, лишь бы вернуться домой. Но при жизни Генриха она так и не смогла уехать из Англии.

Король уже не скрывал, что пресытился молодыми женами и теперь ищет в браке лишь дружеского участия. Королева Екатерина проводила ночи в небольшой спальне рядом с опочивальней Генриха, и это служило верным знаком того, что король видел в ней скорее сестру милосердия, чем любовницу. Так они и прожили в согласии до кончины Генриха, последовавшей 7 февраля 1547 года.

Еще в 1524 году во время турнира король был ранен и с тех пор до самой смерти страдал от незаживающей язвы на ноге. Рана причиняла ему сильную боль, особенно когда с возрастом Генрих стал тучным. Вполне возможно, что занятия любовью сопровождалась у короля физическими мучениями.

Но несмотря на боль и время от времени проявляющее себя половое бессилие, король не прекращал попыток произвести на свет наследников мужского пола, используя для этой

цели молодых женщин в надежде на их плодovitость. Генрих слишком хорошо знал, как в прошлом его страну раздирали интриги, порожденные проблемой престолонаследия, и понимал, что положение станет еще тяжелее, если британский трон унаследует женщина.

Глава 2 Век непорочных

Принц Эдуард, рожденный в 1537 году, болезненный сын Джейн Сеймур, всегда оставался пешкой в политической игре. Когда мальчику исполнилось всего лишь шесть лет, по Гринвичскому договору ему предназначили в жены королеву Шотландии Марию.

Это была не первая попытка союза между Англией и Шотландией. Девятнадцатью годами ранее сестру Эдуарда Марию прочили в жены шотландскому королю Якову V. Но затем английская сторона передумала, испугавшись, что северный сосед попытается взять под свою руку всю страну.

В 1543 году по аналогичной причине против Гринвичского договора восстали шотландцы. Они не желали, чтобы их страну поглотила английская монархия. Следующая попытка Генриха женить сына пришлось на 1546 год, когда завершилась война с Францией. Король надеялся с помощью брака наследника приобрести могущественного союзника и тем самым укрепить мир. Одну из своих дочерей предлагал герцог Гольштейнский, а также велись переговоры относительно принцессы из Габсбургского дома, но обе эти кандидатуры были отвергнуты, когда Карл V предложил выдать за Эдуарда одну из своих многочисленных племянниц. Только смерть короля помешала осуществлению этих планов.

Между тем 25 июня 1547 года вдова Генриха Екатерина вышла замуж за своего любимого Сеймура. Королеву не остановило то обстоятельство, что ранее Сеймур просил руки обеих принцесс, Марии и Елизаветы, однако получил отказ от короля. Честолюбивый Сеймур как-то похвалялся и своим намерением жениться на Анне Клевской. Он имел славу «одного из красивейших мужчин двора». Благодаря такой внешности его имя связывали с целым рядом женщин на выданье, в том числе с Марией, герцогиней Ричмондской.

Пока король был жив, Сеймур благоразумно оставался вне пределов Англии, но через несколько месяцев после смерти Генриха он вернулся и возобновил тайные встречи с Екатериной. «Буде вам в радость посетить меня, соблаговолите явиться рано поутру, чтобы вновь покинуть мои покои до семи часов, – писала Екатерина своему возлюбленному. – Тогда, я думаю, о нашей встрече не заподозрят. И прошу накануне вечером дать мне знать о часе вашего прихода, дабы у внешних ворот вас ждала моя служанка».

Вскоре эта связь принесла свои плоды. В возрасте тридцати пяти лет после трех бездетных браков Екатерина забеременела. Пока она ждала ребенка, неверный муж, естественно, искал утешения на стороне. И он нашел его в объятиях своей пятнадцатилетней падчерицы Елизаветы. Сеймур входил к ней в комнату, когда принцесса одевалась, хлопал по ягодицам и забирал ключ, чтобы она не могла убежать. Потом он щекотал ее, пока Елизавета не просила пощады, и уводил в парк, где они шумно возились, хотя там их могла видеть его беременная жена.

Иногда по утрам он приходил к Елизавете в одной короткой ночной рубашке и раздвигал полог кровати. Однажды Сеймур разорвал платье на падчерице, которую держала сама Екатерина. После этого девочке велели уйти прочь. По слухам, Екатерина однажды застала Сеймура и Елизавету во время страстных объятий.

Старший брат Сеймура, лорд-протектор Сомерсет, прекрасно понимал, какую цель он преследует – Сеймур хотел после смерти Екатерины жениться на принцессе Елизавете и разделить с ней трон.

Когда срок родов приблизился, Екатерина в сопровождении леди Джейн Грей и нескольких служанок уехала в свое поместье в Хэнсуорте. «Мэри Оделл, которая спит рядом со мной, положила руку на мой живот и почувствовала, как ребенок шевелится, – писала Екатерина Сеймуру. – Последние три дня он шевелится каждое утро и каждый вечер. Ты

получишь удовольствие, когда приедешь».

30 августа 1548 года у Екатерины родилась девочка. Ребенок был здоров, но сама королева чувствовала себя плохо. В лихорадочном бреде она выкрикивала бессвязные обвинения в адрес мужа и своих фрейлин. Даже когда Сеймур ложился рядом с ней, стараясь ее успокоить, Екатерина не прекращала гневных речей. Через шесть дней она скончалась.

Неверный Сеймур не надолго пережил свою жену. В 1549 году, после попытки убить Эдуарда VI в его покоях, Сеймура обвинили в мятеже и казнили. Поскольку принцессу Елизавету и Сеймура связывали тесные отношения, ее тоже заподозрили в соучастии в заговоре.

Эдуард VI взошел на престол в 1547 году неженатым – ему в то время минуло десять лет. Юный принц был, по всеобщему мнению, очень привлекателен. Один иноземный посланник назвал его «ангелом в человеческом обличье» и писал, что «трудно представить себе более прекрасное лицо и фигуру». У принца был восхитительный цвет лица, серые глаза и намек на золотисто-каштановую бородку. Своей красотой Эдуард был больше всего обязан чистой кожей. Придворные пытались подражать королю, используя косметику, обесцвечивая и выщипывая брови. Некоторые два-три раза в год пускали себе кровь, чтобы добиться необходимой бледности лица.

Эдуард, как считают, также отличался строгими взглядами. Как-то он написал своей единокровной сестре Марии, веля ей «прекратить посещение иноземных развлечений и танцев, не подходящих христианской принцессе».

В 1552 году Эдуард был официально обручен с французской принцессой Елизаветой. Советники желали, чтобы король обзавелся супругой, но предостерегали его от заключения брака для укрепления политических союзов, поскольку это «приводит к блуду и разводам», как писал епископ Вустерский. Памятуя о семейных проблемах отца, молодого короля Эдуарда убеждали «не выбирать горделивую распутницу», а «обретя в сердце своем любовь, вести чистую и благонравную жизнь» в браке с Елизаветой.

Хотя эта помолвка являлась скорее следствием дипломатических расчетов, нежели романтических устремлений, похоже, что в мыслях Эдуарда в это время на первом месте была именно любовь. Рождественские празднества он провел в Гринвиче, где самое яркое впечатление у короля осталось от представления под названием «Триумф Купидона».

Помолвка с французской принцессой не помешала Эдуарду пойти против желания советников и рассмотреть возможность шотландского союза, о котором мечтал его отец. Эдуард пригласил тридцатипятилетнюю Марию Гиз, регента Шотландии, посетить его в Вестминстерском дворце. Когда Мария преклонила перед королем колени в Большом зале дворца, Эдуард поднял ее и поцеловал в обе щеки. Потом он расцеловал всех дам из ее свиты.

Эдуард устроил грандиозный прием в честь гостя, пригласил музыкантов и лично провел Марию Гиз по королевскому парку и галереям дворца. Все это время он настойчиво поднимал вопрос о браке с ее дочерью Марией Стюарт, которая уже была помолвлена с дофином Франции. «Подобный образ действий не есть кратчайший путь к сердцу женщины, – остерегала Мария Гиз молодого короля. – Вашему Величеству не следовало быть со мной столь настойчивым».

После такой отповеди Эдуард вернулся к планам женитьбы на принцессе Елизавете. Он послал во Францию бриллиантовый перстень и свой портрет, который принцессе надлежало повесить в спальне. Но все эти приготовления ни к чему не привели. В 1553 году Эдуард умер, так и не познав сладости супружеского ложа.

Его преемница, леди Джейн Грей, была почти столь же непорочна, как Эдуард, и не выказывала никакого желания вступить в брак – она вышла замуж только по настоянию герцога Нортумберлендского. В момент своего рождения в октябре 1537 года Джейн была пятой в линии наследования престола, и ее родители вынашивали планы брака девушки с принцем Эдуардом. Она воспитывалась в доме Томаса Сеймура и, похоже, влюбилась в

этого уже немолодого человека. Однако, превратившись в прелестную молодую женщину, она не страдала от отсутствия претендентов на ее руку, жаждавших улучшить свое положение в обществе. Сеймур держал кавалеров на расстоянии, говоря, что «леди Джейн не должна выходить замуж, пока возраст не позволит ей родить ребенка от мужа, чей возраст позволит такого ребенка зачать». Чтобы и дальше оградить девушку от женихов, он распустил слух, будто сам собирается на ней жениться.

По-видимому, Сеймура связывали с Джейн те же бурные отношения, что и с Елизаветой, которой он в письмах задавал вопрос, «не стала ли меньше ее большая задница». Из-за его репутации распутника возникли сомнения, стоит ли оставлять Джейн на попечении Сеймура. Однако, покинув его дом, девушка писала ему письма, в которых благодарила «за великую доброту», за то, что он был ей «любящим и заботливым отцом».

К тому времени молодая наследница престола превратилась в красавицу. На приеме, устроенном Эдуардом VI в честь Марии Гиз, она была царицей бала. Изящная фигура, тонкие черты лица, чувственный рот, призывные красные губы – вот портрет Джейн Грей. Изогнутые дугой брови и ниспадающие волосы были поразительного золотисто-каштанового цвета, на бледной коже выступали веснушки. Но самым привлекательным для современников в Джейн Грей оставался живой веселый нрав и энтузиазм молодости.

Такая красота и невинность с неизбежностью привлекали хищников. Коварный герцог Нортумберлендский, замороженный ее прелестью, решил выдать Джейн за своего пятого сына, лорда Гилдфорда Дадли, глупого и чванливого юнца.

В течение двух предыдущих лет герцог фактически правил страной. Он понимал, что король болен и дни его сочтены, а потому решил увеличить могущество и богатство семьи, обручив сына с леди Джейн. Когда ей сообщили об этом, Джейн наотрез отказалась от такого брака. Подобное неповиновение в шестнадцатом веке считалось неслыханным. Джейн утверждала, что ее рука уже обещана лорду Хартфорду... Но родители заставили дочь подчиниться. «Тумаки матери и проклятия отца» возымели свое действие. А через девять лет за лорда Хартфорда тайно вышла замуж ее сестра.

Брак Джейн явился лишь одним из элементов в сложной системе династических союзов, разработанной герцогом Нортумберлендским. Одновременно он выдал ее тринадцатилетнюю сестру Екатерину за лорда Герберта, а Екатерину Дадли – за лорда Гастингса. Самая младшая сестра Джейн, восьмилетняя Мария, была помолвлена со своим кузеном Артуром Греем, и они должны были сочетаться браком, как только невеста достигнет половой зрелости.

Свадьба Джейн отличалась роскошью. Платье невесты из золотой и серебряной парчи украшали бриллианты, в достигающих плеч волосах нежным светом горели жемчужины. За рыцарским турниром последовало представление театра масок, пиры и танцы сменяли друг друга, но после всех этих празднеств неумеренный в пище жених почувствовал себя плохо, и супружеские отношения не были осуществлены в полном объеме.

Время шло, и вскоре Эдуард уже лежал на смертном одре. Герцог Нортумберлендский действовал без проволочек. Он убедил умирающего короля изменить право престолонаследия в пользу леди Джейн Грей и приказал, чтобы брак был незамедлительно доведен до завершающей стадии. Через несколько недель состоялась публичная демонстрация «делящих ложе» супругов. Не удивительно, что у Джейн это вызвало отвращение. Она вскоре удалась в Челсийский дворец для «отдыха» или лечения.

После смерти Эдуарда леди Джейн Грей была провозглашена королевой. Ее правление длилось всего девять дней, после чего престол захватила Мария, дочь Генриха и Екатерины Арагонской. Джейн и Гилдфорд были арестованы и заключены в Тауэр. Их судили. Его приговорили к повешению, сожжению внутренностей и четвертованию; ее – к сожжению на костре.

Мария была готова проявить милосердие и сохранить им жизнь, если бы сэр Томас Уатт не поднял протестантский мятеж против ее предполагаемого брака с католиком Филиппом Испанским. Но и при этих условиях приговор заменили на отсечение головы.

Джейн не захотела встречаться в Тауэре со своим красавцем-мужем, однако видела, как его обезглавленное тело волокли с Тауэр-Хилла. Затем ее вынудили пройти унижительную процедуру «осмотра матронами» с целью выяснения, не беременна ли она. И только после этого топор палача отсек ее голову.

Глава 3 Извращенные королевы

Если принять во внимание сексуальную жизнь Генриха VIII, вряд ли можно удивляться, что двум его дочерям были свойственны определенные отклонения в любовных делах.

В течение полных неопределенности дней, предшествовавших ее восшествию на престол, Мария предпочитала окружать себя женщинами, в их числе была Мэри Браун, которую Мария «любила за добродетель».

Во время правления Эдуарда VI Мария расширила круг своих придворных. «Дом принцессы – единственное прибежище знатных молодых дам, не чуждых благочестия и добропорядочности, – свидетельствует Джейн Дормер, одна из камеристок Марии, – причем самые благородные лорды королевства добиваются у принцессы места для своих дочерей».

Джейн спала в опочивальне Марии, носила ее драгоценности и разрезала мясо для своей госпожи. Они были очень привязаны друг к другу, и Марии претила сама мысль о том, что Джейн может выйти замуж и покинуть ее. Нередко она говорила, что Джейн Дормер заслуживает хорошего мужа, но что она не знает мужчину, который оказался бы ее достоин. Взойдя на престол, Мария воспрепятствовала браку Джейн с завиднейшим холостяком королевства Генри Кортни. Только к концу своего правления королева разрешила любимой фрейлине выйти замуж за испанского посланника герцога Фериа.

Сам Генри Кортни казался таким лакомым кусочком, что многие считали его подходящей партией для самой Марии. Но придя к власти в тридцать семь лет, она отвернулась от красавчика Кортни, сочтя его просто избалованным юнцом. Теперь фрейлины королевы говорили только о предстоящей свадьбе с Филиппом Испанским.

Кортни пытался помешать этому браку, но его заподозрили в участии в мятеже Уатта, направленном против союза с католической Испанией, и изгнали из страны. Мятеж был подавлен со всеми жесточайшими последствиями, а Кортни умер в изгнании.

18 июля 1554 года Филипп прибыл в Саутгемптон. Он без всякого почтения взглянул на свою невесту, которая была десятью годами старше его, и пожелал увидеть остальных придворных Марии. Осмотрев цвет английского женского общества критическим взором, он перецеловал всех дам. «Те, что я видел во дворце, красотой не блещут, – заявил дворянин из свиты Филиппа, повторяя мнение своего господина. – По правде говоря, они просто уродливы».

«Испанцы любят угождать женщинам и тратить на них деньги – но это совсем другие женщины», – писал другой приближенный испанского принца.

Однако слуг Филиппа больше поразили короткие юбки англичанок – «они выглядят довольно непристойно, когда сидят». Испанцев в равной степени поражало, что английские женщины не стесняются открывать лодыжки, целуют незнакомцев при первой встрече и, подумать только, могут пообедать наедине с другом своего мужа!.. Самым бесстыдным в глазах приезжих было то, как прекрасно англичанки держатся в седле.

Сам Филипп слыл мужчиной, умеющим тактично обходиться с непривлекательными женщинами, однако его попытки затеять флирт с Магдаленой Дакре, одной из фрейлин Марии, получили резкий отпор.

В воздухе повеяло грядущим скандалом. В течение нескольких месяцев после свадебной церемонии приближенные королевы ожидали оглашения новости, что Ее Величество готовится дать стране наследника. Наконец в сентябре 1554 года было объявлено, что королева беременна. На Пасху 1555 года несколько испанских дам собралось

в Хэмптон-Корте¹⁰, чтобы присутствовать при появлении ребенка на свет. Однако в конце мая прошел слух, что Мария вовсе не ждет потомства. Согласно официальной версии, произошла ошибка в определении даты зачатия. Выдумка о беременности поддерживалась до июля – к этому времени переполненный Хэмптон-Корт невыносимо смердел. (В XVI веке ассенизация оставалась весьма несовершенной, поэтому двор постоянно переезжал с места на место, давая возможность освободить дворцы от нечистот и окурить помещения ароматическими веществами.)

В августе королеве пришлось признать, что она обманулась и беременность оказалась ложной. Услышав эту новость, Филипп отплыл в Испанию. Мария провожала его в Гринвиче. На людях она старалась держаться, но, вернувшись в свои покои, разрыдалась.

Она писала супругу, убеждая его вернуться. В марте 1557 года Филипп вновь прибыл в Англию, но скорее как союзник, чем любящий муж. Ему требовалась поддержка Марии в войне с Францией. Англия выступила на стороне Испании и в результате потеряла Кале.

В январе 1558 года Филипп уехал, а королева снова почувствовала себя беременной. На самом деле – то были признаки водянки, болезни, которая вскоре убила Марию.

Вслед за Марией на престол вступила Елизавета I, королева-девственница, которая, по всей вероятности, девственной вовсе не являлась. По слухам, еще в шестнадцатилетнем возрасте она была беременна от Томаса Сеймура, честолюбивого супруга Екатерины Парр.

Придя к власти, Елизавета встретила с обычной для монархов проблемой – необходимостью произвести на свет наследника, дабы обеспечить преемственность трона. В потенциальных мужьях недостатка не было. Многочисленные иноземные принцы просили руки королевы, имея в виду установление политического союза. О браке заговаривал даже ее овдовевший свояк испанский король Филипп II.

Один из сильнейших претендентов на руку королевы, австрийский эрц-герцог Карл, поручил Франсуа Борту, молодому человеку, который был «в самых дружеских отношениях со всеми придворными дамами», сообщать эрц-герцогу о всех случаях, когда королева о нем упоминала.

Взойдя на престол, Елизавета первое время не проявляла интереса к мужчинам. Не исключено, что это объясняется ее прежней связью с Сеймуром или распутной жизнью ее отца. Елизавета окружила себя незамужними женщинами, которые танцевали для своей госпожи и спали в ее покоях. Когда же кто-либо из этих дам выражал желание оставить службу и выйти замуж, Елизавета испытывала жгучую ревность. За подобное прегрешение Кэтрин Грей была брошена в Тауэр, а Томас Перрот, женившись на леди Дороти Деверо, провел девять месяцев в Маршалси¹¹.

Затем, после года правления, королева приблизила к себе лорда Роберта Дадли. Они родились в один день в сентябре 1533 года и хорошо знали друг друга с детства. Какое-то время, когда на троне сидела Мария, они даже вместе отбывали заключение в Тауэре.

Влияние Дадли на королеву не было тайной. «За несколько последних дней лорд Роберт попал в такую милость королевы, что его влияние на дела стало безграничным, – писал испанский посол в апреле 1559 года. – Поговаривают даже, что Ее Величество посещает лорда в его покоях днем и ночью».

Дело осложнялось тем, что Дадли был женат. Супруга, Эми Робсарт, была выбрана для лорда его семейством. Знатность Дадли хорошо сочеталась с ее приданым. О любви в этом браке речи не было, Эми жила вдали от двора, в родовом поместье, где ее изредка навещал муж.

В то же время ходили слухи, что брак Дадли недолго будет осложнять его жизнь. «Судя

¹⁰ Грандиозный дворец с парком на берегу Темзы близ Лондона, королевская резиденция до 1760 года.

¹¹ Тюрьма в Лондоне, существовала до 1849 года.

по разговорам, у его супруги болезнь груди, и королева только ждет ее смерти, чтобы сочетаться браком с лордом Дадли, – отмечает испанский посол. – Иногда Елизавета представляется женщиной, которая отдаст свою руку только принцу крови... а затем мы слышим, что она влюблена в лорда Роберта и никогда его от себя не отпустит».

И вдруг случилась беда – Эми Робсарт нашли мертвой на ступенях ее дома в Беркшире. На Дадли сразу же пало подозрение в убийстве жены. Прошел слух, что королева сама вовлечена в это преступление. Елизавете пришлось погасить свои чувства и удалить от себя Дадли. Однако это не смогло полностью заглушить молву. Через четыре года, когда королева пожаловала Роберту Дадли графство Лестершир, она сетовала испанскому послу на оскорбления в ее адрес: «Меня называют лишенной стыда. Мне не следует этому удивляться. Я дарила ему милости за мудрые советы в делах и многочисленные заслуги, но мы оба молоды, а потому на нас клеветуют. Видит Бог, как это несправедливо».

Скандал вокруг смерти Эми сделал невозможным брак Елизаветы и Дадли и открыл путь другим претендентам на руку королевы.

Какое-то время серьезным кандидатом считался сэр Уильям Пикеринг. Он был обаятелен, хорош собой и слыл волокитой. Вскоре, однако, Пикеринга оттеснил сэр Кристофер Хэттон, молодой красавец-юрист из Нортгемптона. Он писал королеве со страстью: «Всей своей душой, всем существом я постиг, что отдать свое тело, свою жизнь служению вам – значит обрести небесное блаженство, но лишение этой возможности ввергнет и душу и тело мое в пучину страданий, превосходящих адские муки... О, если б Господь подарил мне один час с вами!.. На снисходительность уповаю, возлюбленная, ибо страсть переполняет меня... Люблю, люблю и молю о любви... Ваш раб навеки».

И все же Хэттона довольно быстро сменили сначала Томас Хенейдж, служивший во внутренних покоях королевы, а затем Эдвард Вир, граф Оксфордский, осыпавший Елизавету подарками, привезенными из дальних странствий. Какое-то время его всерьез рассматривали как возможного кандидата на брак с королевой, но граф стал ухлестывать за ее фрейлинами, а вскоре оказался замешан в публичном скандале.

С королевой связывали и имя сэра Уолтера Рэли¹², пока он не соблазнил фрейлину Элизабет Трокмортон. Автор дневника Джон Обри так описывал их первую любовную встречу: «Сэр Уолтер обычно имел дело с простыми девками, но как-то раз затащил в рощу и прижал к дереву одну из фрейлин – это была первая в его жизни знатная дама. Сначала она, похоже, испугалась за свою честь и начала кричать: «Любезный сэр Уолтер, чего вы от меня требуете? Вы погубите мою невинность! О нет, любезный сэр, только не это!» В конце концов, по мере того как одновременно усиливались и опасность, и удовольствие, она в экстазе стала выкрикивать: «О сэр! О Уолтер! О сэр! О Уолтер!»

Тем временем Елизавета вновь обратила внимание на Дадли. На этот раз было похоже, что она хочет женить его на недавно овдовевшей королеве Шотландии Марии. Без сомнения, Елизавета все в большей степени относилась к сэру Роберту как к своей собственности. Ее особенно огорчал флирт Дадли с другими придворными дамами. Враги сэра Роберта пустили слух, что он готов заплатить целых триста фунтов, чтобы «обретаться среди дам, служащих в покоях Ее Величества». В 1570 году Дадли прекратил свою связь с леди Франсес Говард и принялся ухаживать за леди Дуглас Шеффилд, кузиной королевы и «дамой исключительной красоты».

«Очарованный ее совершенством», он вскоре «разделил ее ложе и наслаждался ее телом, не вступая в брак». Леди Шеффилд стала его любовницей, а вскоре после этого ее супруг скончался. Поговаривали, что несчастного отравил Дадли. Этот слух усилился, когда в 1574 году леди Шеффилд родила сэру Дадли сына.

В качестве ответного удара Елизавета стала рассматривать предложение о брачном

¹² Уолтер Рэли (1552–1618) – английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций, поэт, драматург, историк.

союзе с младшим братом французского короля, герцогом Анжуйским, который был ревностным католиком и известным бисексуалом. Кроме того, Генрих Анжуйский был вдвое моложе Елизаветы. Когда на этом браке пришлось поставить крест (Генрих отказался перейти в другую веру), Елизавета обратила свое внимание на младшего брата Генриха, герцога Алансонского, который был склонен проявить большую гибкость в вопросе религии.

В это время Дадли расстался с леди Шеффилд, и у королевы возродилась надежда – увы, ненадолго, ибо посланник герцога Алансонского Жан Симье открыл Елизавете, что Дадли вновь увлечен, на этот раз другой кузиной королевы, графиней Эссекской Леттис. Судя по описанию испанского посла, страстная рыжеволосая графиня была «одной из красивейших дам при дворе».

Елизавета обвинила Леттис в вероломстве и отправила Дадли на войну против Ирландии. Однако по возвращении его роман с Леттис возобновился. По слухам, именно Дадли являлся отцом ее детей. Когда же муж Леттис внезапно скончался от дизентерии, вновь пошли толки, что Дадли отравил своего соперника. Леттис и Дадли тайно обвенчались в 1578 году, а через несколько недель на свет появился их первый законнорожденный ребенок.

Узнав о женитьбе Дадли, королева сделала все возможное, чтобы разрушить этот брак. Леди Шеффилд, уже давно впадшая в немилость из-за любовной связи с Дадли, теперь предстала перед Королевским Советом и повторила свое прежнее утверждение, что она являлась женой лорда Роберта Дадли. Однако, расставшись с ним, леди Шеффилд успела выйти замуж за сэра Эдварда Стаффорда и теперь не желала омрачать этот брак.

Елизавета пыталась скрыть свое разочарование. Когда в 1579 году Англию посетил герцог Алансонский, королева притворилась, что увлечена французом. На время визита герцога Елизавета призвала Дадли ко двору, чтобы он смог своими глазами наблюдать ее нежные отношения с новым возлюбленным. Герцог заболел, и королева выхаживала его как сиделка. Она даже дала ему ласковое прозвище – «лягушонок». Но пуританский священник Джон Стаббс раскритиковал их возможный союз, сравнив герцога Алансонского со змеем, «явившимся для соращения английской Евы и разрушения английского Рая». А королева, чувствуя приближение климакса, похоже, и сама стала сомневаться в разумности их связи, испугавшись осложнений при родах.

В 1581 году герцог вновь посетил Англию. На этот раз Елизавета объявила, что намерена выйти за него замуж, но фрейлины «рыдали и стонали так сильно, что смутили королеву, и она провела бессонную ночь в сомнениях и мучительных раздумьях». Наутро она заявила юному претенденту на ее руку, что свадьбы не будет.

Роберт Дадли умер в 1588 году. Только после его смерти Елизавета примирилась со своей кузиной Леттис. «Миледи Лестер явилась ко двору, – сообщал Роланд Уайт сэру Роберту Сиднею. – Она поцеловала руку королеве, ее плечо, и они обнялись», Леттис сопровождал ее сын Роберт Деверо, граф Эссекский. Красивый юноша стал ухаживать за королевой, как некогда это делал его отчим. Елизавета была польщена, хотя отдавала себе отчет в том, что за нежными словами молодого человека ничего нет. У королевы выпадали зубы, лицо ее покрылось морщинами, а яркий золотисто-каштановый парик скрывал редущие волосы.

Юный Роберт не обманывался на ее счет. Как-то раз, вернувшись из дальней поездки, граф проскользнул мимо стражей и оказался в покоях королевы, когда она только что встала с постели – неодетая, без парика и без румян.

Королевский двор в ту пору давал молодому человеку неограниченные возможности для разнообразных развлечений и проказ. Фрейлина Анна Вейвсауер слыла крайне развращенной особой – в конце концов, родив внебрачного сына от графа Оксфордского, она угодила в Тауэр. Позже Анна вышла замуж, но бросила супруга и стала любовницей сэра Генри Ли, от которого тоже родила незаконного сына. После смерти сэра Генри она снова вышла замуж, затем ее обвинили в двоемужии и оштрафовали на 200 фунтов.

Отец другой фрейлины, Мэри Фиттон, обратился к сэру Уильяму Ноллису с просьбой оберегать непорочность его дочери. Тот обещал должным образом «защищать невинного агнца от волчьего бессердечия и лисьего коварства придворных». Но сэр Уильям сам оказался матерым волком и соблазнил девицу. Будучи женатым, он уведомил Мэри, что не сможет соединить с ней свою судьбу, пока «не спилят старое дерево». Отнюдь не обескураженная, Мэри ответила Ноллису, что «в ожидании, пока вырастет трава, лошадь может околеть с голоду», и скоренько завела интрижку с Уильямом Гербертом, сыном лорда Пемброка.

На свидание с любовником Мэри обычно пробиралась в мужском платье. Однако в феврале 1601 года ее выдал раздувшийся живот. Герберт, ставший к тому времени графом Пемброкским, признал свое отцовство, но «категорически отказался вступить в брак» и был посажен во Флит¹³. В тюрьме он написал стишок, обвиняя Мэри в своих злоключениях:

Послушай, милое созданье, мой совет:
Лишь заключив союз, яви свой плод на свет.
Отдашься одному – и потеряешь честь:
Коль треснул лед, то трещин уж не счесть.

Опозоренную Мэри отец отправил в деревню, заявив при этом: «Такого срама не знала ни одна женщина в Чешире».

В этой развращенной атмосфере романтическое ухаживание графа Эссекского за королевой казалось совершенно неуместным. Впрочем, в 1590 году он тайно женился на вдове сэра Филиппа Сиднея. Узнав об этом, Елизавета вскоре простила его и позволила леди Эссекс явиться ко двору. Однако эта милость только усугубила огорчение королевы, когда граф, забыв и о Елизавете, и о своей жене, стал волочиться за фрейлинами.

Сначала он соблазнил Элизабет Саутуэл и обрюхатил ее. Затем принялся столь открыто ухаживать за Элизабет Бриджес, дочерью лорда Чэндоса, что королева была вынуждена удалить ее от двора.

Роберт сошелся с леди Мэри Говард, которая завлекала его с таким бесстыдством, что становилось ясно, насколько больше ей хотелось «завоевать графа, чем благорасположение госпожи». Оскорбленная королева позаимствовала одно из платьев леди Мэри и сама носила его. Поскольку Мэри была значительно тоньше, чем стареющая Елизавета, это переодевание не впечатлило молодого человека. Королева в ярости конфисковала платье и поклялась, что более не потерпит при дворе «подобных бесстыдных и насмешливых девиц».

В конце концов Елизавета простила Эссексу его любовные похождения, однако не смогла быть столь же милостивой к нему, когда в 1599 году графа обвинили в подстрекательстве к мятежу в Ирландии. Впрочем, она отказалась судить его за государственную измену и повелела разобрать его дело на закрытом суде. Нераскаившийся граф Эссекский во главе небольшого отряда единомышленников прискакал в Лондон, намереваясь захватить Тауэр, получить поддержку в Сити и пленить королеву. Увы, Вестминстерский дворец уже был окружен баррикадами, и мятежники рассеялись. Эссекс попытался укрыться в своем лондонском доме и оказать сопротивление, его принудили сдаться. Обвиненный в государственной измене, он был приговорен к смерти.

Говорили, что и после этого королева могла бы спасти любимца. Некогда она подарила Роберту кольцо, которое, как обещала Елизавета, даст ему оправдание за любое преступление. Эссекс послал кольцо королеве, но случилось так, что оно попало в руки одного из его врагов, леди Ноттингем. Она держала у себя кольцо, пока не стало уже слишком поздно, и передала его королеве после казни графа.

В марте 1603 года, будучи при смерти, Елизавета назвала наследником английского

¹³ Тюрьма в Лондоне, существовала до 1842 года.

престола своего двоюродного брата, короля Шотландии Якова VI. У ее смертного ложа стоял ларец с последним письмом, полученным от Роберта Дадли.

В 1559 году королева просила сэра Джона Мейсона, чтобы палата общин распорядилась «воздвигнуть мраморный обелиск с надписью, свидетельствующей, что королева жила и умерла девственницей». Хотя Елизавету I и называют королевой-девственницей, подобный обелиск так и не был установлен.

Елизавета не выходила замуж по вполне серьезным политическим причинам, однако ее хулители предпочитали распространять по этому поводу более захватывающие истории. Говорили, что у королевы будто бы деформированы гениталии, ходили даже слухи, что она – гермафродит. При жизни Елизавета сама с сожалением называла себя «бесплодной смоковницей». Но чтобы понять это, она должна была переспать хотя бы с одним из своих многочисленных поклонников.

Если любовная биография Елизаветы явилась образцом осторожности и благоразумия, то этого отнюдь нельзя сказать о Марии, королеве Шотландии. В шестилетнем возрасте она была обручена с дофином и отправлена во Францию, где выросла при растленном дворе, столь любезном сердцу Мэри Болейн. Девочку воспитывала королева Екатерина Медичи, чьим главным политическим инструментом являлось развращение собственных детей. Мария вышла замуж в пятнадцать лет. Через три года, после смерти мужа, она вернулась в Шотландию. Вскоре ей стал оказывать знаки внимания поэт Пьер де Шателар, в которого Мария, как говорили, «влюбилась без оглядки».

Джон Нокс с возмущением писал, что «она приникает к его плечу и то и дело украдкой целует его в шею». К несчастью, поэта дважды нашли в спальне Марии, и он поплатился жизнью за свою смелость.

Когда Елизавета I пожелала выдать Марию замуж за своего собственного фаворита Роберта Дадли, она обнаружила, что Мария влюблена в Генри Стюарта, лорда Дарнли. Сэр Джеймс Мелвилл так описывал объект ее страсти: «Безбородый, с нежными, девичьими чертами лица, он скорее напоминает женщину, чем мужчину».

Мария и Генри тайно обвенчались, а вскоре она поняла, что этот брак – ужасная ошибка. Хотя Дарнли в ее глазах был «самым изящным и хорошо сложенным мужчиной», которого ей приходилось видеть, он оказался пьяницей, развратником и к тому же сифилитиком.

Мария не долго обманывалась насчет своего супруга. Уже через четыре месяца после замужества «она до рассвета играла в карты» с музыкантом Дэвидом Риццио.

Это было трагической ошибкой.

Однажды вечером, когда Мария сидела за ужином со своими друзьями в Холирудхаусе¹⁴, к ним ворвался Дарнли во главе группы вооруженных людей. Они схватили Риццио, который в отчаянии цеплялся за юбки Марии, ища защиты. Это ему не помогло. Музыканта выволокли из дома и закололи на ступеньках лестницы.

Убийство вызвало волнения в Эдинбурге, и Мария решила бежать вместе с Дарнли. Через шесть месяцев она родила сына, будущего короля Шотландии Якова VI и короля Англии Якова I.

Однако отношения между Марией и Дарнли оставались натянутыми. Вскоре он замыслил похитить сына и захватить трон. Однажды ночью, в отсутствие Марии, раздался страшный взрыв, и полуобнаженное тело Дарнли нашли в саду. Впрочем, труп оказался неповрежденным, и было легко убедиться, что Дарнли задушили. Подозрение пало на лорда Ботуэлла.

Ботуэлл предстал перед судом, но был признан невиновным – возможно потому, что во время судебного разбирательства в Эдинбурге расположился крупный отряд преданных

¹⁴ Дворец в Эдинбурге, в настоящее время – официальная резиденция английских монархов в Шотландии.

лорду солдат.

Не прошло и трех месяцев после убийства Дарнли, как на пути из Стерлинг-касла¹⁵ в Эдинбург Марию захватил и изнасиловал Ботуэлл. Однако, когда он развелся со своей первой женой, Мария вышла за него замуж, и они сохраняли верность друг другу до тех пор, пока их не разлучили в 1567 году. Ботуэлл был отправлен в изгнание и умер в датской тюрьме в 1578 году.

Мария была низложена в пользу ее годовалого сына Якова. Она бежала в Англию, и там Елизавета заточила ее в тюрьму. Брак Марии был признан недействительным в 1570 году.

В 1586 году она приняла участие в заговоре против Елизаветы I, а годом позже ее судили и обезглавили в Фотерингей-касле¹⁶. Сын Марии пытался протестовать – безуспешно. Впрочем, взойдя на английский престол в 1603 году, он воздвиг величественный монумент в честь своей матери, который и сейчас стоит в Вестминстерском аббатстве.

Глава 4 Короли и королевы

Яков I был не первым гомосексуалистом на английском троне. Вильгельм Руфус, сын Вильгельма Завоевателя, никогда не скрывал своей сексуальной ориентации.

«Стали модными длинные ниспадающие волосы и экстравагантное платье, – с тревогой писал один священник, – в обиход вошли туфли с загнутыми носами; мужчины принялись подражать дамам в утонченности облика, следить за походкой. Они появлялись на людях полуобнаженными и вихляли бедрами. Расслабленные и женоподобные, они не желали оставаться теми, кем сотворила их природа, и, утратив свои чистоту и скромность, ополчились на целомудрие других. Великое множество этих жалких созданий и толпы шлюх заполняли королевский двор».

Когда Вильгельм II умер в результате таинственного несчастного случая на охоте, мало кто оплакивал его кончину.

Ричард Львиное Сердце был наделен аналогичными пороками. Духовенство настаивало, чтобы он забыл свои противоестественные наклонности и жил с женой-испанкой, но Ричард I предпочитал проводить время с крестоносцами на Ближнем Востоке, где к гомосексуализму относились весьма терпимо. Брачные отношения так и не были осуществлены в полном объеме, и в конце концов после долгих страданий королева оставила его.

Пока король странствовал, его брат Иоанн не стеснялся пользоваться женами и дочерьми его баронов. Когда трон перешел к Иоанну, дворянству удалось, в конце концов, укротить разгулявшегося короля, заставив его подписать Великую хартию вольностей¹⁷. В отношении чести своей супруги король Иоанн, как и следовало ожидать, был весьма строг. Когда у Изабеллы Ангулемской появился любовник, Иоанн приказал убить его вместе с двумя приятелями, а тела убитых положить на постель королевы – как предупреждение.

Из всех английских монархов-гомосексуалистов Эдуард II получил наиболее печальную известность. Еще до восшествия Эдуарда на престол отец принца изгнал из

¹⁵ Замок в центральной части Шотландии

¹⁶ Замок в местечке Фотерингей, близ города Питерборо.

¹⁷ Грамота, подписанная в 1215 году королем Иоанном Безземельным под давлением восставших баронов. Она ограничивала королевскую власть и предоставляла более широкие права крупным феодалам.

страны Пьера Гавестона, первого любовника его сына, когда Эдуард попытался добыть для него титул и земли. Но после смерти короля Гавестон вернулся ко двору и получил должность Хранителя Королевства и титул графа Корнуэльского. Эдуард выдал за Гавестона свою племянницу, а сам женился на двадцатилетней французской принцессе Изабелле. Во время брачной церемонии Эдуард и Гавестон так открыто ласкали друг друга, что родственники Изабеллы с возмущением удалились.

Эдуард дошел до того, что удалил из дворца всех женщин. Согласно его приказу, «ни один придворный, какую бы должность он ни занимал... не имеет права держать при дворе свою жену, а также позволять ей следовать за двором; исключение составляют дамы, получившие особое соизволение короля».

Не прошло и девяти месяцев со дня воцарения Эдуарда, как бароны потребовали изгнать Гавестона. Слабый король не мог противиться этим требованиям и проводил фаворита до корабля, осыпая его поцелуями и ласками до самого момента отплытия.

Впрочем, через два года положение короля укрепилось, и Гавестон вернулся. Однако возлюбленный Эдуарда встретил еще более сплоченное и неослабевающее противодействие. Он снова исчез, а через несколько недель прошел слух, что Гавестон прячется в королевских покоях.

Когда он открыто появился рядом с королем на праздновании Рождества 1311 года, бароны подняли мятеж. Эдуард и Гавестон бежали в Шотландию, где король попросил Роберта Брюса¹⁸ дать убежище своему любовнику. Роберт отказался. Гавестон был схвачен и обезглавлен.

Эдуард, как говорили, был весьма опечален, однако вскоре нашел утешение – у своей жены. Через пять месяцев после казни Гавестона королева Изабелла родила сына, будущего Эдуарда III.

Девять лет король и королева прожили в согласии, произведя на свет еще троих детей. Но затем Эдуард влюбился в Хью Деспенсера, сына одного из своих фаворитов. Их связь имела роковые последствия для брака короля. Снова вспыхнул мятеж, но продолжался недолго. Главарь мятежников был казнен, а королева Изабелла бежала во Францию. Там она собрала вокруг себя английских диссидентов, а лорд Роджер Мортимер стал ее любовником.

Несмотря на слухи, что Эдуард желает развода, король потребовал возвращения супруги в Англию. Изабелла отвечала: «По моему разумению, брак есть единение мужчины и женщины для постоянной совместной жизни, но чувствую, что некто вторгся между моим супругом и мной, пытаюсь разорвать наш союз. Я заявляю, что отказываюсь вернуться, допрежь не будет изгнан наш разлучник, однако, сняв с себя одежды, приличествующие замужней даме, надену вдовье платье и не расстанусь с покровами скорби, пока не буду отмщена».

Изабелла облачилась во вдовый траур, а Мортимер начал военные действия. Вскоре Эдуард и семейство Деспенсеров были заперты в Бристоле. Старшего Деспенсера схватили и казнили, а Эдуард и Хью попытались бежать в Ирландию. Ветер прибил их судно к побережью Уэльса, и они попали в руки врагов. Хью Деспенсера судили и приговорили к смерти. Эдуарда заставили отречься от престола в пользу сына. Позже его нашли мертвым в камере. На теле короля не было ран, не обнаружили и следов яда. Вскоре прошел слух, что если бы труп осмотрели внимательно, то обнаружили бы следы ожогов «на тех частях тела, посредством которых он имел обыкновение получать порочное наслаждение». Королю в прямую кишку вставили раскаленную кочергу.

Гетеросексуальный Эдуард III, имевший троих детей от своей любовницы Алисы Перрерс и еще четверых от супруги, сохранил теплые чувства к отцу. Придя к власти шестнадцатилетним юношей, он приказал арестовать Мортимера и предать его смерти как

¹⁸ Роберт Брюс (1274–1329) – король Шотландии (1306–1329), сохранивший независимость своей страны в результате победы над английскими войсками в битве при Баннокберне в 1314 году.

изменника.

Хотя Вильгельм Руфус, Эдуард II и Яков I в наши дни считались бы гомосексуалистами или, в крайнем случае, бисексуалами, эти термины не существовали в английском языке до начала XX века. До 1900 года никто не стал бы определять себя по сексуальной ориентации. В средние века, когда в моде была возвышенная рыцарская любовь, предполагалось, что рыцари и придворные пылают любовной страстью к деве-идеалу, оставаясь постоянно в кругу мужчин. Позиция церкви мало отличалась от светской: хотя любовь между мужчинами осуждалась, гомосексуализм среди духовенства был обычным делом.

Закон запрещал содомию, Яков I сам осудил ее как один из непростительных грехов. В 1570 году в Эдинбурге двое мужчин, обвиненных в содомии, были сожжены на костре. Однако гомосексуальные контакты, по крайней мере в Англии, получили молчаливое признание. За сорок пять лет правления Елизаветы I и двадцать три года царствования Якова только шести мужчинам в графствах, окружающих Лондон¹⁹, были предъявлены обвинения в содомии и только один был осужден, хотя, как свидетельствует в 1622 году живший в Лондоне автор дневника, «содомский грех весьма распространен в этом нечестивом городе».

Шотландцы же, в отличие от англичан, заслужили репутацию гетеросексуальных развратников. Их история изобилует королевскими любовницами и незаконнорожденными детьми. Когда юный Яков VI стал королем Шотландии, регентом был Джеймс Стюарт, граф Морейский, один из многочисленных внебрачных сыновей Якова V.

Шотландский король Яков VI, ставший затем английским королем Яковом I, рос в исключительно мужском окружении. Достижение брачного возраста девушки не допускались к нему строгими правилами пресвитерианской церкви. Поэтому Яков обратил свои взоры на мужчин-придворных, которые часто давали ему отпор. Лорд Холланд, по слухам, с презрением отверг знаки внимания Якова, «отвернувшись и сплюнув, после того как король облобызал его в губы».

Когда Якову исполнилось всего лишь тринадцать лет, его дальний родственник, тридцатилетний Эсме Стюарт, прибыл от двора французского короля Генриха III, яркого гомосексуалиста. При первой же встрече Эсме распростерся перед юным монархом.

Очевидец писал: «Как только молодой король увидел гостя, то признал в нем кровное родство и близость к достославной монаршьей семье, высокие достоинства тела и духа; король поднял его и заключил в объятия, выражая свою любовь, и одарил немалым богатством, и пожелал, чтобы он участвовал в государственных делах; король пожаловал его в члены Тайного совета, назначил постельничим и управляющим Думбартон-касла»²⁰.

Эсме Стюарт привнес в жизнь шотландского двора то, чего там явно недоставало. С ним приехали французские придворные, известные неумеренностью в питье и сквернословием. Вскоре Яков пожаловал Стюарту титул герцога Леннокского, что свидетельствовало о стремительном росте его влияния при дворе. Граф Морейский к тому времени был убит. После ареста и казни сменившего его на посту регента, графа Мортонского, Леннокс стал самым могущественным советником короля.

Во Франции у него остались жена-католичка и дети, а потому протестантская Англия считала герцога угрозой для страны. Один английский дипломат выражал озабоченность «странной любовью короля к Ленноксу», а современники отмечали, что король, «возымея столь глубокую привязанность» к Ленноксу, «допускает с его стороны в высшей степени фамильярное отношение».

Шотландское духовенство выражалось куда резче. Священники говорили, что «герцог Леннокский совращает короля, склоняя его к похотливому плотскому соитию».

¹⁹ Графства Мидлсекс, Эссекс, Кент, Суррей.

²⁰ Королевский замок в западной части Шотландии на берегу Клайда.

Протестантская знать Шотландии действовала быстро. Короля похитили, а Леннокса отправили в изгнание. Герцог писал, что скорее умрет, чем согласится жить без любви Якова, а король излил свою печаль в стихах, уподобляя Леннокса маленькой пташке, преследуемой охотниками:

Они хотят поймать пичужку в плен.
Найти спасенье меж моих колен
Бедняжка в ужасе стремится,
Погоня близится, вот-вот беда случится...

Но как ни была сильна его преданность, юный король не отказывает себе в ласках других любовников. Один из них – Джеймс Стюарт, граф Арранский, другой – Патрик, мастер Грейский²¹, который приехал из Франции вместе с Эсме Стюартом в 1579 году. Кроме того, племянник и наследник последнего супруга королевы Марии Фрэнсис Стюарт, граф Ботуэлл, частенько на людях заключал короля в объятия, и Яков, как говорили, «повисал у него на шее». Еще одним близким королю человеком был Джордж Гордон, граф Хантлийский.

«Король направился в замок, где он обедал с Хантли, – писал один наблюдатель. – Его Величество, как всегда, был добр и внимателен. К удивлению многих, он время от времени целовал графа».

Когда король рассорился с Ботуэллом, обвинив его в колдовстве, Хантли сначала принял сторону Якова, но затем, к своему несчастью, изменил мнение в пользу Ботуэлла. В конечном счете обоим пришлось бежать из страны. Ботуэлл так и не вернулся, а Хантли покорился воле короля, вернул себе его любовь и был пожалован за это титулом маркиза.

Отношение Якова к дамам можно было назвать «холодной любезностью, и не более того». Однако, памятуя о необходимости дать стране наследника трона, он начал любовную переписку с пятнадцатилетней Анной Датской. Вскоре Яков был «захвачен страстью к принцессе Датской, прознав о ее красоте, добродетелях и нежных чувствах к нему». По ночам Яков любовался ее портретом.

Когда Анна отплыла в Шотландию для встречи с Яковым, шторм заставил корабль вернуться к берегам Дании. Король утратил покой, сочинял страстные послания и сонеты – все это несмотря на то, что никогда прежде не встречал предполагаемый объект своей любви. Он также сделал заявление о своем намерении вступить в брак и о причине задержки этой церемонии. Но несмотря на эти заверения, поползли слухи, что, как и Елизавета I, Яков – «бесплодная смоковница».

В конце концов, Яков решает сам плыть в Данию просить руки Анны. «Господь свидетель, я не мог более ждать», – писал он.

Яков и Анна сочетались браком в 1589 году в Дании. Вернувшись в Шотландию, они жили в согласии до 1593 года, когда Анна забеременела. Вслед за рождением ребенка между ними начались размолвки по поводу воспитания наследника. Но и потом они произвели на свет еще двух сыновей и четырех дочерей.

Через какое-то время любовь уступила место неприязни. Вместо нежных стихов Яков написал «Сатиру против женщин»:

Да, женщина тщеславия полна,
И тайны сохранить, увы, не может,
А если небо оскорбит она,
Раскаянье дочь Евину не гложет.
Их день – пустая болтовня, ей-богу,

²¹ Мастер – здесь: титул наследника шотландского виконта или барона.

И нету смысла в жизни их убогой.

По мере того как трения между супругами усиливались, Яков все меньше скрывал свои истинные предпочтения. Став королем Англии, он привез с собой в Лондон гладколицего молодого человека по имени Джеймс Хей, ведавшего королевским гардеробом.

Хей оказался нечист на руку, и его вскоре заменил Филипп Герберт, знаток охоты, истинно мужского развлечения, которое Яков всегда любил. Когда Герберт надоел королю, Яков женил его на дочери английского вельможи. Хей ожидала та же судьба. Наутро после свадьбы Герберта король явился в его спальню в ночной рубашке и забрался в постель к молодым.

Когда король удалил от себя Герберта, другие придворные принялись обольщать Якова в надежде на королевские милости. Более других преуспел высокий красавец-паж по имени Роберт Карр. Король обратил на него внимание, когда во время турнирного поединка молодой человек упал с лошади прямо на его глазах. Король приблизился, чтобы выяснить, не ранен ли он, и немедленно почувствовал симпатию к юноше.

Карра поручили заботам королевских врачей. Яков навещал его каждый день и даже пытался давать ему уроки латыни – впрочем, некоторые остроловы говорили, что молодому шотландцу принесли бы больше пользы уроки английского. Выздоровев, Карр стал неразлучен с королем. В 1607 году Яков возвел его в рыцарское достоинство и назначил постельничим.

«Король опирается на его руку, треплет его по щеке, разглаживает складки на его костюме, а беседуя с другими, все равно не сводит глаз с Карра», – писал один очевидец.

Другой придворный отмечал, что Яков в своих отношениях с Карром «не проявлял должной осмотрительности, полезной и при менее скандальном поведении; он с таким сладострастием лобзал его прилюдно, что многим при сем присутствовавшим можно было лишь вообразить происходящее меж ними в местах укромных, мне же скудость опыта и слов выразить сие не позволяет».

Разумеется, Карр преследовал корыстные цели. Яков шел ему навстречу: он сделал своего любимца лордом Рочестерским и пытался устроить его брак с Франсес, леди Эссекс. К несчастью, она была замужем, но ее супруг совершал большое турне по разным странам и уже четыре года отсутствовал. Когда он приехал и предъявил свои супружеские права, Франсес отклонила его сексуальные домогательства, используя при этом зелье, полученное от некоего колдуна. Карр настаивал, чтобы Яков разрешил леди Эссекс развестись с мужем.

В 1613 году король расторгнул этот брак на том основании, что лорд Эссекс якобы импотент, и разрешил Карру и Франсес обвенчаться. Во время церемонии волосы невесты ниспадали до плеч, что символизировало ее непорочность, а на свадебном пиру в честь молодых влюбленных звучала в высшей степени неуместная песня. Вот отрывок из нее:

Нет слаще любовных утех,
Ласкать, когда любишь, – не грех.
Не к другу мужчине уместно стремиться,
Но к милой супруге любовью пылать,
И жизнь он бессмысленной может считать,
Допрежь от союза дитя народится.
Потом продолжает хор:
То наслаждение сердце щедро наполняет,
Которое живую радость оставляет.

После женитьбы Карр получил титул графа Сомерсетского. По его настоянию Томаса Овербери, бывшего возлюбленного леди Эссекс, посадили в Тауэр. Овербери осмелился противодействовать жестокости и непомерному честолюбию Карра. Вскоре Томаса нашли мертвым. Его отравили, и улики указывали на участие Карра в этом преступлении.

Карр и его жена были арестованы. Суд признал их виновными в убийстве и приговорил к смерти. Впрочем, Яков заменил казнь заключением, не оговорив срока. Через семь лет они вышли из Тауэра, но Карр так больше и не увидел короля.

К тому времени нежные чувства Якова были обращены на Джорджа Вильерса, коего король называл Стини – сокращение от святого Стефана, чье лицо, согласно Библии, «сияло, словно лик ангела».

Если верить епископу Гудмену, Вильерс «отличался прекрасным цветом лица и был одним из самых стройных и хорошо сложенных мужчин в Англии». Другой придворный вторит епископу: «Он казался воплощением красоты и изящества, а ухоженные руки напоминали женские». Еще один источник отмечал, что Яков нашел «в характере этого юноши неумеренную ветреность и склонность к распутству».

Вильерс был протее Филиппа Герберта, прежнего любовника Якова, но улаживать капризы короля старался не только он. С Гербертом соперничала графиня Суффолкская, подбиравшая для короля «молодых людей, которым она освежала дыхание и которых собственноручно завивала».

Такого рода методы «сексуальной политики» применялись в высшем обществе. Королева, питавшая неприязнь к Карру, содействовала Вильерсу в получении должности постельничего, и вскоре Яков влюбился в него без памяти.

В письмах король называет Стини то «женой», то «мужем», то «чадом», то «отцом». Он объявил Тайному совету, что любит Вильерса, которому только что пожаловал титул герцога Букингемского, больше всех других мужчин.

Герцог отвечал королю взаимностью. В одном из писем он писал: «Мне никогда не позабыть, как во Франхеме ничто не разделяло на ложе господина и его недостойного пса».

Когда Вильерс женился, Яков писал ему:

Дражайшее дитя мое,
любящий папочка шлет благословение тебе и своей новообретенной дочери.
Да ниспошлет вам Господь сладостное и блаженное пробуждение и все радости священного супружеского ложа. Да
благословит Он плоды ваши, дабы смог я любоваться прелестными отроками в моей опочивальне – об этом прошу я Создателя в ежедневных молитвах.
Восстав же с ложа, отрада моего сердца, избегай докучливых людей, что могут внести тревожную смуту в твои мысли, а поспеши на встречу со мной и улади мой взор сверкающей белозубой улыбкой и благоволи сопровождать меня в путешествии.
Да благословит тебя Бог.
Яков, король.

Женитьба Букингема, естественно, не означала прекращения его любовной связи с королем. В декабре 1624 года, на склоне жизни, Яков писал герцогу: «Молю Бога о радости встречи с тобой, о нашем брачном союзе на Рождество и о том, чтобы нам далее не расставаться. Добрый Господь укрепил меня в единственном желании – жить в этом мире ради тебя, и я скорее соглашусь обитать с тобою в любом захолустье, нежели влачить печальную участь вдовца вдаль от тебя. Да осенит тебя благословение Божье, сладчайшее дитя мое и жена моя, да пребудешь ты утешением великим своего старого отца и мужа».

Букингем был моложе короля, и ему вполне могли надоесть физические домогательства престарелого и некрасивого обожателя. После смерти Якова I пошел слух, что Вильерс его отравил. Возможностей для этого у него было немало. Во время последней болезни короля Букингем ухаживал за ним. При желании он мог без труда подменить лекарство, предписанное врачами слабейшему монарху. К этому времени у него появился новый покровитель и, возможно, любовник – сын Якова, будущий король Карл I. Они, без сомнения, находились в очень тесных отношениях.

Еще подростком Карл ревновал фаворита своего отца. Как-то раз он облил Вильерса водой из фонтана и испортил ему новый костюм. Молодой принц отличался замедленным физическим развитием. Ребенком он страдал «зеленой болезнью» – разновидностью анемии, характерной для девочек в период полового созревания. Когда прошел слух о его юношеских шалостях с Анной Годи, дочерью одного норфолкского дворянина, испанский посол писал, что не верит в это, ибо Карл «не созрел еще для любовных занятий». Кроме того, поговаривали, что Карл бесплоден.

По свидетельствам современников, Карл отличался покорностью чужой воле, изнеженностью и нарциссизмом, часто «покрывался стыдливым румянцем, подобно девушке» и воздерживался от острых соусов, которые «освежали рот и могли возбудить желание». Однако к 1624 году Карл, как и его отец, стал называть Букингема – Стини, а в письмах – «любимым». Они с Вильерсом почти не расставались.

Фрэнсис Бэкон²² писал, что Букингем являлся «инструментом, дарующим телесный и сердечный покой как отцу, так и сыну». Одновременно Бэкон предупреждал королевского фаворита: «Вы служите милостивому господину, и сие ко благу. Рядом же с вами благородный, исполненный надежд принц, которого вы не должны огорчать. Но негоже вам пылать к этому восходящему солнцу такой любовью, ибо тем вы разжигаете ревность отца, который вас возвысил».

На самом деле растущая любовь между «Стини» и «малышом Карлом» вовсе не вызывала ревности короля, хотя он и уронил слезу, когда они оба отправились в Мадрид, чтобы начать переговоры о браке принца с инфантой Марией, дочерью испанского короля. Букингем поставил под угрозу успех переговоров, когда стал оказывать знаки внимания супруге посредника, графа Оливареса. Графиня согласилась на свидание с Букингемом, но вместо себя послала известную в городе шлюху.

Инфанта приглянулась Карлу, и он перелез через стену дворца Каса дель Кампо в надежде увидеться с нею наедине. К несчастью, в ответ на этот романтический поступок инфанта подняла громкий крик и убежала.

Вскоре она недвусмысленно дала понять отцу, что предпочтет уйти в монастырь, нежели лечь в постель с Карлом. Тут же для брака возникли новые препятствия, и в конце концов Карл и Букингема выручал королевский военный флот. Когда они благополучно вернулись в Англию, «Стини», «малыш Карл» и его отец решили отнестись к неудавшейся женитьбе как к грандиозной шутке. Целых четыре часа из королевских покоев доносились взрывы веселого смеха.

Однако наследнику трона следовало обзавестись супругой, и Генри Рич, барон Кенсингтон, отправился обхаживать Генриетту-Марию. Дипломатические усилия барона оказались не более тактичными, чем Букингема, поскольку он не преминул воспользоваться случаем, чтобы попытаться соблазнить госпожу де Шеврез. Чтобы исправить положение, во Францию послали Джеймса Хея, графа Карлайлского – бывшего любовника короля.

После смерти Якова I Букингем стал еще более могущественным человеком в королевстве. Хотя слухи о том, что он убил короля, не утихали, никаких доказательств не было. Токсикологии как науки практически не существовало. Вскрытие подтвердило, что состояние короля перед кончиной было весьма тяжелым. Увеличенная сердечная мышца оказалась дряблой. Король страдал целым букетом заболеваний: в почках нашли камни, легочная ткань потемнела, а мозг раздулся так, что вытекал из черепной коробки, когда бальзамирщик приступил к своей работе.

Своим первым указом Карл повелел очистить площадь перед дворцом от нищих и проституток, которые толпились у ворот королевской резиденции. Затем он занялся своей женитьбой. Правда, сам король не присутствовал на брачной церемонии в Соборе

²² Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский философ, лорд-канцлер при Якове I.

Парижской Богоматери – его замещал французский герцог.

Карлу плохо удавалось скрывать от окружающих свое равнодушие к глуповатой пятнадцатилетней Генриетте-Марии. Он не встречал ее у причала в Дувре, а вежливый поцелуй и осторожное объятие не могли скрыть королевского разочарования.

Первую ночь супруги провели в Кентерберии²³ в доме лорда Уоттона. Карл повелел запереть все двери и окна спальни, ожидая, видимо, что ночью могут возникнуть какие-то проблемы. Очевидно, действия короля в постели не пришлись по вкусу неопытной Генриетте-Марии. По прибытии в Лондон она сказала больно и не захотела появляться на людях.

Букингем старался помочь делу, настойчиво предлагая фрейлине королевы госпоже Сен-Жорж убедить молодую женщину в необходимости проявлять в постели чуть больше активности. Фрейлина ответила в самых резких выражениях, что никогда не вмешивалась в подобные дела. В результате вся свита королевы была распущена. Через полтора месяца король и королева стали жить отдельно, и брак фактически распался.

Несмотря на это, Карл не искал утешения в объятиях любовниц – даже такой красивой, обольстительной и опытной, как леди Карлайл, которой восхищались все мужчины и завидовали все женщины при дворе. Лорд Томас Кромвель признавался, что не может отвлечься от мыслей о леди Карлайл. «Моя жена, – добавил он, – не в проигрыше от этих мыслей, ибо ночи я провожу с нею, не допуская супружеской измены». Поэт сэр Джон Саклинг также не скрывал своих желаний. В одном из своих стихотворений он мысленно раздевает эту даму во время ее ежедневной прогулки в парке Хэмптон-Корта:

Я обнажил и грудь, и ноги,
И будь чуть-чуть длинней дорога,
Праматерь Ева с нею рядом
Уже не привлекла бы взгляда.

Но именно Букингем использовал свое влияние, чтобы обратить подобные фантазии в реальность. Он отправил графа Карлайлского, бывшего королевского фаворита Джеймса Хейя, с дипломатической миссией за границу, а сам соблазнил его жену.

Когда его собственная супруга узнала о случившемся, Букингем попытался передать леди Карлайл королю. Король отклонил это предложение, но дал ей место фрейлины королевы. Некоторые усматривали в этом тонкий умысел – леди Карлайл могла бы научить молодую королеву тайнам любви. Один придворный заметил, что «благодаря ей королева уже преуспела в искусстве накладывать румяна, а со временем переймет и другие уловки обольщения».

План сработал. Вскоре после смерти Букингема от руки недовольного морского офицера король и королева помирились, и уже через несколько недель Генриетта-Мария была беременна. Всего у них родилось девять детей, да еще двое появились на свет мертвыми.

На людях, однако, королевская чета продолжала изображать чистую любовь, воспетую в рыцарских романах. Все театральные представления и маскарады при дворе подвергались строгой цензуре. Генри Джеймс, который обрюхатил одну из служанок королевы, а затем отказался на ней жениться, был лишен своего поста. Когда же графа Каслхейвенского осудили на смерть за изнасилование и содомию, Карл отказался заменить ему казнь заключением.

Супруга одного из офицеров парламентской стражи признала, что «дворяне и придворные, хотя и не вполне отказались от своего распутства, все же из почтения к королю

²³ Один из древнейших городов Англии в графстве Кент, где находится знаменитый Кентерберийский собор, памятник архитектуры XI–XV веков.

не предаются оному открыто».

Однако таких ограничений при дворе было явно недостаточно, чтобы удовлетворить набирающих силу пуритан, которые вообще полагали любое театральное действие греховным и порочным. По общему признанию, игра королевы, ее декламация были превыше всех похвал, но начались жалобы на то, что в представлениях масок вместе с Ее Величеством появляются дамы, наряженные в мужское платье.

Когда барристер²⁴ пуританин Уильям Принн написал, что актрисы выглядели «непристойными мерзопакостными шлюхами», Карл воспринял это как оскорбление королевы. Согласно приговору, после отсечения ушей Принна выставили к позорному столбу. Такой акт произвола усилил недовольство королем и послужил одним из поводов, приведших к гражданской войне, а в конечном счете к потере Карлом трона.

В конце войны, когда Карл был заточен на острове Уайт, у него был последний в жизни роман с Джейн Уорвуд, женой лондонского лидера роялистов. Впервые она явилась ко двору с половиной от тысячи фунтов, которую собрал для короля ее муж. Вместо второй половины Карл оставил при себе Джейн.

26 июля 1648 года, за шесть месяцев до казни, обреченный монарх писал «Милой Джейн Уорвуд» и просил ее встретиться с ним в его комнате «как бы случайно». Во время заключения он написал ей не менее шестнадцати писем и неоднократно успешно обманывал своих стражей, чтобы увидеть любимую.

Их отношения, как считают, оставались платоническими, и Карл говорил, что расскажет о них жене. Этого, однако, он не сделал. В последнем письме к Джейн король писал, что она «дала ему великое утешение». Только очень холодный мужчина не возжелал бы в последний раз перед смертью вкушать плотское наслаждение – и только очень жестокая женщина отказала бы ему в этом.

Глава 5 Веселые короли

В период Реставрации²⁵ двор Карла II, по словам Сэмюэла Пипса²⁶, «был сплошным непотребством и ничем более». С этим вполне согласуется девиз самого короля: «Господь никогда не осудит мужчину за то, что тот позволит себе немного удовольствия».

Позволять себе удовольствие – именно этим и занимался «веселый король». За девять лет вынужденного изгнания, когда Англией правили парламент и Оливер Кромвель, Карл сменил не меньше семнадцати любовниц.

В пятнадцать лет Карла соблазнила его бывшая кормилица Кристабелла Уиндем, жена роялиста, коменданта Бриджуотера, и он впервые познакомился с «маленьким проказником по имени Купидон». Именно поэтому наставник принца Эдвард Хайд назвал Кристабеллу «невоспитанной деревенской гордячкой».

Через год на пути во Францию Карл остановился на острове Джерси, где соблазнил Маргариту де Картере, дочь местного аристократа. Судя по письмам, найденным в иезуитских архивах, у Маргариты от Карла родился ребенок. Этот первый внебрачный отпрыск Карла стал затем священником.

В Париже сын Стини, новый герцог Букингемский, проживший немалый срок при

²⁴ Представитель одной из адвокатских профессий в Англии, имеющий право выступать во всех судебных процессах, в отличие от солиситора.

²⁵ Период правления в Англии Карла II и Якова II (1660–1688).

²⁶ Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский моряк, секретарь Адмиралтейства, автор известного дневника, который он вел в течение десяти лет.

развращенных итальянских дворах, с готовностью ознакомил юного принца с развлечениями французской столицы. Карл по достоинству оценил эту услугу.

«Живя в изгнании, принц всецело отдался удовольствиям; к нему невозможно было обратиться», – жаловался будущий епископ Солсберийский.

В 1649 году, через три месяца после казни отца, Карл завел роман с Люси Уолтерс, сногшибательной брюнеткой, которую автор дневника Джон Ивлин назвал «красивейшей шлюхой». Люси была родом из Уэльса, она бежала в Голландию с полковником-роялистом Сиднеем. Тот продал ее своему брату, но Люси вскоре подцепила некоего Барлоу. Именно «госпожой Барлоу» она и представилась Карлу при их первой встрече. Позднее современники писали о любовницах Карла: «Ему редко доставались женщины, которые еще не успели побывать на содержании у других».

За короткое время совместной жизни Люси успела родить Карлу сына Джеймса, который впоследствии стал герцогом Монмутским. Когда Карл отправился в Шотландию, чтобы заручиться поддержкой роялистского движения, он не взял с собой Люси. Ему это принесло только пользу. Репутация греховника могла повредить Карлу как в пресвитерианской Шотландии, так и в пуританской Англии.

Пока Карл отсутствовал, Люси не оставалась в одиночестве и родила дочь, которую он не признал своей.

В 1656 году Люси легкомысленно отправилась в Англию с одним из своих любовников полковником Говардом. Ее арестовали как роялистскую шпионку, а затем в пропагандистских целях депортировали как любовницу Карла. После этого Карл забрал своего сына Джеймса, а с не заслуживающей доверия Люси расстался. Она умерла от сифилиса и была похоронена на кладбище для нищих.

Всего этого – по крайней мере, Джеймса, герцога Монмутского, причинившего столько хлопот, – могло и не быть. Одним из придворных Карла, сопровождавших его в изгнании, был некий полковник Кандам, от имени которого, как утверждают, произошло слово «кондом»²⁷. Ему приписывают распространение презервативов в Англии.

Сам защитный чехол изобрел за сто с лишним лет до Кандама итальянский анатом Габриель Фаллопиус, который открыл матку (его именем названы фаллопиевы трубы) и дал названия вагине и клитору. Первые презервативы делались из рыбьей кожи и предназначались не для предотвращения беременности, а для защиты от сифилиса – болезни, которая только-только появилась в Европе и распространялась с неслыханной быстротой. До открытия пенициллина в 1929 году и его введения в медицинскую практику в 1941 году сифилис оставался смертельно опасным заболеванием и в XVII веке был страшнее, чем сейчас СПИД.

До возвращения в Англию у Карла родилось еще три внебрачных ребенка – один от Элизабет Киллигру и двое от прекрасной Кэтрин Пегг; обе девушки – дочери изгнанных из Англии дворян. Была у Карла и тайная связь с дважды овдовевшей леди Элизабет Байрон. Вообще же он предпочитал иметь дело с изошренными в любви женщинами с континента, такими как госпожа де Шатильон. Их отношения продолжались несколько лет без утомительных споров по поводу взаимной верности.

Во время поездок в Голландию, Германию, Францию и Испанию Карл встречал множество красивых женщин, готовых исполнять прихоти короля-изгнанника. Известны имена семнадцати его любовниц, но у Карла наверняка было немало других мимолетных связей. Один из шпионов Кромвеля в окружении Карла нарисовал яркую картину «блуда, пьянства и супружеской неверности». Он даже упомянул, что «величайшее непотребство» – посещение театра в воскресенье – «не считалось грехом» принцем и его приспешниками.

Когда в 1660 году Карла призвали в Англию, по счастливому стечению обстоятельств, в это время его любовницей оказалась англичанка. Весьма юная Барбара Вильерс уже

²⁷ Condom (англ.) – презерватив.

снискала себе репутацию искусительницы. О ней писали, что еще в детстве «она была похотливой маленькой девочкой, которая терла свое потайное место пальцем или концом предмета соответствующей формы». Подростком Барбара стала любовницей графа Честерфилда. В 1659 году, не прекращая своей связи с Честерфилдом, она вышла замуж за провинциального дворянина Роджера Палмера.

В начале следующего года группа роялистских заговорщиков направила госпожу Палмер своим эмиссаром ко двору изгнанника-короля, жившего тогда в Нидерландах. Ослепительная красота и вызывающая сексуальность Барбары мгновенно покорили Карла. Когда они встретились, ей было всего девятнадцать, а королю двадцать девять лет, и вскоре Барбара стала «самой бесстыдной, но и самой прелестной из всех любовниц короля Карла».

Барбара изучила запрещенную книгу сонетов Пьетро Аретино²⁸, где приводились рисунки шестнадцати позиций полового акта, известных в то время. По словам сэра Томаса Карью, она «владеет всеми трюками Аретино, дающими наслаждение». Такая компетентность давала Барбаре преимущество перед соперницами, и Карл с истинно патриотическим рвением заключил в свои объятия новую любовницу. Ко времени провозглашения Карла королем в мае 1660 года Барбара уже была его постоянной партнершей. Говорили, что первую ночь по возвращении в Лондон он провел в постели с Барбарой Палмер, зачиная их первое дитя.

Сэмюел Пипс тоже попал под ее обаяние, хотя ему и «было известно, что она шлюха». Однако, увидев ее нижние юбки, развешанные для просушки, он воскликнул, что «никогда не видел столь тонкого белья» и что один их вид доставил ему наслаждение. Позднее он писал, что ему снилась близость с Барбарой: «Миледи Каслмейн (она станет ею впоследствии) лежала в моих объятиях и позволяла мне делать с нею все, что я пожелаю». Пипс полагал, что это был «прекраснейший сон» в его жизни.

Барбара Палмер, похоже, не сохраняла верности королю. По словам епископа Солсберийского, она была «до крайности порочна и алчна, одновременно глупа и деспотична; она постоянно боялась утратить любовь короля, но не прекращала флирта с другими мужчинами». Барбара спала с графом Сент-Албаном, а также с мисс Хобарт, другой королевской любовницей.

В Лондон Барбара вернулась как официальная фаворитка короля, но связанное условностями английское общество не признало ее статуса. Лорд-канцлер Эдвард Хайд отказывался ставить печать на документах, где фигурировало ее имя.

В феврале 1661 года, через девять месяцев после возвращения на трон короля, у Барбары родилась дочь. Молва приписывала отцовство королю, Честерфилду или даже – очень редко – ее мужу. В том же году Палмеру был пожалован титул графа Каслмейнского – «по всем понятной причине», как писал Сэмюел Пипс. Таким образом, титул получали его жена и дети.

Вскоре леди Каслмейн вновь ждала ребенка. На этот раз никто не сомневался в отцовстве, а король получил прозвище «Старый Роули» – по имени козла, пасущегося на лужайке у дворца.

В скабрзных шутках и грубоватых куплетах сексуальную силу короля сравнивали с выносливостью и похотливостью старого козла. Всего леди Каслмейн родила троих сыновей и двух дочерей.

К счастью для короля, плодовитость Барбары не ослабила ее желания. Даже незадолго до родов она с энтузиазмом принимала у себя короля после ужина. За восемь лет жизни с Карлом Барбара накопила огромное состояние, а все ее дети получили дворянские титулы.

В то же время одной любовницы королю было недостаточно. Для рождения законного наследника престола Карлу следовало обзавестись супругой. В выборе таковой ему помогала леди Каслмейн. Список, составленный ею, не вызвал у короля восторга. Сначала Карл отверг

²⁸ Пьетро Аретино (1492–1556) – итальянский писатель и поэт эпохи Возрождения.

старшую дочь правителя Пармы, поскольку она была слишком некрасива, и младшую его дочь, поскольку она была слишком невоспитанна. Целый же легион наличествующих немецких княжон не устроил короля, ибо все они были «скучны и старомодны».

В конце концов самой привлекательной кандидатурой Карлу показалась дочь португальского короля Екатерина Браганца – главным образом, из-за привезенного ею приданого в 360 тысяч фунтов, военно-морских баз в Танжере и Бомбее, а также весьма выгодных торговых привилегий в Южной Америке.

Если бы Карл увидел суженую до свадьбы, он, возможно, и усомнился бы в правильности своего выбора. Она прибыла в Англию с прической на португальский манер – закрученные в спирали пряди волос торчали вокруг головы. «Я подумал, что вместо женщины мне привезли летучую мышь», – признался Карл своему другу.

Екатерину также переполняли бурные эмоции. Узнав, что ей предстоит сочетаться браком с английским королем, протестантом, она совершила паломничество к усыпальнице некоего святого, а кроме того клятвенно пообещала своей матушке изгнать всех любовниц Карла. По словам одного из придворных, она была похожа на «маленького сварливого гоблина, который только и делает, что пляшет да чинит людям всякие пакости».

Карл, сообразно воспитанию, всегда оставался любезен с дамами, особенно высокого происхождения, а потому постарался скрыть свои чувства. Они сочетались браком в 1662 году в Портсмуте. После разочаровавшей его первой брачной ночи Карл был весьма предупредителен к супруге, и кое-кто поверил в успешное будущее этого союза – «что, по-видимому, заставит госпожу Каслмейн держаться подальше от короля», – как писал Сэмюел Пипс.

Но ни Екатерина, ни автор знаменитого дневника не знали истинного положения вещей. Ибо Карл пообещал леди Каслмейн место фрейлины при опочивальне.

Когда леди Каслмейн была представлена королеве, насмешники-придворные довели до сведения Екатерины суть дела. Королева пожаловалась, что у нее пошла носом кровь, и упала в обморок.

Неделю за неделей супруги спорили относительно новой фрейлины. Наконец королева уступила. Она приблизила к себе Барбару в надежде, что ее великодушие заставит Карла устыдиться и возобновить визиты в спальню законной жены. У короля, правда, были более заманчивые варианты ночных утех, чем постель Екатерины, но он «держал ее для получения приплода», как выразился один циник.

В то время как леди Каслмейн была поразительно плодовита, Екатерина так и не смогла произвести на свет наследника. Однако, хотя министры настоятельно советовали Карлу развестись и заключить другой брак, дабы обеспечить престолонаследие, король не согласился покинуть свою супругу. Она же, в свою очередь, примирилась с любовницами мужа. Екатерина почти никогда не появлялась в его покоях без приглашения, чтобы не застать у короля другую женщину. Однажды она обнаружила под его кроватью дамскую туфельку и со смехом удалилась, чтобы «глупышка» могла выйти из укрытия.

Через год после свадьбы Карл влюбился в пятнадцатилетнюю Франсес Стюарт. «Прелестнейшая из юных женщин, истинное украшение двора», – так писал о ней современник. Один француз заметил, что трудно найти женщину «глупее и вместе с тем красивее», чем Франсес. Красота ее обрела бессмертие с помощью монетного двора – девушка послужила моделью для образа, олицетворяющего Британию на монетах достоинством в один пенни.

Вскоре король уже «целовал ее прилюдно», хотя Франсес не позволяла ему «делать что-либо, способное причинить ей вред». Соппротивление юной леди только воспламеняло Карла. Его друзья учредили «комитет, имеющий своей целью обратить Стюарт в любовницу короля». Говорили, что, случись Екатерине умереть, король женится на Франсес. Сыграли даже «шутливую свадьбу», которая завершилась шутливой же «церемонией брачной ночи». Но леди Каслмейн, которая к тому времени уже побывала в постелях нескольких придворных – Кавендиша, Хеннингема, Скрупы и внебрачного сына короля Монмута, –

понимала, что следует делать в этой ситуации. Она пригласила Франсес провести с ней ночь, а затем гордо заявила, что преуспела там, где король потерпел фиаско.

Леди Каслмейн смогла сохранить свое положение благодаря тому, что держала целую «конюшню» молодых женщин для ублажения Карла. Кроме того, ей удавалось добиваться королевских милостей для своих любовников. Один ее бывший поклонник Томас Вуд стал епископом Ковентрийским. Среди прочих обожателей леди Каслмейн числились герцог Букингемский, драматург Уильям Уичерли и будущий лорд Дуврский Генри Джермин. Кроме того, она обольстила молодого Джона Черчилля, получившего позже титул герцога Мальборо, который считался «юношей неописуемого изящества, грации и красоты». Король как-то застал их на месте преступления и сказал известному своей бедностью Черчиллю: «Я тебя прощаю, ведь ты занимаешься этим ради куска хлеба».

Поэт и известный распутник Рочестер в нескольких шутливых строчках описал репутацию Барбары:

Хотя пропал к мужчинам аппетит,
Она, пусть с отвращеньем, тянет лямку,
И как и прежде, бедная, грешит,
За это дело взявшись спозаранку.

Но леди Каслмейн зашла слишком далеко, когда соблазнила канатоходца Джекоба Холла прямо в его ярмарочном балаганчике, затем отдалась лакею в ванне да еще потребовала, чтобы король признал своим зачатое дитя. Ее дурная слава подвигла некоего остряка написать «Петицию несчастных шлюх, обращенную к самой блистательной, великолепной и выдающейся во всех отношениях служительнице наслаждений графине Каслмейн», в которой содержалась просьба о поддержке в «ремесле, где ее светлость имеет богатейший опыт». Барбара расвирипела, но это не удержало другого автора от создания «Милостивого ответа на Петицию», написанного как бы от ее имени. В конце концов Барбара получила от короля прекрасное поместье неподалеку от дворца и титул герцогини Кливлендской.

Некоторые авторы отмечали, насколько разными оказались судьбы Барбары и Джейн Шор, любовницы Эдуарда IV, которая была наказана за распущенность, а не осыпана милостями.

«Не выставили шлюху на позор,
Поскольку ей король задрал подол», –

такой стишок нашли на дверях дома леди Каслмейн. За сведения об авторе обещали тысячу фунтов, но за наградой никто не посмел явиться.

«Я только прошу вас, мадам, – сказал Карл Барбаре, – ради вас же самой жить как можно тише и незаметнее. А кого вы любите, мне совершенно безразлично».

Замечание оказалось весьма уместным, поскольку леди Каслмейн как раз в этот период сменила нескольких любовников. И снова Рочестер отозвался лаконичным комментарием:

Полсотни человек в поту и тяжких муках
Девицу Барбару пытаются пронять,
Но мало ей, хвостом виляет, сука,
Желая столько же еще принять.

К несчастью, этот разгул совершался не так тихо, как того желал Карл. Связь Барбары с английским послом в Париже вызвала политический скандал. В конце концов, уже потеряв свое состояние, в возрасте шестидесяти четырех лет она стала второй женой молодого человека по имени Филдинг, носившего прозвище «Красавчик».

Между тем амурные похождения короля не прекращались. «Леди Миддлтон, леди Денхем, фрейлины королевы, девушки из окружения герцогини и сотня других дарили королю свои ласки, и никто не смел укорить их хоть словом», – не скрывая зависти, писал один из придворных. Священники были строже. Один из них недовольно заметил: «Обычно в церковь он являлся прямо от своих любовниц, даже в дни святых праздников».

Среди возлюбленных короля были графиня Килдарская; леди Фалмут, позднее перешедшая к брату Карла, герцогу Йоркскому; Джейн Робертс, дочь священника, которая со временем стала любовницей графа Рочестерского, вскоре скончавшегося, сокрушаясь из-за ее неверности; а также Уинифред Уэллс, у которой, по словам современников, были «осанка богини и лицо задумчивой овцы».

Как говорили, Уинифред происходила из семьи приверженцев короля, и поскольку «ее отец верно служил Карлу I, она сочла своим долгом не идти против желаний Карла II». Согласно одной неправдоподобной истории, во время бала во дворце у нее случился выкидыш зачатого королем ребенка, но она продолжала танцевать, оставив плод на полу.

Были и десятки других женщин, чьи имена неизвестны, которых смотритель личных королевских покоев Уильям Чаффинч сопровождал до порога королевской опочивальни во дворце, когда Карл жил в Лондоне, или приводил из заведения «Мейден-инн» в его загородную резиденцию в Ньюмаркете.

Рочестер, как обычно, не преминул предложить свое объяснение популярности короля:

В том королевской нет вины,
Что жезл его и член – одной длины,
И с дамами на выдумки богат он,
А потому ничем не хуже брата.

Имеется в виду брат Карла Джеймс, герцог Йоркский, известный распутник.

В стремлении поразвлечься король не ограничивался своим двором. Вскоре он стал проявлять интерес к молодым актрисам. Карл восстановил театр, запрещенный при Кромвеле, причем женщины впервые получили разрешение появляться на сцене. Это возмутило пуритан, полагавших, что актрисы ничем не лучше проституток.

Одной из первых актрис, на которых король обратил внимание, была Молл Дейвис. Она играла на гитаре и пела: «Постелью мне служит сырая земля». Королева своевременно вышла, позволив Карлу поднять «прелестную певицу с сырой земли и поместить на королевскую кровать», как писал придворный остряк Джон Доунс.

Вскоре девушка поселилась в доме на Суффолк-стрит, который король купил для нее за шестьсот фунтов. Молл славилась чувственными губами, и Пипс окрестил ее «самой дерзкой шлюхой в мире». От Карла она родила дочь, леди Марию Тюдор, а затем, надоев королю, вернулась на сцену.

Причиной ее размолвки с королем явилась Нелл Гуин, одна из подруг Молл. Ей смертельно надоело важничанье Молл, и она решила проучить ее, перекормив засахаренными фруктами. Вечером явился исполненный желаний король и нашел Молл страдающей от сильнейшего расстройства желудка. Тогда Нелл оказала Карлу те услуги, которые он не смог получить от ее заболевшей подруги.

Веселая и хорошенькая, Нелл была весьма скромного происхождения. Отец девушки умер в оксфордской тюрьме, а мать торговала элем в борделе госпожи Росс на Друри-лейн. «Я росла в публичном доме, подавала там напитки клиентам», – признавалась она.

Рочестер предполагал, что ее обязанности простирались дальше. Он писал, что Нелл

За полкроны готова была
Появиться в чем мать родила.

Полкроны, или два шиллинга и шесть пенсов – столько в то время платили за услуги

проститутки. Когда ее сестру арестовали за проституцию, Нелл жаловалась на несправедливость того, что «молодая шлюха, не зараженная ни сифилисом, ни триппером, должна томиться в тюрьме».

Нелл была миловидна, с длинными стройными ногами, пышной грудью и ртом, «от вида которого слюнки текут». Читать она не умела, зато была остра на язык и скоро завела себе любовников, среди которых состоял и поэт Джон Драйден. Позже Нелл в шутку сказала королю, что его женитьба разбила ее сердце и лишила ее всякого смысла хранить свою девственность.

Нелл продавала апельсины около Королевского театра и вскоре стала любовницей актера Чарльза Харта, внучатого племянника Шекспира. Она в шутку называла его Карлом²⁹ Первым. Харт привел ее на сцену, и вскоре она стала одной из ведущих актрис Королевского театра. Следующим любовником Нелл стал Чарльз Саквилл, лорд Букхерст. Он получил прозвище Карл Второй. Саквилл заслужил скандальную известность тем, что как-то появился голым на балконе вблизи «Ковент-Гардена»³⁰ и произнес проповедь. Ну а Карл II, в свою очередь, стал для Нелл «Карлом Третьим».

Карл много раз видел ее на сцене еще до того, как она коварно заняла место Молл Дейвис. Она особенно нравилась королю в мужском платье. Он даже купил ей костюм, позволяющий видеть ее ноги. Вскоре Нелл превратилась в «самое несдержанное и необузданное существо при дворе». Тем не менее она сохраняла верность королю. «Я отдаюсь только одному мужчине», – сказала Нелл. При этом услуги ее обходились недешево. Поначалу она просила пятьсот фунтов в год, но за четыре года получила от своего августейшего любовника более 60 000 фунтов. Она не пожалела денег и купила серебряное ложе с эротическими сценами, о котором много говорили в Лондоне. На нем были изображены канатоходец Джекоб Холл, совокупающийся с леди Каслмейн, и еще одна любовница короля Луиза де Керуай, лежащая в склепе с каким-то восточным владыкой.

Титула Нелл так и не получила. «По отношению к ней король не проявлял знаков внимания, которые принято проявлять к возлюбленной, – скорее, это напоминало похотливое влечение к проститутке», – отмечал епископ Бернет. Карл обычно жаловал своим любовницам титул герцогини. Нелл прекрасно знала об этом и однажды, когда король похвалил ее новое платье, сказав, что она в нем «так красива, что достойна стать королевой», она остроумно парировала: «И так блудлива, что достойна стать герцогиней». Впрочем, она добилась титулов для их сыновей – для ее «бастардиков», как она их называла в присутствии Карла.

Некоторые придворные считали, что Нелл стоила тех денег, которые тратил на нее король, поскольку никогда не вмешивалась в серьезные дела. «Она умела играть с его членом, но не тянула рук к скипетру», – писал Рочестер. Когда король просил у нее совета, Нелл «говорила, что ему следует застегнуть гюльфик», – отмечал в своих записках один современник. Она никогда не просила за какого-нибудь политика и «не изменяла королю с другими мужчинами – грех, в котором обвиняли других». Когда герцог Букингемский стал ее «щупать», Нелл не ответила ему пощечиной, но рассказала обо всем Карлу.

Кое-кого, разумеется, шокировала открытость их связи. Джон Ивлин писал в дневнике, что, гуляя по Сент-Джеймскому парку³¹ около дома на Пэлл-Мэлл, который Карл дал ей,

²⁹ В приложении к монархам английское имя Чарльз по традиции переводится на русский язык как Карл.

³⁰ Главный лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов; существовал с 1661 до 1974 года.

³¹ Большой парк в центральной части Лондона, по всей длине которого тянется озеро с редкими водоплавающими птицами; первые пеликаны на это озеро были завезены из России в 1664 году, как раз во время правления Карла II.

он слышал «весьма откровенный разговор» короля с его любовницей. Олдермен³² в Ньюмаркете также был неприятно удивлен, когда Нелл в присутствии других людей спросила: «Карл, так я надеюсь, ты придешь сегодня ночью?»

Она также не скрывала своих притязаний на бесплатное владение домом на Пэлл-Мэлл, поскольку всегда «бесплатно оказывала свои услуги».

Хотя Нелл Гуин сохраняла верность королю, Карл отнюдь не платил ей той же монетой. Довольно долго ей приходилось делить его с красивой бретонкой Луизой де Керуай, и в то же время французский посол был убежден, что единственная женщина, имеющая влияние на короля, это его сестра.

Любимая родственница Карла Генриетта-Анна была на четырнадцать лет его моложе. Король называл ее «Минетта» и писал ей длинные письма, необычайно откровенные, в которых делился с ней сокровенными мыслями и даже описывал интимные подробности своей брачной ночи.

Еще подростком Генриетта-Анна была выдана за младшего брата французского короля Филиппа, герцога Орлеанского. Он был гомосексуалистом и трансвеститом, расхаживал в туфлях на высоких каблуках, обожал духи и румяна. У него наблюдались склонность к насилию и патологически развитый собственнический инстинкт по отношению к жене. Поэтому девушка не на шутку обеспокоилась, когда проявлять к ней интерес начал король Людовик. Взвесив возможные последствия, она вместо себя послала на свидание с Людовиком свою фрейлину Луизу де Лавальер.

В 1670 году Генриетта-Анна приехала в Англию навестить брата. Ее сопровождала молодая фрейлина Луиза де Керуай. Сраженный наповал Карл умолял сестру оставить ему девушку, но Генриетта-Анна отказалась, объяснив это тем, что обещала родителям Луизы привезти их дочь домой в целостности и сохранности.

Через три недели Генриетта-Анна умерла. Карл был безутешен. Людовик XIV не преминул воспользоваться ситуацией. Решив, что не вредно было бы иметь своего агента в постели английского монарха, он повел дело так, что Луиза вернулась в Англию в качестве фрейлины королевы Екатерины.

На первых порах Луиза упрямо цеплялась за свою девственность, но в конце концов французский посол убедил ее пожертвовать честью ради блага Франции. Не исключено, что у нее зародилась надежда стать женой Карла, поскольку она интересовалась здоровьем королевы. Однако после «шутейной свадьбы» в Юстон-Холле в октябре 1672 года Луиза уступила. «В одну из последних ночей эта леди попала в постель короля, – свидетельствует Джон Ивлин, – и ее чулок вылетел из спальни, как это принято у сочетавшихся браком». Здесь вспоминается обычай выбрасывать чулки в толпу придворных, стоящих у спальни в первую брачную ночь, что символизирует осуществление супружеских отношений в полном объеме.

На сей раз в полноте этих отношений не могло быть никаких сомнений. Через девять месяцев Людовик XIV прислал свои поздравления по случаю благополучно выполненной миссии. Луиза получила титул герцогини Портсмутской и должность хранительницы опочивальни королевы, так что теперь она «не уступала в знатности прежним любовницам-герцогиням».

Карл называл ее «жизнь моя» и сказал как-то: «Я люблю тебя больше всего на свете». Говорили, что Луиза «поразительно хороша собой», хотя она слегка косила на один глаз. С характерным для нее грубоватым чувством юмора Нелл Гуин назвала Луизу «Косабелла», а через какое-то время, заметив, что она часто притворяется больной и готова разрыдаться по малейшему поводу, окрестила ее «Плакучей ивой».

Нелл насмешливо реагировала на спесивость Луизы, ее претензии на происхождение от старинного аристократического рода. «Если она такая знатная, – говорила Нелл, – как же она

32 Советник муниципалитета.

унизилась до положения куртизанки?» Когда же Луиза надела траур по некой кузине-аристократке, Нелл на следующий день также появилась во всем черном. «Разве вы не слышали? – спросила она. – Скончался татарский хан».

Помимо земель и драгоценностей, которыми щедро наделил ее Карл, Луиза получила богатые подарки от французской короны. «Почему это король Франции не шлет свои дары мне вместо Плакучей Ивы?» – спрашивала Нелл французского посла.

Англичанам казалось, что они знают ответ на этот вопрос. Над дверью в великолепные апартаменты Луизы в недавно обновленном дворце Уайтхолл³³ появилась надпись:

Потянешь за дверную ручку –
А там кровать французской сучки.

Раздавались и угрозы в ее адрес. Как-то раз ко дворцу подъехала карета с миловидной молодой женщиной. Приняв ее за Луизу де Керуай, толпа окружила экипаж. Воздух наполнили антикатолические выкрики, оскорбления. Но из окна кареты высунулась головка Нелл Гуин. «Успокойтесь, добрые люди, я протестантская шляха!» – закричала она, и негодующие вопли превратились в хохот.

В 1675 году Гортензия де Манчини, герцогиня Мазарини, прибыла в Англию. Во время изгнания Карл пережил с ней бурный роман. Шла даже речь о браке. Тогда, в двадцать с небольшим лет, она была потрясающе красива – в ней дремала некая загадочность, которая для многих мужчин является неотразимой. Гортензия вышла замуж, но ее первый муж, герцог Мазарини, оказался религиозным фанатиком, заставлявшим жену каяться в самых изощренных формах за все ее грехи – как действительные, так и воображаемые. Через пять лет, переодевшись мужчиной, она убежала от мужа и стала любовницей герцога Савойского. После смерти герцога его вдова настоятельно рекомендовала Гортензии исчезнуть, и та уехала в Англию «в мужском костюме, парике и шляпе с пером», прихватив с собой любимого попугая и чернокожего пажа Мустафу. Несмотря на странную свиту Гортензии, французский посол заметил, что он никогда прежде не видел человека, «столь успешно противостоявшего разрушительному действию времени».

Страсть, которую король испытал в юности, вспыхнула с новой силой. «Мадам Мазарини осталась весьма удовлетворенной беседой с королем Англии», – писал французский посланник. Действительно, Карл немедленно предоставил Гортензии апартаменты, где некогда обитала леди Каслмейн. Впрочем, прибытие очередной любовницы-иностранки отнюдь не было встречено всеобщим одобрением. Как писал один современник:

Француенок при короле не счесть,
И все горазды сладко пить и есть.

Нелл Гуин, напротив, выражала свое полное одобрение. Она надела черное платье, изображая траур по неосуществленным надеждам Луизы. Из уст в уста ходил такой стишок:

Барбара сбежала и в постель попала,
Нелл же позабыта навсегда,
У старой Мазарини нет зубов в помине,
И Луиза не годится никуда.

Роман Карла с Гортензией оказался бурным, но недолгим. Король старел, а Гортензия

³³ Главный королевский дворец в Лондоне с первой половины XVI века. В 1689 году он почти полностью сгорел.

была слишком требовательна. Когда в Лондоне объявился молодой принц Монако, стало ясно, что Гортензия нашла себе нового любовника.

Луиза также раскинула свои сети вне королевской спальни. Карл застал ее с новым ухажером – «явившись несколько неожиданно для них, он увидел больше, чем хотел бы видеть».

Вскоре Карл понял, что Луиза значит для него больше, чем любая другая из его любовниц. «Король стал часто целовать ее прилюдно, чего ранее никогда не делал», – писал епископ Бернет. Тем не менее послеобеденное время Карл по-прежнему проводил с Гортензией, а вечера – в обществе своей милой Нелл.

Несмотря на очевидное соперничество, эти три женщины вполне ладили друг с другом, имея общую страсть к карточной игре. Рассказывают, что за один день Гортензии удалось выиграть у Нелл пять тысяч фунтов и у Луизы – восемь тысяч. Брезгливая Нелл нередко жаловалась на неопрятность своих партнерш по картам. Французскому послу она сказала, что у Луизы несвежее белье, а Гортензия вообще такового не носит. Дабы пояснить свою мысль, она приподняла собственные юбки и продемонстрировала послу белье безупречной свежести и чистоты.

Луиза спала с марокканским послом, а Гортензия завела сразу несколько любовников. Когда один из них был убит на дуэли, она заявила, что уйдет в монастырь. Эта перспектива весьма позабавила короля. Верной ему оставалась только Нелл.

31 января 1685 года Джон Ивлин так писал о дворе Карла, доживавшего последние дни: «Мне никогда не забыть сказочной роскоши и вульгарности, поглощенности азартными играми и растленности, в целом – полнейшего забвения заветов Господа нашего; все это предстало перед моим взором: король забавлялся со своими любовницами – герцогинями Портсмутской, Кливлендской и Мазарини, а в это время два десятка придворных и прочих беспутных персон за большим столом играли в бассет³⁴, причем в банке было не менее двух тысяч золотом. Два джентльмена, стоявших рядом со мною, пораженные возмутительной сценой, заметили, что, по их мнению, конца этому не предвидится. Однако уже через шесть дней все обратилось в прах».

Карл скончался 6 февраля 1685 года. На смертном ложе он умолял своего брата Якова «не дать бедной Нелл умереть с голоду». Он также предсказал – и предсказание это сбылось, – что брат его «утратит корону из-за неистовой приверженности к дешевым шлюхам». Король укорял Якова, поскольку тот, в отличие от Карла, знался с «самыми уродливыми и непотребными девками».

Несмотря на подхваченную от короля венерическую болезнь, Луиза прожила еще пятьдесят лет. Она купила небольшое поместье во Франции, но основную часть своего состояния промотала. Яков II выплачивал ей небольшое содержание, позже Луизе стал помогать и Людовик XIV. Пенсию за «великие заслуги перед Францией» даровал ей и регент герцог Орлеанский, известный тем, что окружил себя сотней необыкновенно уродливых любовниц. Выслушав укоры своей матери на этот счет, герцог ответил: «Ах, матушка, ночью все кошки серы».

Голодать Нелл не пришлось, хотя кредиторы чуть было не засадили ее в долговую тюрьму. Выручил ее Яков. Карла II она пережила всего лишь на два года и скончалась совсем еще молодой, так и не взяв любовника после смерти короля. Одному молодому человеку, добивавшемуся ее любви, она ответила, что никогда не «положит пса туда, где лежал олень».

Из двадцати шести живущих ныне в Англии герцогов пятеро являются прямыми потомками Карла II и его любовниц. Кроме того, благодаря его внебрачным связям мы имеем несколько маркизов и графов.

³⁴ Карточная игра.

Хотя Карл II, бесспорно, являлся бабником без стыда и совести, его деятельность на этом поприще бледнеет по сравнению с подвигами его брата Якова. Как-то раз Карл сказал французскому послу: «Мне трудно поверить, что в мире найдется два человека, которые любят женщин больше, чем вы и я, но мой брат, при всем своем благочестии, нас в этом превосходит».

Младший брат Карла Яков, герцог Йоркский и будущий король Яков II, бежал во время гражданской войны³⁵ из Карисбрукского замка³⁶, переодевшись девочкой. Оказавшись за границей, Яков разделял сладострастные устремления короля, но в отличие от брата полагал более важным количество, а не качество. Карл предположил, что безобразные любовницы брата – это епитимья, наложенная на Якова священниками ради спасения его души.

Во время долгого изгнания Яков пытался вести переговоры о браке с наследницей герцога де Лонгвиля. Переговоры закончились неудачей, и Яков тайно обвенчался с Анной Хайд, дочерью лорда-канцлера короля Карла, которая была фрейлиной его сестры Марии. Когда в период Реставрации они вернулись в Англию, Анна уже носила под сердцем дитя Якова. Чтобы беременная Анна могла занять подобающее ей законное положение, они с Яковом прошли через общепринятую брачную церемонию. Описывая это событие, Сэмюел Пипс приводит замечание, сделанное графом Сэндвичским: «Сначала обрюхатить девку, а потом на ней жениться – да это все равно что наложить в собственную шляпу, а потом надеть ее на голову».

Когда отец Анны, пуританин, весьма строгий в вопросах морали, узнал о скандале, он потребовал, чтобы его дочь была немедленно заключена в Тауэр, где ей следовало ожидать суда и казни. Яков же в свою очередь категорически заявил, что, если Анна не будет официально признана его супругой, он покинет Англию и никогда более не вернется.

Положение Якова осложнилось, когда вдова Карла I Генриетта-Мария и ее дочь Мария, носившая в то время титул принцессы Оранской, единодушно высказались против этого брака. Мария заявила, что никогда не сможет принять в качестве невестки служанку, чье место было «за креслом своей госпожи». Мать и дочь спешно прибыли с континента, стремясь не допустить, чтобы «корона претерпела подобное бесчестье».

Встав перед угрозой раскола семьи, Яков заколебался. Заурядная внешность Анны и ее незавидная приземистая фигура отнюдь не стали лучше в результате беременности, и он принялся ухлестывать за юными красотками, которые с началом Реставрации в изобилии слетелись ко двору. В то же время целых пять друзей Якова как нельзя более кстати стали претендовать на отцовство. Один из них, Гарри Киллигрю, сказал, что он «улучил момент в некоем домике над водою, предназначенном вовсе не для любовных ласк». По его словам, этот домик – попросту говоря, уборная – служил местом многих свиданий. Другой самопровозглашенный любовник, сэр Чарльз Беркли, выразил согласие жениться на Анне, дабы спасти Якова от супруги, которая была «до такой степени его недостойна». В довершение всего сам Яков стал отрицать, что некогда сочетался браком с этой женщиной.

22 октября 1660 года Анна родила хилого, болезненного мальчика. Во время беременности она упрямо повторяла, что Яков является ее супругом и отцом ребенка. В конце концов над нею сжалился король. Он потушил скандал, повелев Якову «расхлебывать заваренную им кашу и жить с той, которую сделал своей женой». Пятеро друзей герцога Йоркского были вынуждены отказаться от ложных заявлений об отцовстве, и 21 декабря 1660 года Яков публично признал свой брак. Через три дня принцесса Мария умерла от оспы, успев выразить сожаление за свои слова о бывшей фрейлине. Лишь королева-мать Генриетта-Мария осталась непреклонной. Если Анна когда-либо ступит в Уайтхолльский

³⁵ Имеется в виду гражданская война 1648 года между сторонниками парламента и роялистами.

³⁶ Средневековый замок на острове Уайт, место заключения в 1647–1648 годах короля Карла I.

дворец, заявила королева-мать, она немедленно покинет его через другую дверь и никогда более туда не вернется.

Впрочем, в конце концов и Генриетту-Марию заставили признать брак Якова и Анны. 1 января 1661 года она согласилась принять у себя Анну, сказав ей, что та с самого начала пришлась ей по сердцу. Раскол в королевской семье был, таким образом, ликвидирован, а Яков и Карл получили возможность и далее вести все ту же распутную жизнь.

Яков быстро заслужил репутацию «самого незащищенного от женских взглядов мужчины своего времени». Хотя он и был женат, он все же «полагал, что имеет право изредка позволить себе непостоянство».

«Он покидал супружескую постель и тут же ложился с другими», – писал Пипс. Автор знаменитого дневника живо интересовался любовными связями герцога Йоркского, который, будучи лордом-адмиралом³⁷, являлся его непосредственным начальником.

В ответ на распутство мужа Анна предалась чревоугодию. Ее фигура превратилась в подобие шара, но теперь Яков уже знал, что «ее достоинств явно достаточно, чтобы смутить сердце и менее склонного к любовным играм человека, нежели Его Королевское Высочество в пору ранней юности».

Она была доброй женой и родила двух здоровых девочек – Анну и Марию, – которые впоследствии стали королевами. Еще шестеро детей родились мертвыми.

Яков, бывало, обращался к жене за советом. Пипс свидетельствует, что «герцог Йоркский слушался свою супругу во всем, что не касалось его гульфика».

Яков ввел в привычку совращать фрейлин жены и пристраивать любовниц на различные должности при опочивальне герцогини Йоркской. Впрочем, эти привилегии были слабой компенсацией за постоянный риск забеременеть.

Мисс Тревор, «самой привлекательной фрейлине герцогини», пришлось бежать от двора. «Останься Тревор еще какое-то время, и она разрешилась бы от бремени в больнице святого Иакова». Мать Сары Дженнингс пыталась увезти дочь домой на том основании, что «две фрейлины уже ходят при дворе с большими животами, и она не желает видеть свое дитя третьей жертвой».

Лорд Робертс тайно увез свою жену из Лондона, не желая, чтобы герцог ее совратил – риск был велик. Яков не пал духом и «немедленно ухватился за первую попавшуюся жертву, каковой оказалась леди Карнеги – дама, уже побывавшая не в одних руках».

По свидетельству Пипса, муж этой дамы «прознал об ущербе, нанесенном его чести, и велел супруге продолжать в том же духе». Затем он намеренно заразился венерической болезнью в надежде передать ее герцогу.

Однажды лорд Честерфилд увидел, как Яков обнимал его жену, пока королева играла в карты. Когда герцог понял, что его обнаружили, он «так быстро отдернул руки, что чуть было не раздел даму».

Пипс слышал, что герцог был «по уши влюблен в леди Честерфилд», но отнюдь не удивился, когда увидел Якова, покидающего дворец в обществе герцогини, хотя минуту назад он еще «держал в объятиях и целовал другую».

Поняв, что происходит, лорд Честерфилд увез жену из Лондона. Яков тут же обратил свои взоры на леди Фалмут, а затем на Мэри Кирк – обнаружив вскоре, что та развлекает и его племянника Монмута. Следующей в руки Якова попала Джейн Миддлтон, которая «распространяла вокруг себя пренеприятный запах, становившийся особенно резким, когда ей было жарко». Личная гигиена в то время не особенно ценилась.

После короткой связи с «коротышкой и толстушкой» Годотой Прайс, очередной фрейлиной герцогини, Яков увлекся довольно привлекательной леди Элизабет Денхем, женой придворного поэта. Сэру Джону Денхему было пятьдесят, его юной жене – восемнадцать. Сначала поэт согласился закрыть глаза на эту связь, при условии, что его жена

³⁷ С XV века до 1964 года титул командующего военно-морским флотом.

получит место при герцогине Йоркской. Однако Элизабет не пожелала оставаться тайной любовницей, украдкой пробирающейся по коридорам личных покоев герцога. Она жаждала открытого признания. И вскоре Яков, «как пес», прилюдно таскался за «этой сукой Денхем».

Пипс часто жаловался, что его господин, лорд-адмирал, «пренебрегая делами, снова с головой погрузился в развлечения – то он с этой женщиной, миледи Денхем, а то охотится по три раза в неделю».

Сам сэр Джон Денхем почувствовал себя весьма уязвленным тем, что его рога оказались открыты всеобщему обозрению. Его жена не таясь встречалась с Яковом в доме герцога в Скотленд-Ярде. Как-то раз сэр Джон застал их вместе – они весело смеялись, в руках у Элизабет была гитара. В гневе поэт вырвал инструмент из рук жены и разбил о землю. Потом он пожаловался на герцога королю – что, без сомнения, приятно развлекло Его Величество.

Связь эта закончилась внезапной смертью леди Денхем. Подозревали, что дело не обошлось без яда. Боясь, что его разорвут на куски во время похорон, сэр Джон выставил присутствующим на печальной церемонии невероятное количество вина. Герцог Йоркский поклялся, что никогда не будет придавать своим любовным связям открытый статус.

Впрочем, эти добрые намерения вскоре были забыты. Еще при жизни леди Денхем Яков обратил внимание на Арабеллу Черчилль – естественно, фрейлину герцогини Йоркской. Никто не мог понять, в чем заключается привлекательность высокой и тощей Арабеллы. «Сущий скелет, кожа да кости, и бледна, словно бумага», – так писал о ней современник. Однако герцогу довелось увидеть, как она упала с лошади, продемонстрировав пару стройных ног, и он «с трудом поверил, что ноги столь совершенной формы могут сочетаться с лицом мисс Черчилль». Упомянутые ноги вскоре раздвинулись, и Арабелле пришлось удалиться во Францию, где она родила своего первого внебрачного сына Джеймса Фицджереймса.

Всего Арабелла родила Якову четверых детей, не обращая внимания на советы королевского лекаря и придворного акушера Александра Фрейзера, прославившегося среди дам сноровкой, с которой он помогал им «избавиться от приплода, когда в том возникала нужда».

Но это не остановило Якова. По мере того как его жена становилась все толще, герцог Йоркский «изнурял себя супружескими изменами и постепенно чахнул».

Анна умерла через шесть недель после рождения ее последнего ребенка. Прошел мимолетный слух об отравлении. А герцог нашел утешение с семнадцатилетней леди Беллейси. Был поднят вопрос о браке, но король и слушать об этом не хотел.

«С него с лихвой хватит и одной глупости. Повторять ее, да еще в таком возрасте, ни к чему». Якову к тому времени исполнилось сорок лет.

Герцог последовал совету брата и женился на иноземной принцессе Марии Моденской, пятнадцатилетней девушке редкой красоты. Воспитанная в католической вере, Мария была столь благочестива, что мечтала стать монахиней. Только вмешательство папы римского убедило принцессу, что брак с наследником английского престола является ее высшим предназначением. Из-за антикатолических настроений, преобладающих в Англии, брак этот совершался по доверенности.

Несмотря на необыкновенную красоту Марии, уже через неделю после свадьбы Яков снова был с Арабеллой. Она родила ему еще одного здорового ребенка, однако герцог вскоре бросил ее и сошелся с Кэтрин Седли – теперь уже с фрейлиной Марии, а Арабелла вышла замуж за полковника и прожила с ним сорок долгих лет.

Красивая, но распущенная Кэтрин была дочерью дворянина из Кента, чьи постоянные измены вынудили его жену покинуть дом и уйти в монастырь. По словам сэра Карра Скоупса, Кэтрин «была безумна, как ее мать, и порочна, как ее отец».

Пипс находил ее «не слишком добродетельной, но умной». Свидетельство ума этой женщины мы находим в ее собственных суждениях о том, почему она оказалась столь желанна герцогу: «Дело не в моей красоте – ведь он видел, что я таковой не обладаю, да и не

в моем уме – ведь у герцога его явно недостаточно, чтобы оценить мой».

Вскоре Кэтрин родила дочь, Мария же оказалась бесплодной. Это ее очень печалило, и когда Яков, наконец, взшел на престол, она настояла на том, чтобы он прекратил отношения с Кэтрин (с недавнего времени – графиней Дорчестерской). В противном случае, угрожала Мария, она станет монахиней, что вызовет неминуемый скандал.

Ответным шагом Кэтрин было заявление, что в соответствии с Великой хартией вольностей каждая свободная англичанка имеет право спать со своим королем. Убедить ее в том, что король Иоанн Безземельный и его бароны имели в виду совсем другое, помогли дом за десять тысяч фунтов и пенсия в четыре тысячи.

Внебрачный сын Карла II герцог Монмутский унаследовал от отца пристрастие к слабому полу. Он добился взаимности нескольких фрейлин, и одна из них, Элинор Нидхем, родила герцогу четверых детей. Но Монмут собрал армию против Якова. Мятеж был быстро подавлен, а сам герцог, осужденный за измену, закончил жизнь на эшафоте. Знаменитого палача Джека Кетча на этот раз подвела рука, и ему потребовалось целых пять ударов секирой, чтобы привести приговор в исполнение. Но и после этого голова Монмута не была полностью отделена от туловища, и палачу пришлось завершать работу ножом. На «Кровавом суде»³⁸ судья Джеффрис приговорил 320 сподвижников Монмута к повешению, сожжению внутренностей и четвертованию, 800 – к ссылке на Барбадос и несколько сот – к наказанию плетью. «Так закончил свою жизнь этот бывший герцог, – писал Джон Ивлин, – любимый своим отцом и многими женщинами... этот легкомысленный, беспутный развратник, сбитый с толку хитрыми подлецами».

Кэтрин Седли отослали в Ирландию. Впрочем, жизнь там ей показалась скучной. Ирландцы были «не только бесчувственны, но и унылы», как писала она своей подруге. Через год Кэтрин вернулась в Лондон, и Яков снова попал под ее чары. За этот год свершилось чудо – королева Мария, которую считали бесплодной, родила ребенка.

Радостная весть была омрачена решением короля перейти в католическую веру. Такой шаг Якова заставил епископа Солсберийского поинтересоваться, не соблазнил ли король монахиню. Переход монарха в католицизм означал, что и наследник престола должен стать католиком. Этого протестантская знать не желала допустить. Лорды заявили, что ребенок незаконный. По их словам, во время так называемой беременности Мария привязывала подушку к животу и отказывалась раздеваться в присутствии фрейлин. Отсюда следовало, что ребенка тайно внесли в спальню и подложили в постель королевы.

Разумеется, в этом не было ни слова правды. В соответствии с конституционными требованиями, за родами наблюдали двадцать придворных дам и множество вельмож – такой порядок сохранялся вплоть до рождения принцессы Маргариты³⁹.

Против короля выступила теперь и Анна, его дочь от первого брака. Был учрежден специальный комитет для расследования дела, причем «бесконечные рассуждения о прелюбодеянии и блуде... вгоняли дам в краску».

Доказательства законности ребенка были неопровержимы. Бывшая любовница Карла II герцогиня Мазарини, также католичка, свидетельствовала, что во время беременности королевы она чувствовала ребенка в чреве Ее Величества. Но все это только подогревало антикатолические настроения.

Семь главных противников короля предложили старшей дочери Якова Марии и ее мужу-протестанту Вильгельму Оранскому высадить в Англии войска. Яков бежал, затем вернулся во главе своей армии, но вскоре потерпел поражение в битве на реке Бойн⁴⁰.

³⁸ Расправа, произведенная в 1685 году над участниками восстания во главе с герцогом Монмутским против короля Якова II.

³⁹ Сестра нынешней королевы Елизаветы II.

⁴⁰ В 1690 году на реке Бойн в Ирландии Вильгельм III одержал победу над Яковом II. Эта битва завершила

Яков счел это наказанием за свою грешную жизнь. «Самым бесстыдным образом я слишком долго и безоглядно предавался любви к женщинам, и вот пришла жестокая расплата», – писал король.

Остаток жизни он терзался из-за совершенных ошибок. «О, как я презираю себя за долгие годы, прожитые в нескончаемом грехе, – говорил он принцу Уэльскому. – Ничто так не губительно для мужчин, особенно же для мужчин, облеченных властью, как запретная любовь к женщинам».

Несмотря на раскаяние, Яков оставался таким же беспутным. Один автор отмечает, что в свите короля было два «жутких пугала», хотя при том Яков посещал монахов в монастыре Ла Трапп, и они вместе, облачившись в саваны, стояли у края открытых могил и подбадривали друг друга веселыми призывами: «Умрем же, братья, умрем!»

«Только этим людям я и завидую», – сказал король незадолго до своей смерти в 1701 году. Яков II на склоне лет оправдал прозвище, данное ему Нелл Гуин много лет назад, – «Мрачный Джимми».

Хотя Яков с семьей бежал за границу, его любовница Кэтрин Седли, графиня Дорчестерская, осталась в Англии. Ее отец стал одним из ревностных сторонников новой власти. «Мы рассчитались с королем Яковом, обменявшись любезностями, – сказал он. – Король сделал мою дочку графиней, а я помог его дочери стать королевой».

Кэтрин получила пенсию от Вильгельма как двойной агент, действующий против Якова, а также была приглашена ко двору. Впрочем, новая королева, дочь Якова Мария, отнеслась к ней с явным пренебрежением. Ответ Кэтрин был прям и резок: «Помните, мадам, если я и нарушила одну из заповедей, вступив в связь с вашим отцом, то вы нарушили другую, пойдя против него⁴¹».

«Оба короля были к ней благорасположены, – писал современник, – но обе королевы ее не любили».

Когда ей было около сорока лет, Кэтрин вышла замуж за уважаемого офицера из армии Вильгельма, которому родила двух сыновей. «Если кто-нибудь назовет вас детьми шлюхи, – говорила она им, – отнеситесь к этому без гнева, ибо так оно и есть, но если вас назовут бастардами – бейтесь насмерть, ибо вы – сыновья честного человека».

На этом история Стюартов не закончилась. Яков Френсис Эдуард по прозвищу Старший Претендент⁴² женился на польке Марии Клементине Собеской, которая учила их сына, Красавца принца Чарли⁴³, относиться к женщинам с недоверием и сдержанной вежливостью, в то время как ее муж предавался разврату при дворах итальянских властителей. Молодой человек плохо усвоил уроки матушки. Он жестоко обошелся со своей польской любовницей княгиней де Тальмон, хотя, судя по описанию их публичных скандалов, княгиня была ему вполне подходящей парой.

В 1745 году в Шотландии Чарли встретил Клементину Уолкиншоу, которая родила ему дочь и последовала с ним в изгнание. Он бил ее, как в свое время княгиню де Тальмон, а друзья предостерегали принца, что Уолкиншоу – английская шпионка. Клементина оставалась с ним в течение пятнадцати лет, пока он растрачивал свое тощее состояние на других любовниц.

процесс покорения Ирландии Англией.

⁴¹ Имеется в виду заповедь «Почитай отца твоего и мать твою». Исх. 20: 12.

⁴² Яков Эдуард Стюарт (1688–1766) – сын Якова II, претендент на английский престол.

⁴³ Одно из прозвищ принца Карла Стюарта (1720–1788), сына Якова Эдуарда Стюарта; другое его прозвище – Младший Претендент.

В 1760 году она, наконец, сбежала от него и укрылась в монастыре. Чарли потребовал от Людовика XV выдачи беглянки, но французский король сжалился над ней и отказал принцу.

В сорок один год принц женился. Его прелестная невеста, девятнадцатилетняя принцесса Луиза Штольберг-Гедернская, была счастлива выйти замуж за Младшего Претендента, трагического героя восстания сорок пятого года⁴⁴ и наследника английского престола. Вместо этого она попала в лапы толстого стареющего алкоголика. Кончилось тем, что Луиза сошлась с молодым итальянским поэтом Витторио Альфьери⁴⁵. Муж стал ревновать и заявил свои права на супругу. Обычно они спали в разных комнатах, но однажды, напившись до потери рассудка, принц вломился в спальню Луизы и силой овладел ею. Он убил бы жену, не помешай ему слуги.

Луиза бежала в монастырь и обратилась к папе римскому с просьбой о защите. Когда скандал утих, Луиза прожила с Альфьери еще двадцать счастливых лет.

Глава 6 Диктаторы в юбках

Отец Вильгельма Оранского умер еще до рождения сына, ребенка воспитывали властная мать и бабка. Юность его была омрачена войной. В результате этого мальчик проводил много времени среди военных и вообще предпочитал мужское общество.

Ближайшим другом и советчиком Вильгельма был Ханс Виллем Бентинк, в прошлом его паж. Вильгельм полагал, что в детстве Ханс спас ему жизнь. Когда маленький Вильгельм болел оспой, паж ложился к нему в постель и «оттягивал на себя жар и лихорадку». Этот жест, исполненный смелости и доброты, обеспечил Хансу вечную любовь Вильгельма и способствовал его успешной карьере.

На протяжении всей жизни Вильгельма ходили слухи о его гомосексуализме, хотя имеются неопровержимые доказательства нескольких гетеросексуальных эпизодов. В двадцатилетнем возрасте Вильгельм побывал в Англии. Однажды вечером его дядя Карл II напоил племянника и запустил его в комнаты фрейлин. Дамы, как говорится, были «вовремя спасены». Ходили также разговоры о связи Вильгельма с дочерью какого-то трактирщика.

Епископ Бернет так писал о Вильгельме: «У него был лишь один порок, но он скрывал его со всей тщательностью». Сатирик Джонатан Свифт, друг Элизабет Вильерс, которая многие годы оставалась любовницей Вильгельма, полагал, что пристрастие к секретности только добавляло веса предположениям о гомосексуальных наклонностях Вильгельма.

Если эти предположения справедливы, то надо сказать, что Вильгельму весьма повезло с выбором жены, которая оказалась лесбиянкой.

Мария и Анна росли вместе с несколькими девушками в Ричмондском дворце, их окружало чисто женское общество. Единственным мужчиной, которого они регулярно видели до замужества, был их беспутный кровный брат Монмут.

Хотя король Яков старался отвести их от чтения, обе девушки запоем глотали дешевые романы. В двенадцать лет Мария начала переписываться с двадцатилетней Франсес Эпли, к которой обращалась со словами «дорогой муженек». Обе девушки придумали себе имена – Клорина и Орилия.

Клорина (Мария) писала «милой, милой, милой, милой» Орилии (Франсес): «О, если пожелаешь, я напишу тебе, как сильно тебя люблю, но разве ты сомневаешься в этом? Я дала

⁴⁴ Восстание якобитов (сторонников Якова II и его наследников) в 1745–1746 годах, возглавляемое принцем Карлом, Младшим Претендентом.

⁴⁵ Витторио Альфьери (1749–1803) – итальянский драматург и поэт, создатель национальной трагедии классицизма.

тебе достаточно доказательств своего чувства. Коли этого мало, я с радостью умру, чтобы ты поверил в мою любовь, милый, дорогой супруг мой. Имей я столько жизней, сколько волос на моей голове, я отдала бы их все, я отдала бы в двадцать раз больше, лишь бы удовлетворить тебя... Пламя моей любви неугасимо, как огонь весталок. Ты – моя жизнь, моя душа, все, что может даровать мне Небо. Смерть становится жизнью, когда ты рядом, а без тебя лишь она и желанна. Что еще могу я сказать, дабы убедить тебя в силе моей страсти? Люблю тебя любовью, не ведомой ни одному мужчине. Мое чувство включает в себе больше дружбы, чем женщина может испытывать к женщине, и больше любви, чем самый преданный любовник питает к даме сердца. Ты любим сильнее, чем это дано выразить твоей послушной женой, твоему преданнейшему другу, покорной и верной служанке. Величайшее счастье для меня – целовать пыль у твоих ног, быть твоей верной собакой, рыбой, пойманной в сети, птицей, запертой в клетке...»

Анна писала похожие письма Сесили Корнуоллис, а затем стала обмениваться посланиями с «муженьком» своей сестрицы. В этой переписке они называли друг друга Зифара и Семандра. Впрочем, Анне вскоре надоела Франсес, и она, оставив ее в единоличном владении Марии, перенесла свои чувства на Сару Дженнингс, которая была на шесть лет ее старше.

В пятнадцать лет Мария вышла замуж за Вильгельма. О любви с первого взгляда тут не было и речи. Хотя Вильгельму к тому времени уже исполнилось двадцать семь лет, он был ростом ниже ее на пять дюймов. Она была красива и розовощека, он – тощ и бледен. Узнав о предстоящем браке, Мария «рыдала весь вечер и весь следующий день». Во время свадебной церемонии она едва сдерживала слезы, стоя перед алтарем с отсутствующим видом. Открытая для публики первая брачная ночь состоялась в Сент-Джеймском дворце. Карл II подбадривал Вильгельма: «Вперед, племянник! За работу!»

С тяжелым сердцем Мария покидала Англию и любимую «Орелию», но вскоре она приспособилась к веселой и размеренной жизни в Голландии. Дворцы там были светлыми и просторными по сравнению с пришедшим в упадок Сент-Джеймским дворцом. Голландские дамы были дружелюбны. В свиту Марии входили молодые фрейлины из Ричмонда, а сам Вильгельм, занятый военными делами, часто отсутствовал.

Тем не менее Мария выполняла все свои супружеские обязанности. Забеременев наконец, она написала своей любимой Франсес: «Я тут поразвратничала немного. Поскольку нас разделяет море, тебе понятно, что мой ребенок будет внебрачным».

Позже у нее случился выкидыш – первый из многих. Но Вильгельм продолжал попытки произвести на свет наследника. «Он приходит в мои покои к ужину, – рассказывала Мария своей подруге, – с тем чтобы я не докучала ему вопросами, а постаралась восстановить его силы...»

Хотя женщины не особенно привлекали Вильгельма, со временем и он стал искать развлечений на стороне. Его тайной любовницей была Элизабет Вильерс, одна из ричмондских подруг Анны и Марии, внучатая племянница герцога Букингемского, любовника короля Якова I. Леди Каслмейн, любовница Карла II, приходилась ей кузиной.

Элизабет не блистала красотой, особенно рядом с пышнотелой Марией, и, как писал ее друг Джонатан Свифт, страдала косоглазием. «Трудно представить, что она способна возбудить в ком-нибудь желание», – заметил другой современник.

Элизабет прибыла в свиту Марии в 1677 году и практически сразу привлекла внимание Вильгельма. Чтобы положить конец его домогательствам, она вступила в связь с капитаном Уочопом, шотландским наемником. Однако эти уловки ни к чему не привели, и в 1679 году ее роман с Вильгельмом был на устах у всего Парижа.

Мария знала, что «через два или три года мужчинам надоедают их жены и они находят себе любовниц». Вильгельм был скрытен. Он говорил жене, что допоздна работает над донесениями. Мария принимала эти неуклюжие оправдания и в течение пяти лет «скрывала печаль в своем сердце». Единственным утешением для нее оставалась полная страсти переписка с Франсес Эпли.

Мало-помалу вести о происходящем стали достигать ушей ее отца, Якова II. Как протестанты, Оранские представляли собой политическую угрозу Якову, и любые раздоры между супругами укрепляли его положение на английском троне. Агенты Якова при дворе Марии принялись распространять слухи о супружеской неверности Вильгельма, и английский посол официально обратил на них ее внимание. Публично униженная, Мария как-то ночью затаилась около комнаты Элизабет и в два часа обнаружила крадущегося от любовницы мужа.

Последовал грандиозный скандал. Она обвинила Вильгельма в нарушении верности, а он увещевал ее, говоря: «То, что тебя так огорчило, всего лишь развлечение, забава. В этом нет преступления». Муж в свою очередь обвинил слуг Марии в заговоре против него.

Вильгельм излил свои переживания Бентинку, но не нашел сочувствия: одно дело – жениться, а совсем другое – взять любовницу.

Мария попыталась удалить от двора свою соперницу. Она послала Элизабет, остававшуюся ее фрейлиной, в Англию с письмом для короля. Послание заключало просьбу задержать Вильерс. Однако в пути Элизабет вскрыла письмо и доставила его своему отцу. Тот посоветовал дочери немедленно возвращаться в Голландию.

Когда Элизабет прибыла во дворец, Мария отказалась ее видеть, а Бентинк посоветовал ей уехать. Но Вильгельм, узнав о случившемся, заставил Марию вновь принять Элизабет в число своих фрейлин. Он тем временем перехватил сообщение одного из шпионов Якова, капеллана Марии, который писал в Англию, что «только сводники и развратники пользуются здесь почетом». Капеллана Вильгельм изгнал вместе с английским послом.

Когда Вильгельм и Мария стали королем и королевой, Элизабет отправилась вместе с ними в Англию, и Мария научилась терпеливо сносить ее присутствие. Она поселилась в доме близ Кенсингтонского дворца, и за ее службу Мария дала ей 90 000 акров земли из бывших ирландских владений Якова II.

Вильгельм и Мария называли доставшееся им королевство «дьявольской страной, нечестивой и порочной». Чтобы поднять нравственность на должную высоту, Мария ввела в обиход придворных дам обязательное рукоделие, которое должно было, по убеждению королевы, «отвлечь их от безделья, которое не только является бессмысленной тратой времени, но и чревато многими соблазнами». Вильгельм же просто-напросто удалился со своей любовницей в Хэмптон-Корт, ибо картины жизни лондонского общества вызывали у него «только глубокое отвращение».

Позже, когда король воевал в Ирландии, сторонники Якова распространили слух, будто Элизабет беременна и брак Вильгельма и Марии распадается. Реакция Вильгельма была крайне лицемерной. Джон Ивлин писал: «Бесстыдство мужчин и женщин стало столь явным и повсеместным, лица самого разного звания столь открыто содержат своих любовниц, что король недавно направил всем епископам послание, в котором повелевает священникам произносить проповеди против этого греха».

Сам король тем временем, став более осторожным, продолжал свою связь с Элизабет Вильерс. По иронии судьбы, конец их отношениям положила в 1694 году смерть Марии. В последнем письме к мужу Мария умоляет его расстаться с любовницей. Опечаленный, испытывающий угрызения совести Вильгельм порывает с Элизабет. Он дарит ей земли, приносящие тридцать тысяч фунтов в год, и выдает замуж за графа Оркнейского. Хотя к этому времени Элизабет уже исполнилось сорок лет, в этом браке она родила троих детей.

Король более не женился и не заводил любовниц. У него появился новый фаворит – Арнольд Йоост ван Кеппель, уже заслуживший репутацию распутника. Как и любовник Якова I Роберт Карр, этот бывший паж обратил на себя внимание короля, когда упал с лошади и сломал ногу. Преисполненный ревности Бентинк сказал Вильгельму, что его близкие отношения с этим молодым человеком порождают слухи о гомосексуальной связи. «Сколь удивительно, что чувство дружбы и уважения к юноше непременно вызывает мысли о преступлении», – ответил король.

Вильгельм умер в 1702 году, упав с лошади, которая угодила ногой в кротовую нору.

На английский престол вступила Анна, сестра Марии.

В свое время Карл II выдал Анну замуж за датского принца Георга, не удосужившись узнать что-либо об этом молодом человеке. «Ни пьяный, ни трезвый он ничего собой не представляет», – заявил старый король. Но, видимо, что-то Георг собой представлял, ибо он не менее семнадцати раз делал Анну беременной, хотя все их дети умерли во младенчестве.

Тем временем Анна дала место фрейлины и хранительницы опочивальни своей старой возлюбленной Саре Дженнингс. Теперь в посланиях они называют друг друга госпожа Морли и госпожа Фримен. Описывая их отношения от третьего лица, Сара писала: «Каждое мгновение, проведенное без нее, она полагала томительным и лишенным жизни. Видеть же ее было радостью, а расставание, пусть и кратковременное, неизбежно лишало ее покоя, как часто признавалась сама принцесса. В такие минуты ее охватывала ревность. Она говорила, что желала бы обладать своей возлюбленной целиком, что не вынесет, если той придется покинуть их уединение и делить общество с другими... Она слишком хорошо чувствовала ее благорасположение, чтобы послужить причиной каких-либо огорчений столь беззаветно любящей души... Но хотя, с одной стороны, то было страстной любовью, а с другой, как мне представляется, самой искренней дружбой, они не более различались по душевному складу, нежели по нравственным представлениям и убеждениям касательно множества событий и случаев».

Сара также состояла в браке. Ее муж, Джон Черчилль, был военным. Вернувшись с войны, он, как писала Сара, «овладел ею, не удосужившись снять сапоги». Когда Яков II угрожал арестом своей дочери и ее мужу, чтобы не допустить их присоединения к Вильгельму Оранскому, Сара помогла Анне укрыться в безопасном месте, а Черчилль доставил принца Георга в лагерь Вильгельма. В знак благодарности Черчилль получил от короля титул герцога Мальборо.

Оказавшись на троне, Мария пыталась помешать Анне устроить Сару при дворе. В ответ на это Анна заявила, что намерена «укрыться от всего мира и жить так, чтобы о ней позабыл род человеческий». Саре же она сказала: «Да и будь у меня намерения расстаться с дорогой госпожой Фримен, это их желание заставило бы меня удержать ее рядом вопреки всем козням». После этого Анна совершила шаг, без сомнения, лишавший ее привязанности сестры: она взяла к себе Франсес Эпли, новоиспеченную леди Батхерст.

Когда королевой стала Анна, Сара приобрела большое влияние при дворе. В то же время военные успехи ее мужа принесли Англии ряд побед на континенте.

Теперь Сара могла устроить при дворе своих дочерей. Кроме того, она нашла место камеристки для своей кухни Абигейл Хилл, прославившейся «склонностью к открытым проявлениям страсти». Вскоре Сара обнаружила, что ее вытесняют из сердца королевы. Когда Абигейл вышла замуж и стала госпожой Мешем, королева присутствовала на свадебной церемонии, а Сара узнала об этом лишь с чужих слов.

«Моя кухня стала первой фавориткой, – писала Сара. – Госпожа Мешем часто бывает у королевы, когда принц спит, и они обычно проводят два часа наедине».

Сара с горечью замечает, что Абигейл «может при желании заставить королеву стоять на голове». Однако новая фаворитка не смогла заставить свою любовницу даровать ей титул. На ее настойчивые просьбы королева ответила, что «для титулованной особы было бы унижительно лежать на полу», а следовательно, она не сможет спать в королевской опочивальне.

Слухи о пристрастии королевы быстро распространились, и в 1708 году по рукам пошла грубоватая баллада:

Ах, королева Анна,
Воссевши на престол,
Девицу поллюбила,
Что мыла грязный пол.

За что такая милость?
Никто, свидетель Бог,
Разгадку этой тайны
Найти пока не смог.

За поцелуи нежных губ,
За ласки юной девы
Ее тотчас произвела
В министры королева.

В письме бедняжка не сильна,
О чем ничуть не тужит,
Поскольку по ночам она
Короне верно служит.

Приехавший в Англию француз граф де Граммон был сильно удивлен скандальной атмосферой, окружавшей лесбийские пристрастия королевы. По мнению графа, весьма мудрые англичане оказались «безнадежно отсталыми, ибо совершенно не ведали об этих любовных тонкостях, столь ценимых еще античными греками».

Сара предостерегала королеву: «Я помню ваши слова, что больше всего на свете вы цените свою репутацию. После того как вы явили всем столь сильную страсть по отношению к этой женщине, признаюсь, меня удивило, что Ваше Величество упомянуло это слово. Ибо о какой репутации может идти речь в столь странных и необъяснимых обстоятельствах, чтобы не сказать больше? Не думаю, что привязанность только к лицу своего же пола позволит сохранить ваше честное имя и высокое уважение к вашей особе, чего я от души желаю».

Однако Анна не пожелала расстаться с Абигейл, и Сара была так рассержена, что после смерти принца Георга, когда Анна оплакивала эту потерю, она довольно бестактно назвала покойного мужа королевы «этот печальный труп». В палате общин обсуждалось предложение уволить Абигейл. Но Анна этому воспротивилась и в свою очередь потребовала, чтобы Сара оставила пост хранительницы королевской опочивальни.

Когда Сара покинула двор, в ее отчетах по расходам на содержание внутренних покоев обнаружили несоответствия. Это обстоятельство дало возможность шантажировать ее, когда она объявила о намерении опубликовать свои записки о жизни двора королевы Анны, включая отрывки из многочисленных писем Ее Величества. Дело о растрате закрыли, а Сара отложила публикацию мемуаров до 1742 года, когда со дня смерти королевы минуло двадцать восемь лет. Как и следовало ожидать, эти мемуары стали сенсацией.

Должность Сары при дворе перешла к рыжеволосой герцогине Сомерсетской, замешанной в скандальной истории убийства ее первого мужа молодым поклонником герцогини Чарльзом Кенигсмарком. Джонатан Свифт немедленно бросился на ее защиту:

И старых, и юных, не зная пощады,
Людей убивают кинжалом и ядом.
Но рыжих ты в том не вини, королева,
Чье имя читается справа и слева [Анна].
Найдет на мерзавцев тот рыцарь управу,
Чье имя читается слева и справа [Мешем].

В последние годы правления Анны между политическими группировками, поддерживающими леди Сомерсет и госпожу Мешем, шла ожесточенная борьба. Королева слишком легко подчинялась влиянию своих служанок, и потому англичане говорили, что их

страной правят из королевской спальни диктаторы в юбках.

Глава 7 Курфюрст Ганноверский и его любовницы

Смерть бездетной королевы Анны поставила страну перед конституционной проблемой. Поскольку католическая династия Стюартов не пользовалась поддержкой, корону предложили дальнему родственнику Анны, бывшему претенденту на ее руку ганноверскому курфюрсту Георгу.

Впервые Георг приехал в Англию в 1690 году, чтобы предложить Анне заключить брак. Предварительные переговоры прошли успешно, но мать Георга воспротивилась браку сына с женщиной незнатного происхождения⁴⁶.

Впоследствии Георг женился на своей шестнадцатилетней кузине Софии-Доротее, дочери герцога Целлеского. Она была рождена вне брака, причем ее отец, старший брат отца Георга, первоначально был помолвлен с будущей женой своего младшего брата. Не желая стеснять себя супружескими узами, герцог отказался от невесты и дал обет никогда не жениться. Однако прошли годы, и он влюбился во француженку знатного рода, которая не пожелала быть просто любовницей. Они заключили формальный брачный договор, освидетельствованный церковью, а через некоторое время после рождения Софии-Доротей состоялась и традиционная брачная церемония, придавшая ребенку законный статус.

В Ганновере подобная практика считалась нормальной. У отца Георга I, курфюрста Эрнеста-Августа, было много любовниц, в том числе сестры – Мария и Клара фон Майзенбух. В течение некоторого времени он даже делил Марию со своим сыном. Клара и ее муж, граф фон Платен, фактически правили Ганновером и не стеснясь запускали руки в казну. У Клары были дети от Эрнеста, а их дочь, баронесса фон Кильмансег, впоследствии станет любовницей Георга, который также вступил в связь с невесткой Клары, когда та унаследовала титул графини фон Платен.

Пока Георг ублажал себя этими кровосмесительными связями, его супруга София-Доротея решила и сама немного поразвлечься. Ее партнером стал красивый шведский офицер, граф Филипп фон Кенигсмарк. Их любовь была страстной. После одной из встреч Кенигсмарк писал Софии: «Я чувствовал себя королем и надеюсь, тебе было не хуже, чем мне. Какую радость, какое наслаждение я ощущал в твоих объятиях! О Боже! Что это была за ночь!»

«Я отдала бы половину своей крови, чтобы заключить тебя в свои объятия», – отвечала исполненная обожания София.

Командование, обеспокоенное связью Кенигсмарка, допросило его. Филипп отрицал свою вину. Однако стоило Георгу уехать в места боевых действий, как парочка потеряла осторожность. Поползли слухи, что они собираются тайно бежать.

Георг, естественно, разгневался – как и прежняя любовница Кенигсмарка, графиня фон Платен. Вполне вероятно, что именно она написала шведу записку почерком Софии-Доротей, приглашая его прийти в ее спальню. С тех пор Филиппа Кенигсмарка никто не видел.

Зародилось подозрение, что Филиппа убили, а тело погребли под полом спальни его любовницы. По другой версии – его утопили в реке, положив в мешок с камнями.

Георг был глубоко уязвлен. Дело в том, что в письмах к Кенигсмарку София-Доротея весьма нелестно отзывалась о возможностях Георга как сексуального партнера. Вскоре они развелись на том основании, что она изъявила желание оставить мужа (обвинение в супружеской неверности повлекло бы за собой необходимость судебного процесса), и София до самой смерти тридцать один год содержалась в заключении в замке Альден.

⁴⁶ Напомним, что мать Анны, будущей королевы Англии, была фрейлиной Марии, сестры Якова II.

Если Георг и был замешан в убийстве, то никаких признаков угрызения совести он не выказывал, но напротив, демонстрировал «вполне здоровую тягу к женщинам». По всей вероятности, Георг отдавал предпочтение дамам «пышнотелым и самодовольным», что рассматривалось окружающими как «признак дурного вкуса и здорового желудка короля».

Когда Георг I приехал в Англию, графиню фон Платен – единственную из своих любовниц, которая обладала сносной внешностью, – он с собой не взял. Дело в том, что она была католичкой, а это не приветствовалось английским обществом.

Взамен Георг прихватил двух других дам – Эренгард Мелузину фон Шуленбург и баронессу фон Кильмансег.

Первую из них мать Георга, курфюрстина София, назвала «пугалом». «Трудно поверить, что эта женщина смогла опутать моего сына», – жаловалась она своей подруге.

Тем не менее Эренгард родила от него троих детей (хотя он и не признал отцовства), выполняла роль хозяйки на официальных приемах и вообще вела себя как супруга Георга. По словам Хораса Уолпола⁴⁷, она была «королевой Англии в той же степени, что и любая другая». Возможно, они с Георгом заключили морганатический брак.

Баронесса фон Кильмансег приходилась Георгу единокровной сестрой. Она была такой «тучной и дородной», – писал Уолпол, – что «лондонцев весьма позабавило появление столь необычного серала». Писатель вспоминает, что, будучи ребенком, он «был просто напуган чудовищной фигурой этой дамы, ее огромными черными глазами, яростно вращающимися под высокими изогнутыми бровями, необъятными малиновыми щеками, бесчисленными подбородками и шеей, незаметно переходящей в нижерасположенные части тела, совершенно лишённого поддержки в виде корсета».

Принцесса Уэльская, обратив внимание на обилие румян и прочей косметики на лице баронессы, заметила:

– Если судить по цвету лица, ей не дашь больше восемнадцати-двадцати.

– Да, мадам, – согласился лорд Честерфилд, – никак не более восемнадцати-двадцати стоунов⁴⁸.

Англичан весьма забавляло это странное сочетание. Шуленбург и Кильмансег получили прозвища «каланча» и «слониха». По словам лорда Честерфилда, «вкусы Его Величества, получившие выражение в выборе им любовниц, заставили всех дам подходящего возраста, жаждущих добиться его благосклонности, вытягиваться и раздуваться подобно лягушке из известной басни, которая тщилась сравняться в дородности и осанке с волком. Кому-то это удалось, а кто-то лопнул».

Несмотря на это, женщины валом валяли ко двору. Повстречав в покоях короля Георга любовницу Карла II Луизу де Керуай, герцогиню Портсмутскую, и любовницу Вильгельма III Элизабет Вильерс, графиню Оркнейскую, любовница Якова II Кэтрин Седли воскликнула: «Кто бы мог подумать, что мы – три шлюхи – встретимся здесь!»

Шуленбург и Кильмансег брали взятки и нажились на крахе «Компании Южных морей»⁴⁹, а позже воспользовались своим влиянием, чтобы скрыть свое участие в этом финансовом скандале. О Шуленбург говорили, что она «продала бы честь короля и за шиллинг, если бы нашелся покупатель».

Однажды карету, в которой ехала Шуленбург, окружила разъяренная толпа. Испуганная женщина закричала на своем далеком от совершенства английском:

⁴⁷ Хорас Уолпол (1717–1797) – английский писатель, родоначальник готического романа.

⁴⁸ Стоун – мера веса, равная 6,35 кг.

⁴⁹ Банкротство в 1720 году «Акционерной компании Южных морей», основанной в 1711 году для торговли с испанскими владениями в Южной Америке; деньги акционеров ушли на спекулятивные операции, что привело к финансовому кризису в стране.

– Топрые люти, зачем вы нас оскорпляете? Мы хотим от вас только топро!

– Вот именно, – ответили из толпы, – все наше добро, все имущество!

Георг I так и не удосужился выучить английский. Жил он то в Сент-Джеймском, то в Кенсингтонском дворце, где ему прислуживали турки Магомет и Мустафа. Днем он проводил время в обществе Шуленбург, а вечером являлась Кильмансег.

Стремление короля получше узнать своих подданных сводилось исключительно к попыткам соблазнить кого-нибудь из них. Он обратил внимание на герцогиню Шрусберийскую (итальянку по крови), герцогиню Болтонскую, леди Монтегю (известную как крупный знаток гаремов Османской империи) и леди Каупер. Эти дамы тоже принимали мзду от тех, кто хотел добиться королевских милостей.

Как-то раз, когда леди Монтегю появилась при дворе в новых серьгах тонкой работы, герцогиня Мальборо поморщилась:

– Какое бесстыдство – носить в ушах взятку!

– Но мадам, – хладнокровно ответила леди Монтегю, – чтобы люди узнали, где продается вино, они должны увидеть вывеску.

Немало толков вызвало ухаживание Георга I за молодой женой лорда Хервея. Кроме того, король довольно долго увлекался Анной Брет, юной дочерью графини Макклесфилд. Анна была такой смуглой и черноволосой, что все считали ее испанкой и нарекли Султаншей.

«Анна Брет получила в свое распоряжение покои в Сент-Джеймском дворце, и король собирался дать ей титул графини», – писал Уолпол.

Георг не скрывал, что прибыл в Англию исключительно ради золота, и при любой возможности проводил время в Ганновере. Он умер, возвращаясь из одной такой поездки. Это произошло в 1727 году. К тому времени баронессы фон Кильмансег и Софии-Доротеи уже не было в живых.

Пережившая Георга Шуленбург была потрясена вестью о кончине короля. Она завела себе ворона, который, по ее твердому убеждению, являлся перевоплощением Георга, и нежно заботилась о птице до конца своих дней.

Глава 8 Великолепные Георги

Георг II всю жизнь был влюблен в свою жену Каролину Аншпахскую, весьма привлекательную женщину с великолепной грудью – достоинство, высоко ценимое королем.

Ничто так и не поколебало его глубокого чувства к супруге. Когда Каролина скончалась, Георг сказал: «Я никогда не встречал женщины, которая была бы достойна застегнуть пряжку на ее башмачке».

Все это, однако, не означало, что он сохранял ей верность. Напротив, у него было множество любовниц, в том числе служанки Каролины, которые и в самом деле застегивали пряжки на ее башмачках.

Даже после кратких разлук королевская чета отмечала свое воссоединение, немедленно удаляясь в опочивальню. Любовью они занимались ежедневно. Георга пришлось чуть ли не силой вытаскивать из постели, где он со страстью предавался любовной битве, когда пришло известие о кончине короля Георга I и переходе трона к нему.

Однако при всей любви к жене Георг полагал, что иметь любовниц – его королевский долг. Гофмейстер королевского двора лорд Хервей как-то заметил: «Будучи неспособным испытывать привязанность к какой-либо женщине, кроме своей жены, он полагал, что любовницы служат скорее необходимыми аксессуарами его высокого положения и титула, чем объектами легкомысленных желаний поразвлечься».

Политические последствия этого хорошо понимал сэръ Роберт Уолпол⁵⁰. Чтобы

⁵⁰ Роберт Уолпол, граф Орфордский (1676–1745) – премьер-министр Великобритании в 1721–1742 годах.

добиться влияния на короля, следовало заслужить милость королевы, а не любовниц Георга.

Если верить Уолполу, Георг испытывал страсть к Германии, армии и женщинам, «причем в двух последних случаях он ценил внешний блеск». Женившись на Каролине, он хвастливо заявил, что «попал в самую точку».

Первой любовницей Георга стала фрейлина Каролины Мэри Белленден. Композитор Джон Гей писал, что «веселая Мэри нежна и мягка, как пух».

Мэри от этой связи не получила ни любви, ни какой-либо выгоды. «Будучи необыкновенно милой и привлекательной женщиной, сочетающей в себе все качества, столь ценимые возлюбленными, – писал лорд Хервей, – она вдруг обнаружила, что в положении любовницы принца есть только привкус скандала, но нет радости, есть ограничение свободы, но нет выгоды».

Жизнь ее омрачалась грубостью ухаживаний Георга. Однажды на балу, пожирая девушку влюбленными глазами, он вдруг стал пересчитывать монеты в своем кошельке, как будто собирался заплатить за ее услуги.

– Сэр, я не могу этого вынести, – сказала она наконец. – Если вы еще раз начнете считать деньги, я уйду.

Георг снова взялся за кошелек. Тогда Мэри отшвырнула его руку с монетами и выбежала из зала. Вскоре она вышла замуж за будущего герцога Аргайлского и, покинув двор, стала жить в деревне.

Прошло немного времени, и Георг обратил свои взоры на другую красавицу, Молли Лепелл. Вот что писал о ней лорд Честерфилд:

Британскую корону,
Вельмож и знатных дам,
Министров, близких к трону,
За Молли я отдам.

Господь от всех волнений
Монарха сохранит,
Но к Молли с вождельем
Душа его летит.

Однако истинные свои предпочтения касательно женщин Георг II унаследовал от отца. Следующей его любовницей стала полная и лишённая всякого вкуса Генриетта Говард. Она и ее муж были очень бедны: Генриетте пришлось продать свои роскошные волосы торговцу париками, чтобы иметь возможность приехать ко двору, где она заняла скромную должность при королеве Каролине.

Хотя Генриетта выходила замуж по любви, она вскоре поняла, что ее муж «глуп, сварлив, упрям, подвержен пьянству, расточителен и груб». Но она была честолюбива и согласилась стать любовницей Георга в обмен на ежегодное содержание в две тысячи фунтов и титул леди Суффолк – пустяк по сравнению с обычными расходами на королевских любовниц.

Король являлся к ней каждый вечер ровно в семь, причем «нередко он с четверть часа расхаживал взад и вперед по галерее, то и дело посматривая на часы, но не входил в дверь ее комнаты ни на минуту раньше».

Каждый раз он оставался у Генриетты несколько часов. Когда какой-то простодушный придворный высказал предположение, что они проводят время в беседах, Хорас Уолпол ответил ему, что она плохо слышит, а его «чувства к ней весьма примитивны», в силу чего они не могут воспарить к столь платоническому времяпрепровождению.

Хотя королева Каролина терпела эту связь, «они ненавидели друг друга, оставаясь в

рамках приличий». Каролине нравилось унижать свою служанку, заставляя ее выполнять самую неприятную работу до тех пор, пока в глазах Генриетты не загорался гнев, а щеки не становились багровыми.

Король не делал ровным счетом ничего, чтобы облегчить жизнь своей любовницы. Однажды, когда Генриетта только что закончила повязывать шарф вокруг шеи Каролины, Георг его немедленно снял. «Ты хочешь закрыть шею королевы, потому что твоя так уродлива», – сказал он.

Муж Генриетты, который за усердие своей жены в постели короля получил должность хранителя опочивальни, вел себя немногим лучше. Обуреваемый ревностью, он приказал жене вернуться к исполнению супружеских обязанностей и получил от лорда верховного судьи документ, наделяющий его правом силою захватить супругу. Только обещание выплатить ему двенадцать тысяч фунтов успокоило ревнивца.

Саму же Генриетту при дворе любили. По отзывам окружающих, она была со всеми любезна, ко всем справедлива, а со многими ее связывали дружеские отношения. Взятки Генриетта не брала и заслужила уважение Александра Попа⁵¹ и Джонатана Свифта.

Двадцать лет она оставалась любовницей короля, пока наконец не надоела Георгу. Лорд Хервей писал: «Можно было предположить, что король бросил любовницу вовсе не для того, чтобы посвятить себя целиком своей жене, но что вместо этого он отвергнет добродетельную, покорную, благонравную супругу, дабы предаться беспутству с новой фавориткой».

Королева тут же осознала грозящую ей опасность и умоляла Георга не прогонять Генриетту. «С какой стати ты хочешь, чтобы эта старая, нудная, глухая брюзга и дальше отравляла мне жизнь?» – возмутился король.

Генриетта, овдовевшая к тому времени, оставила всех в дураках. Она снова вышла замуж – на сей раз за человека на двенадцать лет ее моложе.

А Георг принялся менять молодых любовниц одну за другой, причем некоторых, как говорили, к нему посылала сама королева. Она знала, что муж все равно вернется к ней, что он вполне откровенен и в то же время никогда не почувствует раскаяния за неразборчивость в удовлетворении своих сексуальных потребностей.

Немало времени проводил Георг и в покоях своих дочерей, где флиртовал с их воспитательницей, молодой и распутной леди Делорейн. Она состояла в браке с сыном герцога Монмутского Уиндемом, который, в свою очередь, был наставником сына короля.

Лорд Хервей сделал вид, что возмущен. «Эта дама, которая в настоящее время услаждает досуг короля, выбрана им отнюдь не в силу непреодолимой страсти – Его Величество счел пристойным и естественным обратить в свою любовницу, иначе говоря сделать шлюхой, воспитательницу двух своих малолетних дочерей, а учителя своего сына, наставника юного принца в вопросах нравственности – превратить в роконосца».

Уолпола же больше беспокоило то обстоятельство, что эта женщина «с куриными мозгами, смазливый личиком, лживым языком и неверным сердцем» может приобрести влияние на короля.

«Попади под ее влияние кто-нибудь, обладающий властью, – отреагировал Хервей довольно цинично, – это могло бы привести к неприятным последствиям. Но с ней всего лишь король, так что вряд ли стоит беспокоиться».

Уолпол посоветовался с королевой, и Ее Величество предложила в качестве «менее опасной игрушки» леди Танкервиль – даму приятной наружности и доброго нрава, при этом весьма недалекую, «с которой король некогда заигрывал».

«Пошлите за леди Танкервиль, – якобы вскричал Уолпол, – и быть ей каждый вечер партнершей короля – за картами или в постели».

Тем временем Уолпол, как бы в шутку, спросил у леди Делорейн, от кого у нее

⁵¹ Александр Поп (1688–1744) – английский поэт.

ребенок:

– Славный мальчик, леди Делорейн. Чей же он?

– Господина Уиндема, клянусь честью, – немедленно ответила она. – Но не могу обещать, что следующий будет от него же.

Для других придворных дам леди Делорейн представлялась образцом непреклонности. По ее словам, она никогда не ложилась в постель с королем, хотя он и укорял ее за жестокость, говоря, что ее «муж вовсе не возражал бы против этого». Лорд Хервей, похоже, несколько смягчился и согласился, что «королю необходима женщина, которую свет будет считать его любовницей».

Уолпол полагал, что такой женщине «за ее согласие следует хорошо платить», особенно в том случае, когда у нее дома есть более молодой мужчина. Вскоре он пришел к выводу, что леди Делорейн не представляет политической угрозы. «Нет особенной разницы, с кем она разговаривает в постели – с королем или господином Уиндемом».

Король, как и его отец, каждые два года ездил в Ганновер. Там он обычно проводил время с госпожой д'Элитц, которая «двадцать лет назад была застигнута в постели с мужчиной, что послужило основанием для развода с мужем». Будучи дамой не первой молодости, госпожа д'Элитц тем не менее оставалась «весьма привлекательной особой с тонким умом, имевшей великое множество любовников», среди которых некогда числился и отец короля Георг I.

В одной из таких поездок Георг познакомился с Амелией-Софией фон Вальмоден, племянницей младшей графини фон Платен. Она была замужем, моложе короля на двадцать один год, имела «великолепную фигуру, прекрасные темные глаза и каштановые волосы».

«Не вызывает сомнения, что она вскоре поселится в Кенсингтонском дворце», – заметил один современник.

Пятидесятилетний король ухаживал за ней с необычным жаром, но весьма тактично. Вскоре Его Величество добился успеха и отправил королеве яркое описание состоявшегося акта обольщения, сопроводив его словами: «Я уверен, ты полюбишь госпожу Вальмоден, потому что она любит меня».

Однако Каролина оказалась не столь отзывчивой, как ожидал король. Он вернулся в Лондон с острым приступом геморроя и в скверном настроении. Королевская чета немедленно разругалась. Отчасти причиной ссоры послужило его желание повесить портрет своей новой любовницы над супружеской кроватью, отчасти – довольно бестактное предложение, чтобы Каролина пригласила в Лондон принцессу Моденскую, поскольку «Ее Высочество отличается вольным нравом, а он испытывает непреодолимое желание поухаживать за дочерью покойного регента Франции».

Подобные ссоры были, однако, редким явлением. Обычно Каролина проявляла большую терпимость, и архиепископ Йоркский весьма похвально о ней отзывался, утверждая, что «его искренне радует благоразумие королевы, которой нравится, когда у ее супруга есть возможность отвлечься». Со своей стороны, Каролина выразила «сожаление о поднявшемся скандале» и подчеркнула при этом, что «любовные упражнения короля интересуют ее не более, чем отправление им иных естественных надобностей».

В то же время частые поездки короля в Ганновер вызывали нарекания в Англии. Даже лорд Хервей возмущался, что британской казне приходится платить за «блеск ганноверского публичного дома и обогащать немецких шлюх».

В 1745 году в Шотландии вспыхнул мятеж, вскоре успешно подавленный братом короля, герцогом Камберлендским. Тем не менее Георг, несмотря на увещания советников, захотел следующей же весной вновь отправиться к госпоже фон Вальмоден. Встретив препятствие, мешающее осуществлению его намерений, король впал в крайнее раздражение. В результате «все вокруг возжаждали, чтобы он уехал, ничуть не меньше, чем сам король».

Отсутствие короля привлекло всеобщее внимание. На улицах Лондона появилась старая кляча, на шее которой болтался плакатик с надписью: «Я привезу Его Величество с ганноверской шлюхой обратно в Англию». А к дверям Сент-Джеймского дворца кто-то

прибил записку: «Ушел из этого дома и потерялся мужчина, оставивший жену и шестерых детей на попечение церкви. Всякий, кто сообщит церковному старосте Сент-Джеймского прихода какие-либо известия, кои помогут вернуть беглеца обратно, получит четыре шиллинга и шесть пенсов. Награда эта не может быть больше: нельзя получить крону за того, кто не заслуживает короны».

Обеспокоенная ущербом, нанесенным репутации королевской семьи, королева написала Георгу, убеждая его вернуться вместе с любовницей. Не разделяя опасений супруги, Георг ответил ей длинным письмом, полным живописных деталей своих постельных подвигов. Во дворце приготовили покои Генриетты Говард, но король вернулся один.

К тому времени королева была больна. Она пыталась скрыть это от Георга, которого всегда пугали болезни. Каролину прооперировали, причем без анестезии. Боль была мучительной, но когда хирург, орудуя ножом в ее брюшной полости, неловко наклонился и задел свечу, отчего загорелось платье его жены, Каролина попросила его прервать ненадолго операцию, чтобы она могла справиться с приступом смеха. У королевы был разрыв кишечника. С типичным юмором висельника Александр Поп написал:

В тазу хирурга мы улики раздобыли:
У королевы есть кишки.
По крайней мере – были.

На смертном ложе Каролина умоляла мужа не брать другую жену. Утирая слезы, он отвечал ей: «Нет, нет. У меня будут только любовницы».

Леди Делорейн решила, что пробил ее час. Раньше она прикидывалась скромницей, теперь же принялась с гордостью рассказывать о своей победе над королем даже своим воспитанницам, юным принцессам. Уолпол смирился с мыслью, что у короля должна быть «игрушка», но выразил пожелание, чтобы «Его Величество остановил свой выбор на не столь злонамеренной персоне, как эта лживая сука».

Смерть королевы вызвала нечто вроде политического кризиса. Как могли теперь королевские советники оказывать на него влияние? Герцог Ньюкаслский предложил использовать в качестве посредника дочь Георга принцессу Эмилию.

«Разве принцесса предполагает совершить инцест? – спрашивал Уолпол. – Она ляжет в постель с отцом? Таково его желание? Если нет, то не говорите мне, что король намерен дать обет целомудрия или что его любовницы не будут использовать короля в своих интересах».

Уолпол принял решение послать за госпожой фон Вальмоден, мотивируя это тем, что он всегда выступал «за жену против любовницы», а теперь будет выступать «за любовницу против дочери... если только дочь не намерена занять место и жены, и любовницы, что... невозможно осуществить, не вступая с отцом в плотскую связь».

Тем временем король развлекался с леди Делорейн. Хотя он и жаловался, что от нее пахнет дешевым испанским вином, он спал с ней, «ничуть не меняя манеры общения или привычных расчетов за ее услуги в качестве воспитательницы. Бывало, он просто посылал за ней точно так же, как обычно посылают в ближайший кабачок за какой-нибудь шлюшкой».

Леди Делорейн оказалась забыта, как только прибыла госпожа фон Вальмоден, получившая статус официальной любовницы короля и титул леди Ярмут. Посредник из нее вышел отменный. Лорд Честерфилд заметил по этому поводу: «Даже умнейший человек, подобно хамелеону, помимо своей воли принимает окраску того, на чем лежит».

Кроме того, леди Ярмут неплохо зарабатывала продажей титулов и почетных должностей, чему научилась у короля. Вскоре после приезда в Англию она попросила у Георга тридцать тысяч фунтов. Денег король не дал, но разрешил ей выбрать двух кандидатов в пэры. Полученная дамой мзда и составила нужную сумму.

Правда, это были сущие пустяки по сравнению с состоянием, нажитым мадам де Помпадур, блиставшей в Версале в качестве любовницы Людовика XV. Один французский

граф, посетивший Лондон, сделал довольно обидное для английского монарха сравнение: «Если Людовик XV разделяет с мадам де Помпадур свою абсолютную власть, то Георг II делит с леди Ярмут свое абсолютное бессилие».

Как и все монархи ганноверской династии, Георг II не любил своего сына, называя Фредерика, принца Уэльского, «чудовищем и величайшим негодяем, которого когда-либо носила земля». Каролина была того же мнения, считая сына мошенником и лжецом, а также полагая – без всякого на то основания, – что он импотент и его дети зачаты другим мужчиной. Это, во всяком случае, не соответствовало действительности.

Фредерик приехал в Англию, когда ему был двадцать один год, уже познав прелести госпожи д'Элитц, которая успела побывать любовницей как его отца, так и деда. Вскоре в его постели побывало еще несколько дам, в том числе и дочь аптекаря из Кингстона.

«Как и прочие представители его рода, – писал Уолпол, – он не обращал внимания на внешность». По мнению современников, «вкус принца не отличался утонченностью, и он больше говорил о своих любовных подвигах, чем совершал их».

Затем Фредерик обратил внимание на Анну Вейн, «толстую и уродливую коротышку», любовницу лорда Хервея, переспавшую, по словам королевы, с половиной города. Не прекращая связи с лордом Хервеем, Анна сходится с Фредериком и намеренно вызывает ссору между этими друзьями, чтобы они не обнаружили ее двойной игры. Когда Анна забеременела, Фредерик, ни о чем не ведая, считает ребенка своим и поселяет Анну в доме на Сохосквер. Хервей проводит там с ней ночь и угрожает Анне раскрыть ее неверность, если она не убедит принца вернуть ему свое расположение.

Анна признается принцу Уэльскому во всем, скандал приобретает огласку. Безжалостные авторы баллад не дают ей покоя. И когда Фредерик увлекается ее служанкой, Анна покидает двор с Хервеем.

Позднее Фредерик женится на семнадцатилетней Августе Саксен-Готской, получившей от королевы Каролины совет – быть «покладистой в амурных делах». Она родила Фредерику сына Георга, а он тем временем сошелся с дамой более зрелого возраста – леди Гамильтон, имевшей уже десять детей.

В 1751 году Фредерик неожиданно умирает, так и не став королем. Эпитафия, сочиненная современником, гласила:

Здесь покоится бедный Фред – был он жив, а теперь уж нет.
Упокойся его отец – никого б не расстроил такой конец,
Упокойся его сестрица – никто б не пришел проститься,
Упокойся здесь Фреда брат – я и то был бы больше рад,
Упокойся здесь вся их семья – за страну был бы счастлив я,
Но под камнем сим бедный Фред, что был жив, а теперь уж
нет.

Это все, дорогие собратья, что об этом могу рассказать я.

Августа воспитала сына Фредерика, будущего Георга III, с помощью убежденного пуританина графа Бьютского, известного по прозвищу «Чванливый Член», который, видимо, был ее любовником.

Когда Георг II скончался, его похоронили рядом с королевой Каролиной в часовне святого Георгия Виндзорского замка. Специально сконструированные гробы, в которых погребли тела королевы и короля, имели подъемные боковые стенки – так супруги могли вновь соединиться.

Георг III вззошел на престол в двадцать два года. Пуританское воспитание подвигло молодого человека на попытки сделать образ королевской семьи более привлекательным в глазах подданных, избавив его от дурной репутации, связанной с сексуальными излишествами. Однако довести дело до конца королю помешало безумие.

Первым свидетельством высоконравственных устремлений Георга явилась отправка леди Ярмут обратно в Ганновер со шкатулкой, содержащей десять тысяч фунтов, завещанных ей Георгом II. К сожалению, несмотря на добрые намерения, сам Георг III был весьма чувствителен к женским чарам. Вскоре после коронации он страстно влюбился в пятнадцатилетнюю красавицу леди Сару Леннокс, правнучку Карла II, хотя и утверждал, что «даже в мыслях о ней не имел чего-либо, противного добродетели». Был он увлечен и квакершей⁵² Ханной Лайтфут, хотя в конечном счете политические обстоятельства заставили его заключить брак с немецкой принцессой Шарлоттой Мекленбург-Стрелицкой.

Сначала Георг не проявлял каких-либо чувств к невесте, но после свадьбы заявил, что вполне удовлетворен целомудрием своей жены, ее непоколебимой добродетелью. Действительно, Шарлотта, исполненная сознания супружеского долга, родила Георгу пятнадцать детей. Со смешанным чувством удивления и благодарности современники Георга восхваляли его за «нерушимую верность некрасивой королеве».

В то время как Георг III отдавал себя целиком трудному делу выполнения морального долга, прочие члены королевской семьи выказывали куда меньше стремления к самоограничению. Дядя Георга, герцог Камберлендский, любил позабавиться с актрисами. Как-то раз одну из них привезли в Виндзор в карете, а затем отправили восвояси пешком – она не оправдала ожиданий герцога. Брат короля принц Фредерик, герцог Йоркский, считался «глупым, легкомысленным и бессердечным, лишенным твердых убеждений и распутным». Он женился на госпоже Клементс, внебрачной дочери брата Уолпола и вдове наставника Георга в детстве, «человека порочного и совершенно никчемного». Брак этот распался в 1786 году.

Другой брат Георга принц Генри, герцог Глостерский, демонстрировал всем своих любовниц, катая их по Гайд-Парку в карете с королевскими гербами. Его особое пристрастие к замужним дамам привело к тому, что лорд Гросвенор выиграл десять тысяч фунтов по иску о супружеской измене своей жены с принцем. Не успел Георг III заплатить эту сумму, как узнал, что принц Генри без его разрешения женился на своей любовнице, молодой вдове Анне Хортон. Король заявил, что Генри абсолютно лишен моральных принципов и он отныне «прекращает с ним всяческие отношения».

Сестра короля – принцесса Каролина-Матильда в пятнадцать лет вышла замуж за датского короля Кристиана VII, распутного и умственно отсталого гомосексуалиста. Йоганн Штруензе⁵³ посочувствовал молодой королеве и взял на себя управление страной, но знать подняла мятеж. Штруензе был арестован и казнен. Каролину заключили под стражу, и ее выручал британский военный флот.

Решимость Георга III поднять нравственный уровень королевской семьи привела к появлению весьма важного юридического документа. В 1772 году вступил в силу Королевский брачный акт. В соответствии с этим актом брак любого отпрыска королевской семьи считался незаконным до получения особого разрешения монарха.

Этот закон вскоре обернулся против его автора. В полном соответствии с упомянутым актом сыновья Георга могли наслаждаться жизнью, обручаться и даже вступать в брак, зная, что юридической силы эти браки не имеют. Один министр с иронией заявил в палате общин, что название нового закона следует изменить на следующее: «Акт о расширении привилегий

⁵² Квакеры – протестантская секта, основанная в XVII веке Дж. Фоксом; отвергает религиозные обряды.

⁵³ Немецкий врач, лейб-медик короля Кристиана VII, проводивший в стране реформы в духе просвещенного абсолютизма.

королевской семьи и о поощрении супружеской измены и прелюбодеяния».

Детей Георга строго опекали и тогда, когда они стали взрослыми. Разрешение на замужество получили только трое из шести его дочерей. Шарлотта в тридцать один год вышла замуж за принца Вюртембергского, тучность которого дала Наполеону повод пошутить: «Для его существования есть лишь одна разумная причина – увидеть, до какой степени может растянуться кожа, прежде чем лопнуть». Две другие королевские невесты вышли замуж соответственно в сорок и сорок восемь лет.

При всей строгости моральных принципов Георг III испытывал немалые затруднения, чтобы, как он сам говорил, «держать в узде» собственную сексуальную природу. В 1789 году, когда душевная болезнь уже стала накладывать отпечаток на его суждения, он заявил, что страстно влюблен в Элизабет, графиню Пемброукскую, которую называл королевой Эстер.

Элизабет была почтенной дамой средних лет. Ее крайне смутили желания теряющего разум короля. Георг произносил длинные бессвязные тирады о своей неугасающей страсти и писал графине цветистые письма. Ситуация становилась весьма деликатной. В конце концов в это дело был вынужден вмешаться архиепископ Кентерберийский, который предостерег обескураженную даму от возможного желания пойти против совести и воспользоваться чувством душевнобольного в корыстных целях.

Глава 9 Распутный регент

Попытки Георга III искоренить пороки ганноверской династии и воспитать сына в духе высокой нравственности не имели ни малейшего успеха. Поэт Ли Хант⁵⁴ описал принца-регента Георга как «человека, не умеющего держать слово, распутника, по уши погрязшего в долгах и бесчестных поступках, который ни во грош не ставит своих близких и окружает себя игроками и дамами сомнительного поведения». В результате Ханта обвинили в клевете и приговорили к штрафу в пятьсот фунтов и двум годам тюремного заключения.

Следуя традиции королевской семьи, принц Уэльский потерял невинность в шестнадцать лет с помощью одной из фрейлин королевы. Вскоре его матери стало известно, что сын по ночам проводит время «в плохой компании». Сначала объектом его любви стала Мэри Гамильтон, двадцатитрехлетняя дочь герцога Гамильтона. Когда девушка отвергла принца, он влюбился в куда более сговорчивую особу – Мэри Робинсон, актрису с сомнительной репутацией родом из Бристоля. Ее отец, ирландец, покинул семью и основал факторию на побережье Лабрадора, где жили эскимосы. Мэри вышла замуж за клерка адвокатской конторы Робинсона. У них родилась дочь, но тут для семьи наступили тяжелые времена, и они с мужем оказались в долговой тюрьме. Освободившись, Мэри решила стать звездой лондонской сцены и, не выбирая средств, добиться успеха в жизни.

Георг увидел ее впервые в роли Утраты в «Зимней сказке»⁵⁵. Опыренный вспыхнувшим чувством, он послал Мэри прядь своих волос и просил прийти к нему в костюме юноши. Она противилась желанию принца до тех пор, пока не обнаружила своего мужа в постели со служанкой, вернувшись домой раньше обычного. В отместку Мэри решила переспать с Георгом. Все уколы совести были забыты, как только принц пообещал ей к двадцать первому дню рождения подарить двадцать одну тысячу фунтов.

Их часто видели вместе, но связь эта скоро прекратилась. У Мэри от нее осталась лишь пачка весьма чувствительных писем, адресованных «Утрате» и подписанных

⁵⁴ Джеймс Генри Ли Хант (1784–1859) – английский эссеист и поэт.

⁵⁵ Пьеса У. Шекспира.

«Флоризелем»⁵⁶. Она пригрозила опубликовать их, и королю пришлось откупиться пятью тысячами фунтов единовременного и пятьюстами фунтами ежегодного пособия. Он сурово осудил сына за то, что тот в свои восемнадцать лет попал в столь «позорное положение».

Мэри уехала во Францию, где стала любовницей герцога Орлеанского, позже она вернулась на родину и жила с членом парламента из Ливерпуля, полковником Тарлетоном. На склоне лет ее разбил паралич, и Георг частенько навещал старую знакомую.

Несмотря на упреки короля, Георг продолжал вести рассеянную жизнь. У него была непродолжительная связь с Элизабет Армистед, позже вышедшей замуж за политика Чарльза Фокса⁵⁷. Следующей его любовницей стала госпожа Грейс Эллиот, весьма богатая дама, находящаяся в разводе. Она заявила, что отцом ее дочери является Георг, и назвала ребенка в его честь Георгиной Августой Фредерикой, хотя с тем же успехом виновником рождения девочки мог оказаться и один из двух других мужчин, находившихся с нею в связи в это время.

Не исключено также, что сыном Георга был лорд Мельбурн, будущий премьер-министр, хотя его мать утверждала, что отцом ребенка являлся лорд Эгремонт. Кроме того, любовницами принца были: пухленькая певица по имени Элизабет Биллингтон; дочь герцога Аргайлского Августа Кемпбелла; графиня Солсбери – любительница охоты на лис, которая была старше Георга на двенадцать лет; герцогиня Девонширская, известная устроительница вечеров с политическими деятелями; а также многие другие женщины, не столь заметные, включая актрис, певиц, почтенных матрон, служанок, придворных дам и куртизанок.

Когда принцу было восемнадцать лет, он познакомился с супругой ганноверского посла графиней фон Харденбург, женщиной «божественной красоты». Георг увидал ее за карточной игрой, и «роковая, хотя и сладостная страсть, зародилась в душе его».

– О, как я люблю ее, – заявил он. – Я готов ради нее пожертвовать всем, чем обладаю. Клянусь Богом, душа моя в смятении, разум мой в тумане!

Охваченный страстным чувством, Георг «порвал все прочие связи и посвятил себя целиком этому ангелу в облике маленькой женщины».

На указанную маленькую женщину подобная демонстрация преданности и любви произвела сильное впечатление. И все же она продолжала соблюдать дистанцию. Тогда Георг притворился больным, и она – из сострадания – отдалась юному обожателю. «То было неземное блаженство», – сказал восторженный принц.

Граф Карл Август фон Харденбург узнал о неверности жены из колонки светских новостей в «Морнинг геральд» и написал принцу письмо, полное язвительных укоров. Написала Георгу и жена графа, напомнив о его клятвах и сообщив, что согласна бежать с ним той же ночью.

В отчаянии Георг признался во всем матери. Она подняла такой крик, что бедный юноша лишился чувств. Практические меры по удалению семейства фон Харденбургов вынужден был предпринять король. Не удивительно, что граф вскоре оставил свой дипломатический пост. Он получил назначение в Пруссию, где сыграл заметную роль во время наполеоновских войн.

Пытаясь спасти сына от позорных деяний в будущем, король написал длинейшее поучение «о безрассудстве» принца. Это не возымело никакого эффекта. Георг стал водить дружбу с Чарльзом Фоксом, политиком радикального толка и главным оппонентом королевских министров.

Проводя время в поисках развлечений, принц превратился в плейбоя. От неумеренной

⁵⁶ Персонажи пьесы У. Шекспира «Зимняя сказка».

⁵⁷ Чарльз Джеймс Фокс (1749–1806) – лидер радикального крыла вигов в парламенте Великобритании.

еды и питья он растолстел. В Воксхолл-Гарденз⁵⁸ и других местах Георг устраивал пьяные дебоши. В 1789 году на благодарственном молебне в соборе Святого Павла⁵⁹ Георг и другие принцы ели пирожные, громко переговаривались и вообще вели себя весьма развязно. Король с горечью говорил, что почти каждый день находит в газетах «весьма неприятные упоминания о принце Георге».

В «Таймс», к примеру, писали, что наследник престола «при любых обстоятельствах предпочитает бутылку и девицу политике и молитве». Герцог Веллингтон называл принца «самым тяжелым жерновом на шее любого правительства, который только можно себе представить». Сам Георг, впрочем, отзывался о себе мягче. «Да, – говаривал он, – я люблю выпить и поразвлечься с дамой».

Угомонившись, Георг породил еще больше проблем. В 1784 году он познакомился с Марией Фицгерберт, богатой красивой женщиной шестью годами его старше. Принц влюбился мгновенно и со всей пылкостью – он даже пытался заколоть себя, когда Мария отвергла его ухаживания. Весьма благочестивая дама, Мария была напугана настойчивыми предложениями принца стать его любовницей и уехала за границу.

Принц Уэльский «с рыданиями катался по полу, бился головой, рвал на себе волосы, истерически вскрикивал и клялся всеми святыми, что откажется от короны, продаст драгоценности и столовое серебро и все собранные средства употребит на то, чтобы убежать со своей возлюбленной в Америку». Несмотря на эти ужимки Георга, Мария сохраняла твердость. Она заявила, что вернется только в том случае, если принц даст слово жениться на ней.

В соответствии с законом это, разумеется, было невозможно. Георг понимал, что не сможет просить согласия отца, как это предусматривал новый Королевский брачный акт. Госпожа Фицгерберт уже дважды разводилась. Хуже того, она была католичкой, а согласно Акту о престолонаследии 1701 года наследнику престола строгойше запрещалось сочетаться браком с лицом католического вероисповедания.

Поэтому Георг за пятьсот фунтов вызволил из долговой тюрьмы англиканского священника и посулил ему сан епископа, чтобы тот совершил не имеющий никакого смысла обряд и вручил Марии имеющий столь же малую ценность документ о браке. Позже она призналась, что «отдалась ему, не ставя никаких условий, полагаясь лишь на его честь и не придавая значения церемонии, на проведении которой настаивал принц».

Они стали жить вместе, и скоро женитьба Георга на «принцессе Фиц» уже ни для кого не составляла секрета. Он любил ее до конца жизни, и она родила ему десять детей.

Впрочем, их отношения вовсе не были безоблачны. Принц оставался весьма неумеренным в пище, много пил, у него все чаще случались приступы ярости. Однажды ночью Марии пришлось спрятаться за диваном, пока он искал ее с обнаженной шпагой. Кроме того, Георг был патологически неверным мужем. У него был внебрачный ребенок от Люси Говард и роман с Анной Кроуч, блиставшей в «Опере нищих» Джона Гея⁶⁰. За несколько ночей, проведенных с Георгом, Анна получила десять тысяч фунтов и кое-какие драгоценности. К тому же Георгу пришлось откупаться от ее мужа, лейтенанта королевского флота, грозившего возбудить в суде дело о супружеской неверности. Это обошлось принцу еще в четыреста фунтов. Немало хлопот доставили и любовные письма, которые он имел неосторожность написать.

⁵⁸ Увеселительный сад в Лондоне, существовал с 1661 по 1859 год.

⁵⁹ Главный собор англиканской церкви, построен архитектором К. Реном в 1675–1710 годах после Великого лондонского пожара.

⁶⁰ Джон Гей (1685–1732) – английский поэт и драматург. Его комедия «Опера нищих» сочетает литературно-музыкальную пародию с политической сатирой.

Следующей была связь Георга с леди Джерси, дамой за сорок, имевшей девять внуков. Леди Джерси славилась своими выдающимися способностями обольщать лиц обоих полов.

После всех этих подвигов принц задолжал полмиллиона фунтов. Госпоже Фицгерберт пришлось заложить свои драгоценности, чтобы в дом не явился судебный исполнитель. В данном положении у Георга не оставалось выбора – он должен был жениться.

Георг III выбрал невесту для своего непутевого сына, и, понимая, что женитьба повлечет за собой увеличение суммы его содержания, принц Уэльский согласился пройти через торжественную брачную церемонию. К несчастью, выбор короля оказался весьма неудачным. Каролина Брансуик-Вольфенбюттель, кузина принца Уэльского, была «крайне распущенной» даже по немецким меркам, «а немецкие дамы в то время не отличались утонченностью».

Леди Джерси с самого начала твердо решила любым способом помешать этому браку. Она задержала королевские экипажи, чтобы по прибытии в Гринвич Каролина осталась без транспорта. Хуже того, жених и невеста с первого взгляда невзлюбили друг друга. «Ради Бога, дайте мне стакан бренди, – сказал принц Уэльский. – Мне дурно». Со своей стороны Каролина сочла, что принц «слишком толст» и «вовсе не так хорош собой, как на портрете».

По правде говоря, невеста и сама была не красавица, а ее чистоплотность оставляла желать много лучшего. Британскому посланнику, сопровождавшему ее к принцу, пришлось настаивать на том, чтобы Каролина помылась и надела свежее белье. Все очарование, которым она, возможно, обладала, оказалось спрятанным под многими слоями румян и пудры, а также под весьма неудачными нарядами – без сомнения, работа хитрой леди Джерси, которая умудрилась занять должность фрейлины принцессы.

В день свадьбы Георг заявил: «Я всю жизнь буду любить только госпожу Фицгерберт». На церемонию он явился позже положенного и пьяным, а во время службы развлекался тем, что не спускал глаз с леди Джерси. Первую брачную ночь принц проспал на полу в состоянии крайнего опьянения, засунув голову в камин. Как ни удивительно, но, несмотря на столь неблагоприятное начало супружеских отношений, у Каролины родилась дочь Шарлотта почти в точности через девять месяцев.

Вскоре Каролина поняла, что ее фрейлина леди Джерси является любовницей ее мужа. С чувством горечи и унижения она потребовала, чтобы Георг уволил графиню Джерси. Однако Георг рассудил, что после рождения дочери он выполнил свой долг в отношении престолонаследия, и прямо сказал Каролине, что более не намерен делить с ней ложе.

Естественно, брак распался. Огорченный король писал сыну: «Похоже, ты смотришь на союз с принцессой как на обычный брак между частными лицами и совершенно упускаешь из виду, что брак прямого наследника престола, каковым ты являешься, имеет значение общественное и затрагивает интересы всего королевства».

Георг отвернулся и от «этой Иезавели»⁶¹, леди Джерси. Он страстно желал воссоединиться со своей «истинной женой» госпожой Фицгерберт. Принц даже изменил завещание, отписав состояние госпоже Фицгерберт и сделав приписку: «Той, кто именуется принцессой Уэльской, я оставляю один шиллинг».

Четыре года потребовалось ему, чтобы вернуть себе любовь Марии. Она даже писала в Ватикан, прося папского подтверждения, что церковь не возражает против возобновления ею супружеских отношений с Георгом. Папа заверил ее, что в глазах Господа она является истинной супругой принца Уэльского.

Георг сбросил вес в попытке произвести благоприятное впечатление на Марию и потратил немалые деньги на Карлтон-Хаус и Королевский павильон в Брайтоне, хотя казна была истощена наполеоновскими войнами. Правда, участие самого принца в этих войнах ограничивалось обучением небольшого отряда солдат в Брайтоне.

⁶¹ Библейский персонаж, жена израильского царя Ахава. Ее имя стало синонимом развращенной, нечестивой женщины.

Примирение с госпожой Фицгерберт не отвлекло Георга от охоты за другими женщинами. Принц признал себя отцом Уильяма Френсиса, сына некоей мисс Дэвис, а также Джорджа Сеймура Кроу, сына госпожи Кроу, проживавшей на Чарльз-стрит. По счастью, его связь с француженкой, женой лорда Массерина, не дала потомства. Был также у Георга короткий роман с танцовщицей Луизой Хиллисберг, а время от времени он наносил ночные визиты в дом мадам де Мейер.

Будучи женщиной средних лет, госпожа Фицгерберт философски относилась к шалостям принца с более молодыми женщинами. Однако ее беспокоила его привязанность к Изабелле Сеймур, леди Хартфорд – одной из тех уже имеющих внуков, но хорошо сохранившихся дам, к которым принца весьма влекло. Принцесса Ливен так обрисовала ее: «Очень много роскошной плоти».

Георг писал почтенной матроне длинные любовные письма, в которых содержались такие перлы: «Воистину я чувствую себя молодым жеребенком, выпущенным на зеленый луг, веселым, словно жаворонок, и легким, как перышко». И добавлял: «Умоляю вас, передайте лорду Хартфорду (с моими самыми добрыми пожеланиями), что я вполне удовлетворюсь, если вы при встрече со мной испытаете хотя бы половину того радостного чувства, что переживаю я при встрече с вами».

Наполеон, должно быть, хохотал, узнав об этом романе.

Тем временем Георг не оставлял без внимания и дородную леди Бессборо, предмет любви принца еще с юношеских лет. Позднее леди Бессборо вспоминала: «Он падал на колени, заключал меня в объятия и, прежде чем я могла прийти в себя, начинал покрывать поцелуями мою шею. Я кричала от возмущения и испуга. Но он продолжал преодолевать мое сопротивление, а иногда при этом рыдал и клялся, что порвет с госпожой Ф. и леди Х.».

Леди Бессборо не знала, смеяться ей или плакать при виде «огромной и нелепой фигуры, расположившейся частью на диване, а частью на полу и принимающей самые причудливые позы».

Когда старый король отошел от дел и Георг стал регентом, он отдал предпочтение леди Хартфорд, а верную госпожу Фицгерберт удалил, сказав ей холодно: «Мадам, для вас здесь нет места».

Георг смело предложил леди Хартфорд жить с ним открыто. Ее муж, конечно же, имел доказательства, «что Его Королевское Высочество находится с ней в чересчур близких отношениях», но предпочитал воздерживаться от каких-либо действий, поскольку влияние леди Хартфорд на принца позволило ему занять пост лорда-гофмейстера и получить при дворе место для их сына.

Когда королевский брак распался, Каролина Брансуик переехала в Блэкхит, где без удержу предавалась флирту на приемах и нередко «уединялась с молодыми мужчинами» – то есть, по общему убеждению, вела образ жизни, открытый для «самого неблагоприятного истолкования». Кроме того, она вызвала возмущение соседней своей дружбой с леди Дуглас, которая к тому времени была подвергнута остракизму местным обществом. Считалось, что леди Дуглас некогда состояла в любовной связи с бывшим начальником своего мужа, сэром Сиднеем Смитом. Не исключено, что леди Дуглас и принцесса были не просто близкими приятельницами. В дневнике леди Дуглас имеется такая запись о принцессе: «Она поднималась ко мне в спальню, целовала, заключала в объятия и говорила, что я очень красива... Она осыпала меня такими комплиментами, которыми женщины никогда не обмениваются».

Каролина с гордостью поведала леди Дуглас, «что может заполучить партнера в свою постель, когда только пожелает, и что нет ничего более полезного для здоровья», а раз призналась подруге в том, что беременна. Когда их дружбе настал конец, Каролина послала сэру Джону Дугласу непристойные рисунки, изображавшие его жену и сэра Сиднея Смита в объятиях друг друга.

В 1806 году специальной комиссии было поручено разобраться в непристойном поведении Каролины. «Деликатное расследование», как его называли, не оставило без

внимания ни одной самой отвратительной подробности интимной жизни Каролины, включая ее связь с капитаном Мэнби, морским офицером, часто приезжавшим в Блэкхит.

Результаты работы комиссии были обобщены в стихотворении одного поэта-сатирика того времени:

О Каролина, не грехи
И нас покинуть поспеши,
А если и не бросишь блуд,
Блуди, по крайности, не тут.

Так Каролина и поступила. Она уехала в большое турне по Европе и путешествовала в обществе «совершенно непотребных спутников».

Леди Бессборо видела ее на одном балу и так описала их встречу: «Лицо у нее было пунцовым, белое девичье платье оставляло открытыми плечи, спину и шею, отвратительное декольте достигало середины живота... а голову украшал веночек из ярких роз. Неожиданно она кивнула мне и улыбнулась. Не узнав ее, я приняла эту женщину за сумасшедшую, но тут Уильям Бентинк толкнул меня и сказал: «Разве вы не видите, что вас приветствует принцесса Уэльская?»»

Каролина поселилась в Комо⁶² с Бартоломео Пергами, бывшим квартирмейстером итальянской армии. Когда принцесса Шарлотта, девственница, воспитанная в строгости своими целомудренными тетюшками в Виндзоре, явилась к ней с визитом, Каролина предприняла попытку испортить репутацию девушки, заперев ее в спальне с капитаном Гессе. Тот, как говорили, был внебрачным сыном брата Георга герцога Йоркского и одним из любовников самой Каролины. Впоследствии Шарлотта вышла замуж за нищего немецкого князька и умерла от родовой горячки.

Когда старый король умер и Георг IV вступил на престол, он предпринял последнюю попытку избавиться от нежеланной королевы. Георг предложил ей годовое содержание в пятьдесят тысяч фунтов в обмен на обещание никогда не возвращаться в Англию. Одновременно правительство подготовило «билль о наказаниях», в соответствии с которым брак расторгался по причине супружеской неверности Каролины.

Палата лордов подробнейшим образом изучила все интимные детали этих доводов. Были опрошены многочисленные свидетели. Они показали, что Пергами присутствовал в будуаре королевы, когда она одевалась, и мог видеть ее обнаженную грудь. В присутствии других он ласкал ее грудь и поглаживал бедра. Они спали обнявшись в экипаже во время путешествия. Его видели в спальне королевы – в одежде, без одежды, в нижнем белье, в одной рубашке. Она принимала ванну в его присутствии. Они вместе спали в шатре. Такого рода обвинения не было конца.

Каролина приехала, чтобы присутствовать на слушании дела, а Пергами счел за благо остаться в Италии. Однако постепенно обвиняющая сторона превратилась в объект насмешек. В конце концов, сам король всю жизнь оставался распутником, и судить его следовало по той же мерке.

В Лондоне толпа остановила на улице герцога Веллингтона и потребовала, чтобы он кричал: «Боже, спаси королеву!» Герцог не растерялся. «Ну что ж, господа, – сказал он, – если вы настаиваете, пусть будет по-вашему. Боже, спаси королеву – и пусть ваши жены будут похожи на нее».

В конце концов правительству пришлось отозвать свой билль, но Георг уже строил планы мщения. Было принято решение, что Каролина не сможет короноваться вместе с королем в Вестминстерском аббатстве. Явившись на церемонию, она не была допущена внутрь, поскольку не имела пригласительного билета.

⁶² Город на севере Италии.

Когда слухи о смерти Наполеона достигли Лондона, королю сообщили, что его величайший враг мертв. «Боже мой, – ответил король, – неужели ее больше нет!»

Каролина умерла в 1818 году. Георг отпраздновал сие событие, взяв новую любовницу, леди Конингем. Эта дородная дама была супругой уважаемого ирландского пэра и имела пятерых взрослых детей.

В бульварном листке появился стишок, увековечивший встречу столь крупных – по весу и размерам – персон:

Весьма приятные занятия на досуге –
Вот жирное бедро почешет он подруге,
Пирожное они запьют ведром кларета,
И мыслей в их глазенках нет как нету.

Чтоб сотворить такие телеса,
Немало потрудились небеса,
И коли спит король с такой подружкой,
Ему уже не надобно подушки.

Казалось, эти странные отношения придали королю новые силы. Леди Каупер свидетельствует, что, по словам Георга, «он никогда прежде так не любил и сейчас испытывает стыд за свое мальчишество». Тем временем министр иностранных дел Джордж Каннинг получил указание отправить бывшего любовника леди Конингем лорда Понсонби в Буэнос-Айрес.

«Я никогда не видела столь влюбленного человека», – писала принцесса Ливен, хотя – и это не удивительно – леди Хартфорд смотрела на эту связь с меньшим энтузиазмом. По ее мнению, «новая любовь короля нелепа и смешна, если принять во внимание возраст обоих влюбленных». (Следует сказать, что леди Конингем и леди Хартфорд были одного возраста.) Вместе с тем она призналась, что, «зная короля очень близко, она никогда не брала на себя смелость заводить с ним разговор о его любовницах».

Поведение Георга с годами не стало лучше. В июле 1821 года, когда в Вестминстерском аббатстве архиепископ Йоркский произносил проповедь о долге суверена защищать свой народ «от пагубного влияния порока и неверия», сам суверен «кивал, моргал, вздыхал и пожирал глазами» леди Конингем.

Король утратил влияние на правительство и потерял уважение народа. Когда леди Хартфорд покинула королевскую постель, а ее муж распростился с должностью лорда-гофмейстера, Георг уже не смог назначить на этот пост супруга своей новой фаворитки леди Конингем. Лорд Холланд позднее признался: «Мы поощряли все виды сатиры, направленной против него и его любовниц».

На склоне жизни вконец опустившийся король к пьянству присовокупил прием наркотиков. Это послужило одной из причин необычной откровенности некролога, напечатанного в 1830 году в «Таймсе»: «Вряд ли мы найдем кого-либо, о ком меньше сожалеют его близкие». Таков был жестокий приговор общества своему развратному монарху.

Впрочем, и этот бесславный и бесстыдный принц-регент сохранил что-то светлое в своей душе. Вот о чем он просил в завещании: «Пусть портрет моей обожаемой жены, моей Марии Фицгерберт, свисает с моей шеи на шнурке, как я носил его при жизни, и пусть его положат в точности на мое сердце». Когда госпожа Фицгерберт услышала об этом посмертном свидетельстве любви, «крупные слезы выкатились из ее глаз».

Четыре Георга правили Англией на протяжении века с лишним – с 1714 по 1830 год. Никого из них особенно не оплакивали соотечественники, и поэт Уолтер Сэвидж Лендор написал такую язвительную эпитафию:

Пойдет о четырех Георгах речь –
Хвала Творцу, что прекратил их печь.
Одни твердят (и их понятен пыл),
Что худшим из Георгов Первый был.
Но голос различаем мы порой,
Что хуже Первого Георга был Второй.
Ну а найдется ль человек на свете,
Что слово доброе промолвил бы о Третьем?
Но вот Четвертый с нами распростился,
И род Георгов, слава Богу, прекратился.

Глава 10 Нечестные игры

Поскольку у Георга IV не было законных детей, трон должен был перейти к одному из его братьев.

Старший брат Фредерик, герцог Йоркский, очень напоминал короля. В частной жизни был он порочен и неудачлив. На войне он также не преуспел, о чем свидетельствует детский стишок, описывающий поражение английского экспедиционного корпуса, направленного во Фландрию под предводительством герцога:

Повел в атаку герцог Йорк
Три тысячи солдат.
Они на гору поднялись,
Потом пошли назад.

Пока принц Уэльский жил с госпожой Фицгерберт, герцог Йоркский считал за благо заключить вполне традиционный брак и обеспечить престолонаследие. К несчастью, выбранная им невеста, прусская принцесса Фредерика, оказалась бесплодной. Фредерик принялся менять одну любовницу за другой. Среди них оказалась и печально известная Летиция Смит, которая одновременно ублажала некоего разбойника по имени Джон Ранн.

В сорокалетнем возрасте герцог Йоркский стал жить с Мэри Кларк, дочерью каменщика с Чансери-Лейн, известной своей распущенностью. Когда герцог предпочел ей госпожу Кэри, Мэри Кларк вступила в тесные отношения с майором Диллоном и полковником Уордлем, членом парламента от Солсбери⁶³. По ее наущению оба джентльмена обвинили герцога в том, что он брал взятки от офицеров за содействие в продвижении по службе.

Во время парламентского расследования зачитывались вслух любовные письма герцога, некоторые из них вскоре были опубликованы в газетах. Вызванная для дачи показаний Мэри Кларк явилась в экстравагантном шелковом платье, а ее ответы на вопросы были столь вызывающими, что один из членов парламента передал девице записку, предлагая триста гиней за возможность пригласить ее «на ужин».

Обвинения Мэри были поддержаны Элизабет Тейлор, содержательницей публичного дома в Челси. Мадам сообщила о беседе, во время которой герцог угрожал «стереть в порошок» офицера, оскорбившего его любовницу.

Этот скандал вынудил герцога уйти в отставку с поста главнокомандующего. Кроме того, разъяренные толпы людей в Йоркшире и Суффолке надругались над изображениями герцога в знак протеста против его «безнравственного образа жизни». Другой, менее

⁶³ Один из древнейших городов Англии, находится в графстве Уилтшир.

обидной насмешкой было подбрасывание монеты, когда люди выкрикивали не обычное «орел или решка», а «герцоги или любимые».

Мэри продолжала атаковать Диллона и Уордья, утверждая, что они брали деньги от младшего брата Фредерика герцога Кентского, который предлагал ей десять тысяч фунтов за очернение имени принца. Позже она оклеветала канцлера ирландского казначейства и угодила в тюрьму.

После этого герцог Йоркский стал проявлять большую осторожность в выборе любовниц, отдавая предпочтение аристократкам – таким как герцогиня Ратленд. Умер он на три года раньше Георга, так и не взойдя на престол.

Вильгельм, герцог Кларенский, был моряком. Его послали в плавание в тринадцатилетнем возрасте, после того как он соблазнил двух фрейлин королевы – так, по крайней мере, говорили. Служба в морском флоте дала юноше прекрасную возможность испытать то, что его старший брат называл «естественной склонностью ко всякого рода удовольствиям».

Прибыв домой в отпуск, пятнадцатилетний герцог соблазнил свою хорошенькую юную кузину Джулию Фортескью. Ей тогда было четырнадцать. Родители спешно отправили его в очередное плавание.

Теперь он мог удовлетворять свою похоть в публичных домах далеких портов. Позже герцог скажет: «Самое тяжкое преступление, если не считать убийства, – соращение невинной девушки». Предполагалось, что иметь дело с уже соращенными не предосудительно.

Вильгельму особенно нравилось плавать в Вест-Индию. Во время одного из таких путешествий он причинил ущерб в семьсот фунтов борделю некоей госпожи Прингл в Бриджтауне на острове Барбадос. На Ямайке он произнес пламенную речь в защиту рабства. Рабство, заявил герцог, позволило бы ему предаваться двум своим страстям – истязанию хлыстом и блудодейству – с одним и тем же несчастным партнером. Он даже привез с собой из Вест-Индии наложницу по имени «Уовски».

Для завершения образования Вильгельма послали в Ганновер. Там, по слухам, молодой человек тайно женился на Каролине фон Лингзинген, что, однако, не помешало ему заниматься любовью (как он писал брату) с «сифилитичками-шлюхами прямо на плацу или у какой-нибудь стены». Остается удивляться, что при таком образе жизни герцог только дважды за этот период подхватывал венерические заболевания.

«Как я тоскую по Англии и милым девицам из Вестминстера, – писал он. – Особенно по тем, от которых не рискуешь подхватить триппер или сифилис при первой встрече».

В девятнадцать лет Вильгельм влюбился в Сару Мартин. Они «танцевали и веселились», пока отец не отослал девушку, боясь, что эти «танцы» приведут к серьезным последствиям. Следующей была Салли Уинн, дочь агента по снабжению судов из Плимута. Вильгельм был рад найти развлечение в том месте, которое при других обстоятельствах показалось ему отвратительным: «Здесь царят тоска и уныние, но хуже всего то, что я не видел в этом городе ни одной женщины, которую стоило бы коснуться каминными щипцами». Наконец, в Квебеке он умудрился обрюхатить оказавшуюся весьма покладистой жену генерального инспектора.

Георгу III надоело перемещать своего непутевого сына по колониальным владениям короны во избежание очередного скандала. Король вернул его домой, отчитав за «пристрастие к дурной компании, безнравственность, порочность, распутство и мотовство».

Разумеется, семейные ценности мало что значили для Вильгельма. Узнав о том, что брак принца Уэльского распался, он сказал: «Брат повел себя весьма неразумно. Раз уж он женился на глупой и вздорной женщине, так ему следовало извлечь из этой неприятности пользу, как поступил мой отец».

Принудительное заключение в границах Англии мало изменило поведение принца. Он купил дом в Ричмонде и поселился в нем с известной куртизанкой Полли Финч.

В двадцать пять лет Вильгельм влюбился в актрису пятью годами его старше Доротею Бланд (сценическое имя – госпожа Джордан). Доротея родилась в семье ирландца, рабочего сцены. В двадцать лет она родила ребенка от Ричарда Дейли, управляющего дублинского театра, затем приехала в Лондон, где добилась успеха, сыграв в пьесе Гаррика «Деревенская девушка».

Вскоре Доротея стала любовницей владельца театра сэра Ричарда Форда и прославилась исполнением ролей юношей – ее длинные стройные ноги вполне подходили для этой цели.

Доротея прослыла женщиной веселой и жизнерадостной, но вместе с тем довольно вульгарной – даже по меркам эпохи Регентства⁶⁴. Кроме того, у нее дурно пахло изо рта.

Все это не представляло проблем для принца Вильгельма, который и сам нередко бывал пьян и груб и мог похвалиться обширным репертуаром непристойных историй и шуток. Несмотря на их очевидную совместимость, ему пришлось целых одиннадцать месяцев преследовать актрису, прежде чем он отчитался перед братьями: «Можете поздравить меня с успехом».

Вильгельм и Доротея стали жить одной семьей. В последующие двадцать лет у них родилось десять детей. Их союз не был традиционным браком. Оставаясь неженатым, принц Вильгельм не имел денег. Поэтому госпожа Джордан продолжала работать, чтобы содержать растущее семейство. Бульварные газеты не могли удержаться от насмешек по поводу столь необычной ситуации:

У Джордан знатен ухажер, глядит он гордым оком,
И театр возлюбленной своей он обложил оброком.
Но удивленные порой мы слышим восклицанья:
Кто у кого, скажите нам, из них на содержаньи?

Родители Вильгельма, похоже, отнеслись к этому союзу с молчаливым одобрением. Они даже явились в театр, чтобы увидеть Доротею на сцене. Когда в Георга III стреляли, Доротея с воодушевлением пела вместе с хором «Боже, храни короля».

Несмотря на это, когда ей исполнилось пятьдесят и она растолстела, Вильгельм ее бросил. Такое бессердечие вызвало всеобщее осуждение. Вот что говорилось в одном из стихов того времени:

Кто другом был в течение многих лет,
Теперь в слезах – тебя ведь рядом нет.
Тебе отдав весь молодости пыл,
Она состарилась, и ты ее забыл.

Госпожа Джордан получила скромное содержание. Ей разрешили оставить при себе дочерей, при условии, что она не вернется на сцену. Неожиданно выяснилось, что ей необходимо платить долги своего сына от Ричарда Форда. Она обратилась за помощью к братьям Вильгельма, но королевская семья не пошла ей навстречу. Доротея была вынуждена расстаться с дочерьми и вернуться в театр. Вскоре она заболела, и ей пришлось спасаться от кредиторов за границей. В конце концов жертва неблагодарности своего любовника умерла во Франции одинокой и совершенно нищей.

Между тем принц Вильгельм начал охоту за богатой наследницей, дабы обеспечить средствами привычный ему образ жизни. «Дичью» была Кэтрин Тилни-Лонг с годовым доходом около сорока тысяч фунтов. Кэтрин отказала Вильгельму и вышла за племянника

⁶⁴ Регентство (1811–1820) – период правления принца-регента.

герцога Веллингтона, который благополучно промотал ее состояние.

Затем принцу дали от ворот поворот леди Шарлотта Линдсей, мисс Мерсер Элфинстоун и вдова леди Дауншир. Графиня Беркли, весьма привлекательная вдова, совсем было согласилась, но выяснилось, что по рождению она просто-напросто Мэри Коул, дочь мясника, которая много лет прожила на положении любовницы лорда Беркли. Гордому принцу она была не пара.

Последовали новые отказы. Сначала – от кузины Вильгельма, принцессы Софии Глостерской, затем – от великой княгини Ольденбургской, которая сочла принца «довольно неуклюжим и весьма неприятным человеком, хотя и неглупым».

Смерть Шарлотты, дочери принца-регента, последовавшая в 1817 году, сделала проблему брака Вильгельма еще более острой. А вскоре принцесса-цесаревна Датская и две принцессы Гессенские дополнили и без того длинный список тех, кто с презрением отвернулся от наследника английского трона. Сам же наследник между тем влюбился в хорошенькую (хотя и не без вульгарности) мисс Уикхем, и она с радостью приняла его предложение.

Услышав эту новость, принц-регент издал тяжкий и громкий стон, и правительство сочло за благо вмешаться, чтобы не допустить этого союза.

В конце концов принцесса Аделаида Саксен-Кобургская и Мейнингенская дала согласие на брак. Принцесса была «чрезвычайно уродлива» и отличалась «ужасным цветом лица», однако у принца не оставалось выбора. Вильгельм приложил все старания, чтобы произвести на свет наследника. У Аделаиды родилось пятеро детей, но все они умерли в раннем возрасте.

Вскоре королевская семья снова заняла почетное место в бульварной прессе. Прошел слух, что у принцессы Аделаиды появился любовник – ее гофмейстер лорд Хау. Поговаривали даже, что она от него забеременела.

Правление Георга IV было столь непопулярным, что Вильгельм опасался за будущее страны. Взойдя наконец на престол в возрасте шестидесяти пяти лет, он понял, что облик королевской семьи нуждается в коренном пересмотре. Вильгельм попытался укрепить нравственность, запретив дамам появляться при дворе в декольтированных платьях, но на прессу эта мера не произвела должного впечатления. «Морнинг пост» продолжала утверждать, что король выглядит непристойно, когда берет в свою карету детей госпожи Джордан. Королева Аделаида тоже оказалась причиной скандала, когда пыталась вмешаться в прохождение билля о реформе парламентского представительства⁶⁵. Кроме того, ходили упорные слухи, что у Вильгельма родился еще один внебрачный ребенок от фрейлины королевы.

Глава 11 Тело Джона Брауна

Хотя королева Виктория считается образцом добродетели, некоторые члены ее семьи все же далеки от идеала. Так, скажем, ее отец Эдуард, герцог Кентский, был на редкость испорченным человеком.

После нескольких юношеских шалостей король Георг отправил Эдуарда в Гибралтар. Там, командуя полком, молодой человек насаждал дисциплину поистине садистскими методами. В то же время, дабы ублажить свою плоть, он послал во Францию агента, чтобы тот подобрал ему любовницу. Посланец вернулся с Жюли Сен-Лоран, прехорошенькой женщиной неизвестного рода.

Каждое утро принц Эдуард чуть свет поднимался с постели и приступал к смотру и

⁶⁵ Этот билль 1832 года предоставил право голоса средней и мелкой торгово-промышленной буржуазии и дал представительство новым промышленным центрам.

муштровке своих солдат, нередко пуская в ход плеть. Вскоре войска взбунтовались против жестокого обращения, и принца отослали в Монреаль, где он продолжал свои садистские выходки. Как-то раз он приговорил солдата к 999 ударам плетью за неряшливый вид. Не удивительно, что солдаты вновь подняли мятеж и Эдуарда вернули в Гибралтар.

Там из-под его пера вышел трехсотстраничный документ, регламентирующий все аспекты гарнизонной жизни, вплоть до причесок офицеров.

Вскоре разразился очередной скандал, когда Эдуард закрыл на Рождество все винные лавки. Восстал полк в полном составе, на что Эдуард ответил со своей обычной жестокостью, приказав троих повесить и десятки других выпороть. На этот раз его лишили должности и отправили в Англию.

Во время всех этих перемещений Эдуарда сопровождала любовница. Обосновавшись с нею в Лондоне и решив придать налет респектабельности своему положению, он начал регулярно посещать церковь и заниматься благотворительностью. Позже им пришлось спасаться от заимодавцев, и они бежали в Брюссель. Там жизнь была дешевле, но Эдуард, как и его братья, не вылезал из долгов. Единственным выходом для него была женитьба.

Подходящей кандидатурой оказалась вдовствующая принцесса Виктория Лейнигенская, но Эдуарду не хватало смелости объяснить положение вещей женщине, которая жила с ним вот уже двадцать пять лет. Он даже просил редакторов газет не освещать это событие в колонках светских новостей. Но в конце концов «Морнинг Хроникл» опубликовала сообщение о предстоящем браке члена королевской семьи. Одна из европейских газет перепечатала эту информацию, и несчастная Жюли узнала ужасную для себя правду ранним утром 1816 года за завтраком.

«Не последовало ни жарких сцен, ни яростных упреков, – писал Эдуард. – Мадам Сен-Лоран издала какой-то странный звук, и по горлу ее прошла судорога».

Через два месяца принц Эдуард женился. А еще через двадцать два месяца скончался. Однако за время этого короткого брака он зачал Викторию.

Образ жизни Эрнеста, герцога Камберлендского, младшего брата Эдуарда, также привлекал внимание бульварной прессы. Говорили, что в припадке ярости он убил своего слугу. Ходили также слухи, что его жена, дважды овдовевшая Фредерика Мекленбург-Стрелицкая, как-то уж слишком своевременно потеряла своих мужей. Предполагалось, что они ушли в мир иной не без ее помощи. Поговаривали даже, что Камберленд пытался отравить Викторию – единственного человека, стоявшего между ним и тронном.

Кроме того, бытовало мнение, что принц Эрнест состоял в кровосмесительной связи со своей сестрой принцессой Софией. По слухам, они предавались разного рода сексуальным извращениям в зеркальной спальне Сент-Джеймского дворца. Поговаривали и о том, что у них был сын.

У принцессы и в самом деле был внебрачный ребенок, отцом которого официально считался генерал Томас Гарт, тридцатью пятью годами старше Софии, занимавший должность конюшего во дворце. Однако, против всяких ожиданий, генерал не был уволен, а новость об этой связи быстро замяли.

Последующие события были не менее драматичны. Леди Линдхерст, жена лорда-канцлера, обвинила Эрнеста в попытке изнасиловать ее в ее собственной спальне, а лорд Грейвз перерезал себе горло, узнав о любовной связи принца со своей пятидесятилетней супругой.

Один из современников принца писал в дневнике: «Вряд ли могла существовать другая столь же чудовищная личность, сочетающая умственную ограниченность, эгоизм, лживость, двуличие и все помыслы которой направлялись исключительно на обеспечение собственного удобства, удовлетворение своих прихотей и пристрастий».

Август Фредерик, младший брат Эрнеста, был немногим лучше своего родственника. В

1793 году в Риме он влюбился в леди Августу Мюррей, которая была старше его на несколько лет. Они тайно поженились, нарушив Королевский брачный акт.

Когда новобрачные вернулись в Англию, Августа забеременела, и они снова поженились – на этот раз открыто, в церкви святого Георгия на Ганновер-сквер под именами леди Мюррей и господин Фредерик Август.

Церковный суд признал их брак не имеющим силы. Король послал Августа за границу, а у леди Мюррей отобрал паспорт, чтобы она не смогла присоединиться к мужу. Однако, раздобыв подложные документы, она вместе с сыном Августом д'Эсте бежала в Берлин. Там они прожили десять лет. В конце концов принц Август бросил ее в обмен на герцогство Суссекс и двенадцать тысяч фунтов годового дохода.

Положив деньги в карман, Август подал в суд на бывшую любовницу, требуя опеки над детьми, и лишил ее титула герцогини. И заключил новый сомнительный брак, на этот раз с леди Сесилией Баггин, вдовой городского бакалейщика.

Хотя королева Виктория не могла признать этот брак, она тем не менее пожаловала леди Баггин титул герцогини Инвернесской. Август и леди Баггин присутствовали на официальных мероприятиях как супруги, но представляли их довольно неуклюже: «Его Королевское Высочество герцог Суссекский и Ее Светлость герцогиня Инвернесская».

Только Адольф, герцог Кембриджский, смог избежать свойственной ганноверскому роду привычки оставлять о себе скверное впечатление. Он спокойно жил в Германии с Августой Гессен-Кассельской. Однако стремление к дурному в этом семействе дремало лишь одно поколение и вскоре проявилось с новой силой в сыне Адольфа Джордже Кембридже.

Шелли дал уничтожающую обобщенную характеристику упорным в своих грехах сыновьям Георга III:

Безумный, дряхлый, умирающий король
И принцы – рода своего проклятье.
Не чувствуя страны несчастной боль,
В нее впились разнузданные братья
И пожирают плоть ее. Так моль
Грызет в сундук упрятанное платье.

Поведение принцесс отнюдь не уравновешивало позорной жизни принцев. Кроме повинной в инцесте Софии, была еще принцесса Августа, которая влюбилась в генерал-майора сэра Брента Спенсера, конюшего короля. У нее не хватило смелости просить отца разрешить ей выйти замуж за генерала, но она обсуждала вопрос с принцем-регентом, который этот брак запретил. После этого они то ли тайно обвенчались, то ли просто остались любовниками.

Когда в шестнадцатилетнем возрасте принцесса Елизавета заболела, она распустила слух, что беременна. Слух не подтвердился, и принцессе пришлось ждать до сорока семи лет, прежде чем она вышла замуж за унылого принца Гессен-Хомбургского.

Как и Августа, принцесса Амелия влюбилась в одного из конюших отца, Ромео средних лет по имени сэр Чарльз Фицрой, потомка внебрачного сына Карла II. Об их связи мало что известно, но принцесса считала себя его женой. Она умерла, завещав все свое жалкое состояние «возлюбленному Чарльзу».

Сама Виктория была в весьма дружеских отношениях со своим овдовевшим дядей Леопольдом, королем Бельгии, ранее женатым на дочери принца-регента Шарлотте. Виктория, возможно, знала о длительной связи отца с госпожой Сен-Лоран. Хотя при дворе об этом никогда не говорили, порой проскальзывали реплики о «старой французской леди»

или о «находке святого Лаврентия»⁶⁶. Однако Виктория считала за благо позабыть темное прошлое отца, когда речь шла о его внебрачных детях. Того же принципа она придерживалась в отношении внебрачных детей своих дядей.

Королева Виктория не могла оставить без внимания близость своей овдовевшей матери с сэром Джоном Конроем, каким-то ирландским выскочкой. Герцог Веллингтон был убежден, что они любовники, и сама Виктория видела в их отношениях признаки излишней фамильярности. Молодую принцессу они пытались подчинить своему влиянию, чтобы управлять страной, когда она станет королевой.

Виктория нашла защиту у своей немецкой гувернантки Луизы Лецен, а взойдя на престол, удалила Конроя от двора. Однако справиться с сэром Джоном оказалось не так легко. Вскоре у королевы возникли подозрения, что одна из ее фрейлин, леди Флора Гастингс, является шпионкой Конроя.

Проведя Рождество 1838 года в Шотландии, леди Флора возвращалась в Лондон в одном экипаже с Джоном Конроем. При дворе скоро заметили, что она пополнела и страдает болями в животе. Леди Флора не позволила королевскому врачу сэру Джеймсу Кларку осмотреть себя «без корсажа». Виктория тут же пришла к выводу, что фрейлина беременна.

«Не приходится сомневаться – она носит ребенка! – пишет Виктория в своем дневнике. – А причиной тому этот Монстр или Дьявол, чье имя я не желаю даже упоминать». Разумеется, она имела в виду сэра Джона Конроя.

Когда, наконец, леди Флору осмотрел врач, оказалось, что, хотя матка была увеличена, она оставалась девственницей. В принципе, известны случаи, когда женщина становилась беременной без завершеного полового акта и при неповрежденной девственной плеве. Виктория все еще была убеждена в том, что Флора повинна в непристойном поведении с Конроем.

Хотя в глазах общества леди Флора была оправдана, слухи о ее беременности продолжали циркулировать. Источником этих слухов были фрейлины королевы. Тут разразился правительственный кризис, в результате которого лорд Мельбурн потерял свой пост, а новый премьер-министр сэр Роберт Пил потребовал, чтобы сплетниц удалили из дворца. Молодая королева отказалась выполнить требование премьера. Это привело ко всеобщему возмущению. Толпа выкрикивала оскорбления в адрес королевы, называла ее «госпожой Мельбурн» (как бы предполагая, что бывший премьер-министр не ограничивал свою деятельность государственными делами). Действительно, лорд Мельбурн, уже переживший два скандальных развода, как-то с похвалой отозвался о «высокой и красивой груди» молодой королевы. Отставка Мельбурна ее очень огорчила.

По поводу «кризиса фрейлин» 1839 года автор известного дневника Чарльз Гревилль писал: «Великое несчастье наших государственных институтов состоит в том, что каприз девятнадцатилетней девицы может перечеркнуть все налаженные правительственные взаимосвязи, а ее привязанность к своим фрейлинам влияет на важнейшие государственные дела и законодательную деятельность».

Отношение Виктории к Флоре сделало королеву весьма непопулярной. Толпа освистала ее на скачках в Аскоте⁶⁷. В конечном счете она уступила общественному давлению и 26 июня 1839 года отправилась с визитом к леди Гастингс, находящейся при смерти. В своем дневнике королева запишет: «Несчастливая леди Флора лежала на кушетке. Лицо у нее было худым, а тело раздулось, как у женщины, ждущей ребенка».

Пятого июля Флора умерла. Как выяснилось, у нее была опухоль на печени. «Морнинг пост» высказала мнение многих, когда обвинила королеву в «отвратительной жестокости и

⁶⁶ Намек на Жюли Сен-Лоран (Лоран – по-французски Лаврентий).

⁶⁷ Ипподром близ Виндзора, где в июне проходят ежегодные скачки, являющиеся важнейшим событием в жизни английской аристократии.

злобе».

Сама королева Виктория была вовсе не так пуритански строга, как иногда считают. Нередко она танцевала до трех часов утра и говорила, что такое «развлечение» идет ей на пользу.

Впервые встретив своего кузена принца Альберта, двадцатилетняя королева сразу же влюбилась в него без памяти. После их второй встречи она заметила: «Альберт потрясающе красив». Во время третьей встречи она попросила принца взять ее в жены, хотя, как сказала королева, она его недостойна.

Воспитанный при развращенном немецком дворе, Альберт, однако, стал образцом высокой нравственности. Его мать, герцогиня Саксен-Кобург-Готская, прославилась скандальной связью с евреем-гофмейстером (который, возможно, и был действительным отцом Альберта). Когда Альберту исполнилось пять лет, его родители развелись. Мать вышла замуж за армейского офицера и больше никогда не видела сына. Отец Альберта Эрнст, герцог Кобургский, утешался, меняя любовниц, и имя герцогини никогда не произносилось в его доме. Брат принца также любил приволокнуться за дамами, за что и поплатился, заразившись сифилисом.

Молодой Альберт обучался в университете для юношей и, похоже, не питал склонности к физическому общению с женщинами. Впервые услышав об интересе, проявленном к нему кузиной Викторией, он написал, что ей не удастся «развратить» или «окрутить» его.

Первая брачная ночь, по-видимому, принесла разочарование молодой влюбленной королеве. «Не долго же длилась эта ночь, – писал Гренвилль. – Я сказал лорду Пальмерстону⁶⁸, что это не лучший способ подарить нам принца Уэльского».

В Осборн-Хаусе⁶⁹ Виктория украсила спальню изображениями обнаженных мужчин – очевидно, надеясь, что это послужит стимулом для ее недостаточно ретивого мужа. Вскоре она забеременела. За время их брака она родила своему стыдливому супругу девятерых детей.

Принц провозгласил новые правила жизни во дворце, подлежащие неукоснительному соблюдению. Фрейлины могли встречаться с посещающими их мужчинами, даже родными братьями, в специальных комнатах, но не в своих личных гостиных. Ни одна женщина не допускалась в королевские покои, если на ее репутации было хоть малейшее пятнышко. В приеме было отказано даже семидесятилетней даме, которая в далекой юности сбежала из дома со своим возлюбленным, тогда еще школьником, хотя позже они сочетались браком и прожили вместе долгую безупречную жизнь.

Альберт разгневался, когда лорд Пальмерстон, занимавший в то время пост министра иностранных дел, силой проник в спальню госпожи Бранд, фрейлины королевы, и попытался ее соблазнить. Фрейлина оказалась несговорчивой и подняла шум. Последовал скандал. Альберт высокопарно заявил, что человек, способный на подобное «злодеяние», недостойн занимать высокий пост.

В отличие от своего супруга, королева Виктория имела твердое убеждение, что брак – это прежде всего постель, и, судя по всему, обладала здоровым сексуальным влечением. Она не любила беременность, поскольку весь период вынашивания плода и какое-то время после родов Альберт воздерживался от секса. Таким образом она лишалась его любовных ласок более чем на год.

Не любила она и роды. «Все эти разговоры о гордости, которую испытывает женщина, давая жизнь бессмертной душе, звучат, конечно, очень красиво, моя дорогая, – писала она

⁶⁸ Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784–1865) – премьер-министр Великобритании с 1855 по 1858 год, ранее неоднократно занимал пост министра иностранных дел.

⁶⁹ Бывшая королевская резиденция на острова Уайт. В настоящее время – музей.

дочери, когда та собиралась рожать своего первенца. – Но я, признаться, далека от подобных мыслей. По-моему, в такие минуты мы больше похожи на коров или собак, в нас просыпаются животные чувства, и выглядим мы весьма неэстетично».

К ее несчастью, Альберт считал, что секс существует для продолжения рода, а не для удовольствия. Когда королеве сказали, что ее девятый ребенок будет последним, она ответила: «Неужели я больше не смогу получать наслаждение в постели?»

После смерти Альберта королева сокрушалась: «Как тяжело ложиться в постель одной. Как тоскую я по нежности и ласкам возлюбленного!» Она погрузилась в долгий и чересчур строгий траур. Но при этом Викторию по-прежнему окружали «хорошенькие молодые фрейлины», и она сердилась и ревновала, когда они расставались с ней, чтобы выйти замуж.

Кроме того, Викторию связывали длительные дружеские отношения с несколькими мужчинами, которые служили ей и давали советы. Одним из них был Джон Браун, ее слуга в Балморале⁷⁰. При жизни Альберта он ухаживал за королевскими пони. После смерти мужа Виктория проводила с Брауном все больше времени. Он ворчливо и грубовато понукал королеву, называл ее «женщина» и бранил, если она слишком легко одевалась для верховой прогулки при свежей шотландской погоде.

За пять лет, прошедшие после смерти Альберта, жалование Джона Брауна увеличилось в пять раз. Кроме того, он получил в подарок дом близ Балморала. Это дало ему статус эсквайра⁷¹ и возвысило над остальными слугами. Ходили слухи, что они с королевой состоят в тайном браке, и газеты стали называть Викторию «миссис Браун».

Кроме того, королева попала в зависимость от обаятельного и склонного к флирту Бенджамина Дизраэли⁷². В молодости он был неисправимым волокитой и отдавал предпочтение женщинам старше себя – на такой он и женился.

После смерти Джона Брауна сходную роль в жизни королевы играл ее слуга-индеец Абдул Карим. Он приехал в Англию в возрасте двадцати четырех лет во время золотого юбилея Виктории. Королева называла его Мунши. Молодой человек стал ее секретарем и получил дом с прислугой рядом с Виндзорским замком. Виктория защищала его от обвинений в шпионаже и не желала слушать тех, кто полагал, что ей негоже допускать к себе столь близко «черного» – само это слово было ей отвратительно.

После смерти Виктории новый монарх прежде всего убрал из Балморала изваяние Джона Брауна. Теперь заросшая плющом статуя стоит в роще близ замка. Когда же умер Мунши, король велел сжечь все его бумаги, чтобы уничтожить возможные компрометирующие королевскую семью сведения.

Глава 12 Эдуард распутник

Принц Уэльский постоянно огорчал своих праведных родителей. В Альберте Эдуарде (проще – Берти) вновь проявилась свойственная Ганноверской династии распущенность.

Первые признаки беспутства обнаружились в характере принца, когда пятнадцатилетним юношей он отправился в Кенигсвинтер-на-Рейне для совершенствования в немецком языке. Там он облапал служанку и попытался ее поцеловать. Премьер-министр Уильям Гладстон, следовавший строгой христианской морали и отдавший немало сил решению проблемы возвращения на путь истинный падших женщин, назвал эту выходку

⁷⁰ Замок в Шотландии, построенный королевой Викторией.

⁷¹ Нетитулованный дворянин.

⁷² Бенджамин Дизраэли (1804–1881) – премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 годах, лидер партии тори, писатель.

«низким поступком, свидетельством развращенности, заслуживающим презрения и недостойным снисхождения».

В Оксфорде, несмотря на бдительность воспитателя, принц умудрялся проводить немало времени в обществе сэра Фредерика Джонстона, члена печально известного Буллингдонского клуба⁷³. И даже строгий поборник дисциплины генерал Брюс, поставленный следить за каждым его шагом, не смог отвратить Берти от табака, вина и обжорства.

Оксфорд дал юноше совершенно не то образование, на которое рассчитывали его родители. Берти близко познакомился с азартными играми, скачками и блестящей жизнью английской аристократии. Одним из самых близких ему друзей был искрометный и сказочно богатый Генри Чаплин, получивший вполне заслуженное прозвище Великолепный. Чаплин держал собственного повара и устраивал роскошные праздники чревоугодия для себя и своих приятелей. Он мог развинченной походкой войти в часовню в безупречном охотничьем костюме, надетом под принятым в таких случаях стихарем. Из уст в уста передавалась история о том, как Берти и Великолепный встретили на дороге пожилую крестьянку, задрали ей юбку на голову и засунули пятифунтовую купюру в ее панталоны.

Почти все студенты Крайст-Черча⁷⁴ были убежденными волокитами. Достаточно было послушать их хвастливые рассказы о любовных приключениях с актрисами, замужними дамами и даже хозяйками великосветских гостиных, чтобы у молодого человека вскипела кровь. Именно там принц Уэльский почерпнул сведения о разнузданной и разгульной жизни Лондона – собачьих боях, боксерских матчах, притонах курильщиков опиума и борделях. Тогда же Берти осознал, насколько сложно принцу королевской крови удовлетворить свои естественные желания.

В марте 1861 года девятнадцатилетний принц вступил в армию и отправился в военный лагерь близ Дублина. Как-то ночью, после особенно буйной пьянки, друзья-офицеры спрятали в его постели обнаженную молодую женщину – актрису Нелли Клифден. Принц Уэльский был очарован симпатичной девушкой и вступил с ней в связь. Вскоре о завязавшемся романе знали все, и лондонские сплетники стали величать Нелли «принцессой Уэльской» – к немалому ее удовольствию.

Уразумев наклонности сына, Виктория и Альберт решили, что юношеский пыл хорошо бы ограничить рамками раннего брака. Приступили к поискам подходящей невесты. Из семи кандидатур, перечисленных в «Таймсе», пятой по счету была датская принцесса Александра Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургская. Единственный недостаток Александры заключался в том, что ее матерью была принцесса Гессен-Кассельская, то есть девушка принадлежала к самому развращенному двору в Европе.

Впрочем, сестра Эдуарда Вики благоволила к Александре, хотя и испытывала сострадание к любой женщине, обреченной выйти замуж за похотливого Берти. «Я люблю его всем сердцем, но будущей жене брата не завидую», – писала она.

Принцу Уэльскому также приглянулась шестнадцатилетняя принцесса, и он сообщил своим родителям, что находит ее «очаровательной и очень милой», хотя еще не чувствует себя готовым к семейной жизни.

Именно в это время новость о связи принца с Нелли Клифден достигла ушей королевы. Лорд Торрингтон, который всегда был в курсе последних лондонских сплетен, подтвердил услышанное. Хуже того, Нелли даже не сочла нужным сохранять верность принцу. Она, по слухам, стала теперь любовницей Чарльза Уинн-Каррингтона.

⁷³ Клуб для отдыха и развлечений студентов-спортсменов из состоятельных семей в Оксфордском университете.

⁷⁴ Один из колледжей Оксфордского университета, где обучаются в основном аристократы.

Король Альберт был ошеломлен. Он писал, что нельзя оставлять сына на произвол судьбы – «последствия для страны и мира были бы весьма пагубными». Но на пути в Кембридж, куда он направлялся, чтобы отчитать принца Уэльского, Альберт заболел брюшным тифом и умер.

Королева обвинила Берти в смерти отца. Позже она писала: «Ах уж этот мальчик – при всей жалости к нему я не могу смотреть на него без содрогания».

Теперь Виктория считала женитьбу сына делом безотлагательным. Принц Уэльский сделал принцессе Александре предложение, которое было незамедлительно принято, хотя принцесса не питала иллюзий относительно своего жениха. «Будь он даже ковбоем, я бы все равно его любила и не искала бы другого мужа», – сказала она.

Свадебная церемония состоялась 10 марта 1863 года в Виндзоре, в часовне святого Георгия. На церемонии присутствовало около девятистот гостей, что весьма скромно по сравнению со свадьбой нынешнего принца Уэльского и леди Дианы в 1981 году, когда число гостей достигло трех с половиной тысяч. Однако отец Александры, король Кристиан IX, приглашения не получил – уж слишком скверной в глазах Виктории была его репутация развратника.

Женитьба освободила принца Уэльского от жесткого контроля со стороны матери и ее унылого двора. Притеснения, принуждения и самоограничения были забыты, и он мог вернуться к тому образу жизни, который ему так нравился.

В начале апреля молодожены поселились в Мальборо-Хаусе⁷⁵, резиденции принца на Пэлл-Мэлл.

Став наконец хозяином собственного дома, Берти смог развернуться действительно по-королевски. Вскоре его жизнь превратилась в безумную череду банкетов, балов, приемов в саду, неистовых празднеств с застольями и танцами до рассвета. Ночи напролет проходили за карточными столами. Случались и дикие мужские сборища, заканчивавшиеся, как правило, приглашением хористок.

Аристократический Лондон был в восторге. Вот уже более тридцати лет (со времени правления старого подагрика Георга IV) член королевской семьи не развлекался так отчаянно. Принц Уэльский стал самым заметным мужчиной на светской сцене. И ничто не могло помешать ему удовлетворять свою страсть к пикантным разговорам, доброму застолью, охоте, картам, хорошим сигарам и, разумеется, красивым женщинам.

Со всей очевидностью принц любил свою жену, гордился ее красотой, а также изяществом и достоинством, с которыми она играла свою роль. Но с самого начала их брака стало очевидно и другое: в то время как большинство молодых людей были не столь стеснены в своих возможностях и перебесились до женитьбы, принц приступил к этому основательно только сейчас. Когда Александра забеременела и поневоле больше времени проводила дома, Берти воспользовался ситуацией и пустился во все тяжкие.

В течение первого года супружества принц Уэльский обозначил основополагающий принцип своей дальнейшей жизни – получать удовольствие. Таковое он находил все в тех же местах: ипподром, танцевальный зал, обеденный стол и постель красивой женщины.

В Мальборо-Хаусе и Сандринхеме⁷⁶ он вел себя как безупречный хозяин. Жене принц изменял непрерывно, однако при этом был очень внимателен, а для детей оставался терпеливым, любящим и отзывчивым отцом. Друзья не чаяли в нем души и постоянно превозносили его доброту и верность. Даже те, с чьими женами принц спал, казалось, воспринимали это как оказанную им честь. Только один человек не поддавался обаянию Берти – его мать, королева.

⁷⁵ Бывшая резиденция членов королевской семьи, построена в 1709 году для герцога Мальборо. С 1962 года используется для проведения конференций глав государств Содружества.

⁷⁶ Одна из загородных резиденций английских королей, находится в графстве Норфолк.

Она была в курсе всех фокусов сына и постоянно писала принцу письма, осуждая его образ жизни и его друзей, подчеркивая, сколь печальный пример он подает другим членам общества. Ее привело в ужас известие о том, что сын пристрастился к курению.

В январе 1864 года, когда принц и принцесса Уэльские находились в Фрогмор-Хаусе, родился принц Альберт (известный всем как «Эдди»). Это случилось на два месяца раньше положенного срока. Через полтора года, также преждевременно, на свет появился принц Георг. Принцесса разрешилась от бремени в своем доме в Дании. Но принц Уэльский нашел датский королевский двор довольно скучным и отправился в Стокгольм, где шведский король Карл XV предоставил ему для развлечений несколько весьма покладистых дам. Узнав об этом, королева Виктория посочувствовала Александре: «Я часто думаю, сколь нелегка ее участь. Ведь она любит Берти, хотя и видит, что он вытворяет».

Для жаждущих грубых порочных развлечений викторианский Лондон предоставлял широкие возможности. Молодые аристократы посещали матросские кабаки в Ротерхите, убогие питейные заведения и бордели на Лестер-сквер. Неподалеку от рынка Спитлфилдз находился пользующийся печальной славой детский публичный дом. Великое множество дешевых шлюх бродило по улицам Хеймаркет и Ватерлоу-Роуд в поисках заработка. Более разборчивые клиенты могли воспользоваться услугами борделей в Мейфэр и Челси, где подавали шампанское и любители плотских наслаждений могли удовлетворить свои похотливые желания в атмосфере кричащей роскоши.

По оценкам, в 1860 году только в Лондоне было восемьдесят тысяч проституток, в их числе и получившие широкую известность красавицы, расположения которых добивались весьма знатные и богатые господа. Среди них были Полли Эш, «Душистая Нелли» Фаулер (этим прозвищем она обязана особому запаху, исходившему от ее тела) и Лаура Белл, ставшая проповедницей, когда отошла от дел, которым предавалась в молодости. Королевой куртизанок считалась дама по прозвищу «Кегли», прибывшая в столицу из Ливерпуля. Молодой граф Харлингтонский – будущий герцог Девонширский – умолял ее выйти за него замуж, но ей слишком нравилось менять мужчин, и она отказала графу. Говорили, что свое прозвище эта дама заслужила благодаря эпизоду, когда она свалила с ног целую группу пьяных гвардейских офицеров, попадавших «подобно поставленным в ряд кеглям».

Когда богатые повесы и молодые аристократы выходили по вечерам на поиски развлечений, их маршрут непременно включал посещение модных лондонских клубов. Там они могли пить, танцевать, флиртовать и вести себя совершенно непристойно, не боясь осуждения окружающих. Одним из самых известных заведений подобного рода был танцзал «Моттс» на Фоли-стрит близ Тотнем-Корт-Роуд. Владелец зала господин Фрир отличался элегантностью и снобизмом. Он гордился знатностью своих клиентов, чьи выходки терпел только в том случае, если молодые люди были достаточно родовиты. Другим предметом гордости господина Фрира служили красота и хорошие манеры его «дам».

Другим местом развлечений – покрупнее, но менее изысканным – был клуб «Креморн-Гарденз» в Челси. Там имелись отдельные кабинеты, где посетители могли пить, есть и ласкать своих спутниц вдали от нескромных взглядов. Самые горячие влюбленные парочки спешили посетить «Пещеру отшельника» или «Приют феи».

Двадцатитрехлетний маркиз, Гастингский – красавец, богач и в высшей степени легкомысленный молодой человек – был в числе тех, кто познакомил принца Уэльского со значными местами столицы. Маркиз регулярно посещал запрещенные законом петушинные бои, которые проводились на Энделл-стрит. Петухи Гастингса часто бились с птицами герцога Гамильтона. Бывал он и на своеобразных состязаниях, во время которых молодые аристократы делали ставки на количество грызунов, которое сможет убить терьер за один час. Слух об одной из его проказ облетел весь Лондон: маркиз выпустил две сотни крыс в переполненном танцевальном зале фешенебельного столичного клуба.

В те времена фотография только зарождалась, и лицо Эдуарда не было знакомо

широкой публике. Поэтому принц мог свободно расхаживать по городу со своими непутевыми приятелями в поисках развлечений и не бояться, что его узнают. Такая анонимность позволяла ему получать самые простые удовольствия, доступные практически всем – скажем, кататься в обычном наемном экипаже с молодой подружкой.

Впрочем, принц Уэльский предпочитал предаваться разгулу за границей – в Египте или на модном немецком курорте. Каждый год после Каусской регаты⁷⁷ он уезжал на воды. Обычно принц посещал Хомбург, Баден-Баден, а несколько позже, в 1899 году, открыл для себя Мариенбад. Официально считалось, что эти поездки необходимы для укрепления здоровья наследника престола, и принцу обычно удавалось за курс такого «лечения» сбросить около восьми фунтов.

Настоящей же причиной столь регулярного посещения Эдуардом этих курортов являлось присутствие там великого множества дам из высшего общества, известных куртизанок и женщин полусвета. В частности, принц удостоил своим вниманием хозяйку шляпного салона, прелестную фрейлейн Писил. Другой счастливницей была Софи Холл Уокер, муж которой тренировал лошадь Эдуарда, взявшую приз на Дерби⁷⁸.

Некая девица легкого поведения специально приехала из Вены, чтобы оказать принцу свои услуги. Узнав, что у него уже есть другая, она потребовала, чтобы один из джентльменов, сопровождавших Эдуарда, стал ее партнером и компенсировал ей издержки на дорогу.

Однако истинным своим домом, где он отдыхал душой, принц считал парижские бордели. Любимым его заведением был «Ле Шабане» – кресло, сидя в котором Эдуард выбирал себе девушку, с гордостью демонстрировали в этом доме спустя целое поколение. Когда герцог де Граммон привел принца в «Ла Мезон Доре», чтобы познакомиться со знаменитой проституткой Бенени (больше известной как Ла Баруччи), та повернулась к Эдуарду спиной и подняла юбку. Под юбкой она была голой. На возмущение герцога Ла Баруччи, как-то объявившая себя «величайшей шлюхой мира», ответила со всей искренностью: «Но вы же просили меня показаться ему с лучшей стороны».

В шестидесятые годы девятнадцатого века кричащий, нарочитый стиль жизни французской столицы достиг своего апогея. Неумеренное ублажение плоти приобрело статус искусства в аристократических кругах.

То был золотой век великосветских кокоток, изнеженных куртизанок, которые составляли блеск и славу Парижа. Благодаря своему искусству улаживать мужчину в постели, эти дамы приобретали огромные состояния и могли содержать роскошные дома с обряженной в ливреи прислугой.

Среди них особой известностью пользовались Ла Павиа, жившая в особняке на Елисейских Полях, Бланш д'Артиньи – прототип Нана Эмиля Золя, молодая англичанка Кэтрин Уолтерс, а также Кора Перл из Плимута, получившая десять тысяч фунтов за одну ночь с императором Наполеоном III. Узнав о желании принца Уэльского сблизиться с ней, Кора обставила свое появление так, что ее подали к столу Эдуарда на серебряном блюде. Когда с блюда сняли крышку, женщина предстала взору принца совершенно обнаженной, если не считать нитки жемчуга и ветки петрушки.

⁷⁷ Ежегодная парусная регата в курортном городе Каусе на острове Уайт, проводится в августе и считается крупным событием в светской жизни.

⁷⁸ Ежегодные скачки лошадей-трехлеток на ипподроме «Эпсом-Даунс» близ Лондона.

Еще Одной любовницей Эдуарда была актриса и певица Гортензия Шнайдер. Она пользовалась такой популярностью у иностранных вельмож, что заслужила титул «Le Passage des Princes»⁷⁹.

Подхватив слухи, пришедшие из Франции, «Таймс» сообщила о «дружбе» Эдуарда и Гортензии. Не задумываясь о том, что его подвиги в Париже и на Ривьере станут известны по ту сторону Ла Манша, принц не считал необходимым соблюдать осторожность, заходя в артистическую уборную певицы, навещая ее дома или ужиная с ней в ресторане. Со своей стороны, Гортензия, как и Нелли Клифден до нее, с гордостью демонстрировала свою связь с членом королевской семьи, ибо это только повышало ее статус в глазах окружающих.

Затем принц Уэльский стал вести себя осторожнее. Он превосходно владел французским языком и выдавал себя то за герцога Ланкастерского, то за графа Честерского. Это, впрочем, никого не обмануло. Когда Эдуард появился в Мулен Руже, танцовщица Ла Голлю закричала ему: «Привет, Уэльс!» Принц улыбнулся и заказал шампанского для всего оркестра.

Эдуард обожал парижский полусвет и спал с какой-нибудь хорошенькой шлюшкой из артистической среды с неменьшим удовольствием, чем с великосветской дамой. В 1867 году при дворе императрицы Евгении в Фонтенбло он впервые встретил принцессу де Саган, красивую и чувственную дочь банкира. Ее муж, баснословно богатый и элегантный мужчина, был к тому же остроумным и блестящим рассказчиком. Волевая, жизнерадостная, волнуемая, де Саган вовлекла Берти в круг своих ухажеров. Вскоре она стала главной любовницей принца во Франции и оставалась таковой до середины восьмидесятых.

В их отношениях необычным образом сочетались любовь и враждебность. Оба продолжали поддерживать массу любовных связей с другими и с удовольствием обменивались колкостями. В то же время де Саган безумно нравилась роль любовницы Эдуарда, и она всегда обставляла их встречи самым роскошным образом, а принц был в восторге от ее великолепного особняка на улице Святого Доминика и огромного замка в Мейо, к югу от Парижа. Каждую весну они вместе проводили время в Каннах, где у де Саган была красивая вилла.

Хотя многострадальный супруг сносил неверность де Саган, сохраняя выдержку, как того требовали правила высшего общества, этого нельзя было сказать о ее старшем сыне. Как-то вернувшись домой раньше обычного и найдя в будуаре матери разбросанную мужскую одежду, он собрал ее и выбросил в фонтан.

Выйдя из спальни и не обнаружив своего платья, принц побрел в гостиницу в позаимствованных у кого-то невероятно узких брюках. Виновный в преступлении юноша был изгнан из родительского дома, хотя его гнев был вполне обоснован. По слухам, отцом самого младшего ребенка де Саган был принц Уэльский.

Покинув Францию, Эдуард не пожелал расстаться с обычным для него образом жизни – парижские привычки он захватил с собой в Англию. Граф Розберийский был ошеломлен, когда принц попросил его предоставить свой дом в Лондоне для пирушки с хористками и другими девицами легкого поведения. Лорд Каррингтон оказался более услужливым, и принц Уэльский использовал его особняк для послеобеденных усад. Позже он предпочел дому лорда знаменитый отель «Кавендиш» на Джермин-стрит, принадлежавший Розе Льюис.

Развлечения Эдуарда с хористками, актрисами и проститутками не привлекали общественного внимания, однако его связь с замужней дамой Харриет Мордаунт вызвала грандиозный скандал. Эта красивая женщина двадцати одного года была замужем за весьма состоятельным членом парламента, сэром Чарльзом Мордаунтом, который нередко бывал на приемах у принца в Мальборо-Хаусе. На протяжении 1867 и 1868 годов принц Уэльский по несколько раз в неделю посещал Харриет у нее дома. Он состоял с ней в тайной переписке, а как-то даже послал открытку ко Дню святого Валентина, но мало-помалу их связь

⁷⁹ «Проход для принцев» (фр.).

прекратилась. Место принца в качестве ее любовников заняли лорд Коул и сэр Фредерик Джонстоун, друзья Эдуарда еще по Оксфорду.

В 1869 году у Харриет родился первенец. Ребенок страдал хроническим заболеванием глаза. Молодая мать была в отчаянии от сознания своей вины и во всем призналась мужу. Причиной болезни их крошки, сказала Харриет, явились ее тяжкие грехи. Она «беспутно вела себя с лордом Коулом, сэром Фредериком Джонстоуном, принцем Уэльским и другими».

В викторианском высшем обществе мужья-рогоносцы обычно предпочитают хранить свой позор втайне, но сэр Чарльз поступил иначе. Он совершил непростительный поступок: изъяв компрометирующий дневник и письма принца Уэльского из запечатого бюро жены, он подал на развод.

Скандал стал публичным, когда принца вызвали в суд. Его жена, многострадальная принцесса Александра, и, что более удивительно, королева Виктория приняли сторону Эдуарда и оказали ему большую поддержку.

Лорд-канцлер⁸⁰ прочитал письма и заявил, что они «во всех отношениях совершенно безобидны». Судья заверил Эдуарда, что защитит его от «неправомерных вопросов». Однако, когда принц Уэльский предстал перед судом для дачи свидетельских показаний, его спросили: «Имели ли место в ваших отношениях с леди Мордаунт предосудительная близость или акт незаконной связи?» После короткого размышления принц ответил твердо и решительно: «Нет, никогда!»

В результате сильнейших переживаний, связанных с судебным процессом, психическое состояние Харриет Мордаунт резко ухудшилось. Ее объявили душевнобольной и отправили в психиатрическую больницу. Теперь она не могла выступать в суде, и дело было прекращено.

После завершения судебного процесса газета «Рейнольдс ньюспейпер» обвинила принца Уэльского в «соучастии в нанесении оскорбления семейству английского джентльмена». На митинге в Гайд-Парке раздавались призывы к упразднению монархии. Принца освистали в театре «Олимпик», где он появился с Александрой, а позже – на ипподроме в Аскоте.

Несмотря на растущий интерес публики к его личной жизни, Эдуард задался целью утешить недавно овдовевшую леди Сьюзен Пелэм-Клинтон. В 1871 году она написала ему письмо, в котором выразила свое восхищение добротой, выказываемой к ней принцем на протяжении последних нескольких лет. В это время она была на седьмом месяце беременности и с горечью сообщала ему, что «отсутствие средств для достойной жизни и оплаты скромности слуг не позволит ей сохранить в тайне то печальное положение, в котором она оказалась».

Получив 250 фунтов, она уехала в Рамсгит в сопровождении личного врача принца Уэльского. Эта беременность, разумеется, явилась следствием неосторожности.

Впрочем, у принца были и другие дети. Один из них дожил до преклонного возраста в городке Ла-Хойа в Калифорнии. Воистину, принц Уэльский не желал предохраняться.

В начале девятнадцатого века контрацепция сводилась главным образом к осторожности и самоограничению участников полового акта в сочетании с изрядной долей простого везения. Партнеры обычно полагались на *coitus interruptus* (прерванный половой акт), если вообще пытались как-то регулировать рождаемость.

Однако примерно с 1820 года медики начали усиленно изучать методы контрацепции – нередко под маской «неомальтузианства». Еще в восемнадцатом веке Томас Мальтус предсказывал грядущий взрывоподобный рост населения, который не будет обеспечен природными ресурсами земли. Это, по его мнению, неизбежно приведет к массовой нищете

⁸⁰ Помимо исполнения прочих обязанностей, лорд-канцлер является высшим судебным должностным лицом.

и голоду.

Общество викторианской Англии было не на шутку встревожено предсказаниями Мальтуса, поскольку темпы роста населения начинали выходить из-под контроля. Объяснялось это не только ростом рождаемости, но и успехами медицины и санитарии. Снизилась детская смертность и увеличился срок жизни. Однако в семидесятых годах прошлого века рождаемость неожиданно уменьшилась.

Молодой шотландский врач Джордж Драйсдейл написал первую книгу, посвященную контролю рождаемости. Его труд назывался «Физическая, сексуальная и естественная религия». Драйсдейл детально описывал такие способы контрацепции, как своевременное извлечение полового члена из вагины, метод ритмов, использование защитных чехлов, губки или теплого душа.

Извлечение члена относилось к весьма ненадежным, практически неудовлетворительным способам. Теория ритмов, допускающая совокупление только в определенные дни месяца, находилась на самой начальной стадии развития, когда наука только приступила к изучению новых данных об обстоятельствах и условиях зачатия.

В качестве альтернативы Драйсдейл рекомендовал значительно менее надежный метод губки, полагая, что «все меры предосторожности могут достичь успеха только в том случае, если к ним прибегает женщина, ибо озабоченность мужчины последствиями совокупления неминуемо нарушает естественное влечение и гармоничность полового акта...» Такое мнение препятствовало распространению чехлов-презервативов.

Презервативы продавались в Лондоне с 1776 года, но оставались ненадежными и дорогими. В качестве материалов для них применяли полотно, кишки животных или рыбью кожу. Использование таких презервативов было нелегким делом. Однако в сороковых годах родился метод вулканизации резины, и презервативы стали дешевле и надежнее.

Вскоре презервативы стали популярны, хотя и не только в качестве средства для предотвращения беременности. В викторианскую эпоху были распространены венерические заболевания – главным образом, из-за проституции. Согласно оценкам журнала «Вестминстер ревю», который назвал проституцию «величайшим общественным злом», в 1850 году в Лондоне не менее восьми тысяч девушек торговали своим телом, а еще пятьдесят тысяч занималось проституцией в остальных городах страны. В четвертом томе исследования Мейхью «Рабочая сила и бедняки Лондона» приводятся сведения, указывающие на то, что цифры «Вестминстер ревю» существенно занижены: в одной лишь столице, по мнению автора, было восемьдесят тысяч проституток.

Здоровью и жизни женщин угрожали не только измены их мужей, но и частые роды. Большим семьям нередко приходилось испытывать финансовые проблемы, а то и нищету. Появление презервативов явилось поистине Божьим даром.

Вместе с тем публичное обсуждение этих проблем считалось недопустимым. Королева Виктория не выразила бы восторга при виде коробки с презервативами. Дело в том, что производители этих изделий печатали на упаковках портреты королевы и Гладстона, дабы сделать свою продукцию более привлекательной для правоверных викторианцев.

Впрочем, принца Уэльского и это не привлекло.

В конце 1875 года чуть было не разразился очередной скандал. Во время королевского турне по Индии сопровождавший принца Уэльского лорд Эйлсфорд получил письмо от своей жены, из которого следовало, что она намеревается уйти от него к маркизу Бландфордскому. Принц утешал друга как мог, назвав маркиза «величайшим из живущих мерзавцев», и Эйлсфорд немедленно вернулся в Англию, где решил возбудить дело о разводе.

Испуганные семьи леди Эйлсфорд и Бландфорда пытались убедить супругов сделать все для избежания скандала. Но лорд Эйлсфорд упорствовал в своем желании развестись. Тогда брат маркиза Рэндольф Черчилль обратился к принцу Уэльскому с просьбой повлиять на Эйлсфорда и остановить столь пагубное развитие событий.

Однако принц и сам в прошлом был любовником леди Эйлсфорд и по своему

обыкновенно отправил ей немало компрометирующих писем. Когда он отказался вмешиваться, Черчилль пригрозил ему, что сделает эти письма достоянием гласности. Затем Черчилль отправился к принцессе Александре, уведомил ее о неверности супруга и печальных последствиях для его будущего как короля Англии, если принц откажется содействовать прекращению дела о разводе, затеянного лордом Эйлсфордом.

Разгневанный Эдуард вызвал Черчилля на дуэль, которая должна была состояться на северном побережье Франции. Поскольку поединки были запрещены, Черчилль отказался принять вызов, сочтя его пустой бравадой. «Абсурдная идея, – сказал он, – и принц это прекрасно знает».

И на этот раз королева выступила в поддержку сына. Так же поступила и принцесса Александра, отправившаяся встречать корабль мужа у берегов острова Уайт, когда принц в мае 1876 года вернулся из Индии. В тот же вечер принц и принцесса слушали оперу Верди в «Ковент-Гардене». Демонстрация на публике счастливых семейных отношений вызвала бурю оваций и приветственных возгласов. На следующий день принц получил хорошие новости: лорд Эйлсфорд решил отказаться от своего плана развестись с женой.

Примерно через год, когда Берти исполнилось тридцать шесть лет, исследователь Арктики сэр Аллен Янг пригласил принца на ужин в узком кругу, желая познакомить его с весьма привлекательной двадцатитрехлетней дочерью священника Лилли Лэнгтри.

Лилли родилась на острове Джерси в семье его высокопреподобия Уильяма Корберта ле Бретона. Отца она называла «совершенно несносным типом», который «не пропускал ни одной юбки». Он даже отвадил дочь от одного из первых ее ухажеров, сообщив ей, что она рискует совершить инцест, поскольку парень оказался плодом одной из многочисленных греховных связей его молодости.

В двадцатилетнем возрасте девушку поразила прекрасная яхта, входящая в гавань Сент-Питер-Порта. Позже она призналась: «Чтобы стать любовницей этой яхты, я вышла замуж за ее владельца». Им оказался наследник верфей Белфаста Эдвард Лэнгтри.

Брак был неудачным. К жене Лэнгтри испытывал лишь одно чувство – безумную ревность. Когда кто-либо из мужчин восхищался красотой Лилли, Эдвард обычно говорил: «Да что там, видели бы вы мою первую жену».

Через три года после свадьбы они приехали в Лондон, и высокая стройная Лилли с фиалковыми глазами вскоре стала чуть ли не самой заметной красавицей высшего света. Ее роскошная фигура тут же пленила принца Уэльского.

Принцесса Александра в ту пору жила в Греции, а к ее возвращению госпожа Лэнгтри уже была любовницей Эдуарда. Хотя ранее принц всегда старался соблюдать осторожность в любовных связях, на этот раз он не сделал никаких попыток скрыть свое увлечение «этой Лилли с Джерси». Как-то раз на приглашение провести уик-энд в одной из больших загородных усадеб он ответил, что приедет только в том случае, если приглашение получит и Лилли.

Они вместе обедали по несколько раз в неделю, и толпы людей нередко видели их на верховой прогулке в Гайд-Парке, где они ехали бок о бок. Принц взял ее с собой в Париж, где вызвал скандал, поцеловав Лилли при всех на танцевальной площадке у «Максима». Они неоднократно появлялись вместе на ипподроме в Аскоте, и принц даже умудрился сделать так, чтобы Лилли и ее мужа представили королеве.

«Между принцем Уэльским и Лилли Лэнгтри нет абсолютно ничего, – писала одна из газет, – даже простыни».

Лилли получила статус любовницы наследника престола, и к этому терпимо относилась даже принцесса Александра. Особое положение сделало ее весьма важной персоной. Уже через несколько недель после начала связи с Берти Лилли стала знаменитостью и приобрела влияние в обществе. Даже такие видные фигуры высшего света, как леди Кадоган, буквально становились на стулья, чтобы хоть краем глаза увидеть ее на каком-нибудь большом приеме.

«Я уже стала бояться выходить на улицу, – с гордостью говорила Лилли. – Люди толпами бегут за мной, разглядывают так пристально, что вгоняют в краску, даже пытаются

поднять вуаль, чтобы удовлетворить любопытство».

Сознавая исключительность положения официальной любовницы, Лилли отделала свой пеньюар мехом горносталя. Но принц Уэльский не мог оставаться верным даже ей.

Когда актриса Сара Бернар, «Божественная Сара», приехала в Лондон, принц стал одним из самых горячих ее поклонников. Леди Кавендиш записала в дневнике, что Сара Бернар была «женщиной с дурной репутацией и совершенно лишенной стыда». Сама актриса в старости с гордостью признавалась: «Я была одной из самых великих любовниц своего века».

Вскоре внимание, оказываемое ей Эдуардом, стало мешать ее актерской работе. «Я только что вернулась от принца Уэльского, – писала она в наспех сочиненной записке режиссеру. – Уже двадцать минут второго, и я не в силах репетировать в это время. Принц не отпускал меня с одиннадцати часов».

Лилли молча сносила неверность принца и никогда не устраивала сцен. Их связь продолжалась пять счастливых лет. Этот роман закончился в 1881 году после рождения у Лилли дочери Жанны-Мари.

Какое-то время поговаривали, что у Лилли были и другие мужчины, в том числе принц Льюис Баттенберг, от которого якобы и родился ребенок. К тому же она оказалась замешанной в одной весьма скандальной ситуации. Все это делало невозможным продолжение связи Лилли Лэнгтри с членом королевской семьи.

Предполагалось, что отставленная любовница наследного принца послушно канет в безвестность. Однако Лилли оказалась дамой незаурядной. Вскоре она снова была на виду у всех – теперь уже как актриса.

Принц Уэльский сделал все возможное, чтобы содействовать ее карьере. Он убедил директора театра «Хеймаркет»⁸¹ позволить ей дебютировать в благотворительном спектакле «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости»⁸². Появление принца на премьере обеспечило успех Лилли, и высокий гость почтил своим присутствием ужин, который дебютантка дала в его честь.

А вот личная жизнь Лилли не сложилась. Чванливый принц Баттенберг, отец лорда Маунтбаттена и двоюродный дед герцога Эдинбургского, бросил ее, когда стало ясно, что брак между ними невозможен. Лилли ждал еще больший сценический успех в Америке. Несколько американских миллионеров просили ее руки, многие добивались – и не без успеха – ее тела. Когда Лилли спросили, почему она уступает домогательствам мультимиллионера Джорджа Бейрда, отъявленного садиста, она ответила так: «Я его ненавижу, но, овладев мной, он каждый раз выписывает мне чек на пятьсот фунтов».

После смерти Эдварда Лэнгтри, потерпевшего крах как финансовый, так и семейный, Лилли вышла замуж за барона Хьюго де Бата. С дочерью она почти не общалась и умерла в Монако в 1929 году.

В сорок лет сексуальные аппетиты Берти отнюдь не стали более умеренными. К концу своего романа с Лилли он вернулся к прежним привычкам совершать регулярные набеги в Париж, на модные европейские курорты и в иные подобные места с единственной целью – утолить сексуальную жажду. Как носитель титула принца Уэльского Эдуард не был обременен какими-либо обязанностями. Королева столь решительно не желала допускать его к государственным делам, что не позволяла принцу даже издали взглянуть на сколько-нибудь важный документ.

Хотя Эдуард имел чин фельдмаршала, Виктория не пустила его с британским экспедиционным корпусом в Египет, где Араби-паша⁸³ потерпел поражение в битве у

⁸¹ Лондонский театр, расположенный на улице Хеймаркет в центре города.

⁸² Пьеса английского писателя, поэта и драматурга Оливера Голдсмита (1728–1774).

⁸³ Араби-паша (1839–1911) – один из руководителей национально-освободительного движения в Египте.

Тель-аль-Кебира. Это вызвало у принца раздражение, поскольку многие из его друзей снискали там военную славу, а его брат, принц Артур, герцог Коннотский, командовал батальоном гвардии, который шел на Каир из Порт-Саида.

В сорок девять лет принц Уэльский совершенно неожиданно впервые в жизни влюбился – страстно и безнадежно. Объектом столь сильного чувства оказалась Франсес Брук, которую часто называли Маргаритка. Когда начался их роман, этой потрясающе красивой, умной, одухотворенной и сказочно богатой женщине было двадцать девять лет.

В отличие от Лилли, она происходила из весьма знатного рода и в обществе принца и близких ему людей чувствовала себя абсолютно свободно. Торжество по поводу брака восемнадцатилетней Франсес с лордом Бруком проходило в Вестминстерском аббатстве. Принц Леопольд был шафером на свадьбе, а принц и принцесса Уэльские – почетными гостями. Брак заключался по любви, и «Бруки» не переставал выказывать нежность к своей жене, хотя она откровенно демонстрировала ненасытное желание получать физическое удовлетворение в постели с другими мужчинами.

Принц Уэльский обратил особое внимание на Маргаритку после того, как она попросила его о помощи, когда ее связь с другом принца, лордом Чарльзом Бересфордом, грозила перейти в грандиозный и весьма неприглядный скандал. Маргаритка и Чарльз пылали взаимной любовью и поклялись соблюдать верность друг другу. Но тут выяснилось, что жена лорда Чарльза беременна, и Франсес овладел гнев. Она написала возлюбленному язвительное письмо, которое попало в руки леди Бересфорд, та угрожала использовать это письмо, чтобы погубить репутацию леди Брук.

«Принц был более чем добр, – писала Маргаритка позднее об их встрече, – и неожиданно я заметила, что он смотрит на меня взглядом, понятным любой женщине».

Принц Уэльский использовал свое влияние, чтобы погасить разгорающийся скандал, и Маргаритка, естественно, выказала полную готовность отблагодарить его. «Он оказался великолепным любовником, очень нежным, – писала она. – Перед ним было невозможно устоять».

Маргаритка оказалась женщиной независимой и волевой, вовсе не склонной всегда позволять принцу играть первую скрипку. Она любила охоту, сама правила четверкой лошадей и устраивала приемы, во время которых ни одна спальня в доме не пустовала.

Был установлен строгий порядок. Мужья и жены получали различные спальни. Прежде чем направиться в отведенную ей комнату, дама, желающая заполучить Любовника к себе в постель, брала в руки серебряный подсвечник. Это давало ее ухажеру повод зажечь для нее свечу и шепотом назначить встречу. Другим способом общения могла быть записка, которую слуга любовника передавал служанке дамы. Сигналом безопасности служил какой-нибудь предмет, оставленный у дверей спальни. Обычно для этих целей использовался поднос с сэндвичами, но как-то раз прожорливый немецкий дипломат барон фон Экардштейн был уличен в поедании таковых, и от съедобных сигналов пришлось отказаться.

В шесть утра партнеры расходились по своим комнатам. На следующий день они ни единым намеком не давали знать, что провели ночь вместе.

Иногда, конечно, отлаженный распорядок нарушался. На одной из таких вечеринок лорд Чарльз Бересфорд, крадучись поднявшись по лестнице, перепутал комнаты. С криком «ку-ка-ре-ку» он прыгнул в постель – и оказался между епископом Честерским и собственной женой. Лорду пришлось покинуть дом до завтрака.

Маргаритка была отчаянной женщиной, ей нравилось переживать острые ощущения, рисковать. Как-то раз она промчалась в карете триста миль без остановки от своего дома в Истоне до Лендс-Энда⁸⁴ с одной лишь целью – полюбоваться красивым видом. Одной из

После разгрома в 1882 году был приговорен английским судом к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой.

⁸⁴ Лендс-Энд – мыс на юго-западной оконечности полуострова Корнуолл, крайняя юго-западная точка острова Великобритания.

первых она начала ездить на входивших в моду велосипедах. Любовная связь с наследным принцем по своей драматичности и эмоциональному напряжению как нельзя более соответствовала ее натуре, и она отдалась этому роману со всем свойственным ее характеру пылом. Принц тоже забыл обо всем.

С начала 1891 года Эдуард регулярно посещает истонское поместье Франсес. Они любили встречаться в красивом летнем домике, затерявшемся в парке. Там они обменялись кольцами, и принц стал называть ее «моя обожаемая жена Маргаритка». Франсес даже велела провести к дому железнодорожную ветку, чтобы Эдуард мог приезжать к ней в своем личном поезде.

Со временем принц стал менее осторожным. Он стал появляться на людях в обществе Маргаритки – сопровождал ее в церковь и нередко обедал с ней в одном из фешенебельных лондонских ресторанов. Их можно было видеть в «Рулз» на Мейден-Лейн, в «Кафе ройял» и у «Кетнера». Когда они были вдали друг от друга, Эдуард дважды или трижды в неделю писал ей длинные страстные письма.

В 1894 году скончался свекор Маргаритки граф Уорвик, и она стала графиней Уорвик. Кроме Уорвикского замка она унаследовала огромное состояние. Примерно в то же время Франсес попала под влияние У. Т. Стеда, владельца одной из газет и социалиста по убеждениям. Вдохновленная идеями Стеда, Маргаритка бросилась в объятия социализма с той же страстью, с которой привыкла отдаваться своим увлечениям.

Вскоре роман с принцем пошел на убыль, что в равной степени объяснялось ее возрастающим интересом как к политике, так и к другим мужчинам. Эдуард тоже возобновил встречи с другими женщинами, и после 1896 года их отношения стали преимущественно платоническими. Окончательно же они прекратились в 1898 году с рождением ее сына Мейнарда. Однако Франсес навсегда сохранила за собой особое место в сердце Эдуарда, и он не прекращал писать ей вплоть до своей смерти в 1910 году.

И в последующие годы Эдуард делал все возможное, чтобы между его женой и бывшей любовницей сохранялись добрые отношения. Он показал Александре письмо, в котором Маргаритка называла ее «добрым ангелом».

Отвечая на это послание, сам Эдуард так говорил об Александре: «Она искренне прощает и предает забвению прошлое, ибо я подтвердил правоту написанных тобою слов о том, что наша дружба уже несколько лет является чисто платонической. Увы, любимая, это правда, хотя мне и было больно читать все это после тех писем, которые я получал от тебя на протяжении почти девяти лет!»

Впрочем, после смерти Эдуарда Маргаритка оказалась в долгах – их сумма достигала ста тысяч фунтов. С помощью Фрэнка Харриса, журналиста с довольно сомнительной репутацией, она пустила слух, что готова опубликовать переписку с Эдуардом. Георг V немедленно подал на нее в суд, заявив, что все права на эти письма принадлежат королевской семье. Вопрос о публикации отпал и не поднимался после этого еще пятьдесят лет.

С госпожой Кеппель принц Уэльский встретился в феврале 1898 года, когда его связь с Маргариткой прекратилась. Принц тут же увлекся. В том же месяце он познакомился с еще одной женщиной – Агнес Кейзер, к которой тоже проникся нежными чувствами.

Трудно найти двух менее похожих друг на друга женщин, чем эти. Алиса была замужем за Джорджем Кеппелем, сыном седьмого графа Олбермарлского. Эта яркая и пышная двадцатидевятилетняя красавица уже была известна в свете. Писатель сэр Осберт Ситуэлл считал ее очаровательной, любил беседовать с ней и описал, как «она на мгновение вынимает изо рта длинный мундштук с дымящейся сигаретой, поворачивается к собеседнику и устремляет на него огромные, искрящиеся юмором и добротой и вместе с тем удивительно пронизательные глаза».

Муж Алисы, высокий красавец-офицер с внешностью обожаемого дамами актера, и сам

был охоч до женщин. Испытывая самые нежные чувства к своей жене, он вместе с тем полагал, что, способствуя ее связи с королем, выполняет свой патриотический долг. Со временем он проникся искренней любовью к старому распутнику. Когда их постигли денежные трудности – в основном из-за легкомысленных трат Алисы, – Джордж охотно пошел работать к сэру Томасу Липтону⁸⁵ по совету и при содействии короля.

Агнес Кейзер, в отличие от Алисы, была сорокашестилетней старой девой приятной наружности. Она обладала отзывчивым и одновременно твердым характером доброй гувернантки, а также пронзительным голосом, хорошо слышным в самом дальнем конце самого длинного коридора. Агнес родилась в семье довольно богатого биржевика, который организовал лечебницу для офицеров на Гросвенор-Кресент в Лондоне. Эта лечебница содержалась, в частности, на пожертвования богатых друзей принца Уэльского.

Агнес командовала принцем и вместе с тем опекала своего царственного ухажера как никто другой. Она практически не имела контактов с высшим обществом и принимала Эдуарда в своей удобной чистенькой квартире на верхнем этаже больничного здания. Иногда они играли в шашки, и Агнес постоянно предупреждала Эдуарда о том, какой вред здоровью причиняет неумеренность в пище. За столом мисс Кейзер Берти мог отвесть только самые простые блюда – тушеную баранину с луком и картофелем и молочный пудинг.

Несмотря на сильную привязанность принца к Агнес Кейзер, в их отношениях не доставало сексуального ингредиента, который мог бы продлить этот союз. Поэтому именно Алиса Кеппель стала женщиной, которая любила Берти и которой он отвечал взаимностью все оставшиеся годы.

Первоначальным толчком к их связи послужила сексуальная тяга, и вскоре Алиса показала, что обладает всеми качествами, необходимыми для любовницы стареющего монарха. Добрая, веселая, умная и умеющая хранить тайны, она стала прежде всего настоящим другом короля. При ней Эдуард всегда был в добром расположении духа и не испытывал скуки.

Принц Уэльский взшел на престол почти в шестидесятилетнем возрасте. Он растолстел и облысел – сказались сорок лет обжорства, попок и бдений за карточным столом. Отбросив имя своего отца – Альберт, – он стал править как Эдуард VII.

Новый король упорно перемещал имущество матери в кладовые Виндзорского замка и разорял покои принца Альберта, которые со времени его кончины сохранялись в неприкосновенности как святыня. Кроме того, нарушив завещание матери, он передал семейный дом Осборн-Хаус в ведение военно-морского флота для размещения там королевского морского училища.

Коронация была назначена на 26 июня, но Эдуард заболел и едва не умер от перитонита, поэтому церемонию пришлось отложить. Огромное количество специально приготовленных блюд нельзя было отправить на помойку. Две с половиной тысячи перепелок, триста бараньих ног, устрицы, креветки, бекасы, а также консоме из фазанов и рыба, отваренная в шабли, были розданы беднякам из лондонского Ист-Энда. К тому моменту, когда король наконец был коронован, это случилось 9 августа, он в глазах народа превратился из пустого прожигателя жизни в самого популярного монарха со времен Карла II.

Во время коронации, проходившей в Вестминстерском аббатстве, ложа над алтарем была предназначена для королевских любовниц. Место это получило название «королевский денник»⁸⁶. Среди прочих дам там разместились Сара Бернар, леди Килмори, госпожа Хартманн, госпожа Паже и госпожа Алиса Кеппель. Генри Джеймс, американский писатель, позже ставший британским гражданином, откровенно и прямо назвал нового короля

⁸⁵ Томас Липтон – основатель крупнейшей чайной компании.

⁸⁶ Денником называют отдельное стойло в конюшне, где лошадь стоит без привязи.

«величайшим пошляком, Эдуардом Распутником».

Госпожа Кеппель вскоре получила статус официальной любовницы. Приглашая короля на уикэнд в загородные имения, хозяева внимательно следили за тем, чтобы в списки приглашенных попала и госпожа Кеппель. Ее обожали все, включая покладистого и услужливого мужа.

Алиса вела себя скромно и не обращала внимания на пересуды. Даже Александра испытывала к ней чувство признательности за благотворное влияние на короля, и госпожа Кеппель оказалась единственной из королевских любовниц, которая регулярно получала приглашения в Мальборо-Хаус и Сандринхем.

Ее рассудительность и осторожность позволяли правительству обращаться к ней как к посреднику, если нужно было повлиять на Эдуарда. Лорд Хардиндж Пенсхерст, вице-король Индии, заметил: «В двух-трех случаях, когда король был не согласен с министерством иностранных дел, я сумел с ее помощью дать королю нужный совет, в результате чего точка зрения правительства получила его одобрение».

Королевскую чету и супругов Кеппель часто приглашали на одни и те же приемы. Некоторые – например, герцог Портлендский, маркиз Солсбери и герцог Норфолкский – смотрели на Алису сверху вниз. Но король из озорства иногда сажал рядом с госпожой Кеппель архиепископа Кентерберийского.

Несмотря на свой возраст, Эдуард продолжал распутную жизнь. Он поддерживал любовную связь с несколькими замужними дамами высшего света, а лето, как обычно, проводил в Париже или Мариенбаде. Госпожа Кеппель никогда не выказывала ревности или недовольства. Как и Александра, она научилась терпеливо сносить его неверность.

Каждый раз на Пасху они отправлялись в Биарриц, наслаждались там совместными прогулками, посещали казино, а то и просто играли в бридж у себя дома. Однажды король разбил Алису за просчет в игре. Она извинилась и прибавила, что никогда не могла «отличить короля от валета».

Несмотря на государственные дела, Эдуард и госпожа Кеппель не расставались надолго. Они неизменно проводили вместе уик-энд, и король часто заезжал в элегантный дом семейства Кеппель на Портмен-сквер. Две юные дочери Алисы относились к нему как к собственному деду и даже позволяли себе милые шалости: пускали кусочки хлеба с маслом вниз по безупречным брюкам короля.

В 1910 году у Эдуарда случилось несколько сердечных приступов. Вскоре стало ясно, что король умирает. Когда его состояние ухудшилось, кто-то сообщил Александре, что госпожа Кеппель, которая ушла от Эдуарда накануне, не собиралась возвращаться до следующего дня.

«Будет слишком поздно», – ответила королева. Она приказала немедленно послать за любовницей мужа.

После смерти короля дом Кеппелей погрузился в глубокий траур. Одна из дочерей спросила Джорджа Кеппеля со слезами на глазах: «Почему так много значит, когда умирает король?» На что добрый и отзывчивый рога носец ответил: «Это потому, что король был очень-очень хорошим, чудесным человеком».

Корону должен был унаследовать сын Эдуарда VII Эдди, оказавшийся гомосексуалистом. В Кембридже принц пережил бурный роман со своим воспитателем Джеймсом Стивенсом, который сошел с ума от горя, когда Эдди оставил его и вступил в гусарский полк. Кроме того, принц являлся членом печально известного клуба «Хандред-гиниз» на Кливленд-стрит, где косил имя «Виктория». Из-за членства в этом клубе он оказался замешанным в постыдном «скандале на Кливленд-стрит», связанном с содержащимся там мужским борделем.

Репутация распутника заставила некоторых исследователей предположить, что Эдди был Джеком Потрошителем. Кое-кто считал, что принц замешан в убийстве ребенка,

рожденного от него проституткой.

До помолвки с принцессой Марией Текской Эдди имел по крайней мере две гомосексуальные связи. Не успев жениться, принц заболел – как было объявлено – пневмонией. На самом деле он, скорее всего, заразился сифилисом от какой-нибудь шлюхи. Эдди умер, так и не став королем.

Его младший брат Георг рос рядом с Эдди, и воспитатели относились к ним как к близнецам. Повзрослев, молодые люди одновременно стали морскими офицерами. В Сент-Джонс-Вуде братья даже имели одну общую любовницу. По словам Георга, она была «девица что надо». Блестящий морской офицер, Георг имел также любовницу в Саутси – что было удобно, ибо это место находилось неподалеку от его военно-морской базы в Портсмуте.

Однако в Георге не было и следа той беспечности, которая отличала его брата. Он строго следовал требованиям дисциплины и во всем слушался матери, которую часто называл «милая моя, дорогая, любимая мамулечка». Несмотря на его преданную любовь, принцесса Александра упрекала сына за то, что Георг навлек на нее «печальную и позорную участь быть матерью карлика». Его рост равнялся пяти футам и семи дюймам.

Королева Виктория пыталась женить юношу на пятнадцатилетней «Мисси», принцессе Марии Эдинбургской, в обществе которой он провел немало времени, когда был на Мальте. Но принцесса предпочла ему румынского короля Фердинанда.

Затем Георг пережил трагическую связь с Жюли Сонор, внучкой сэра Роберта Пила – она была незнатной по происхождению и к тому же католичкой. Хотя молодые люди любили друг друга, брак между ними оказался невозможным согласно Акту о престолонаследии. Они остались друзьями на всю жизнь.

В конце концов Георгу пришлось жениться на невесте своего покойного брата, принцессе Марии Текской. Это положило конец его романтическим мечтаниям. «Мне так хотелось, чтобы ты был счастлив в браке, – сказала сыну принцесса Александра, – но, боюсь, мое желание неосуществимо».

И в самом деле, это был брак без любви. После свадьбы фрейлина леди Джеральдина Сомерсет писала: «Со всей очевидностью, они даже не пытаются делать вид, что занимаются любовью».

Замечание фрейлины, правда, противоречит анекдоту, прозвучавшему в то время со сцены мюзик-холла. Наутро после свадьбы Мария спрашивает Георга: занимаются ли «этим» простые люди. Георг отвечает, что, по его мнению, занимаются. «Так вот, – говорит Мария, – им нельзя этого позволять. Уж слишком это хорошо».

Женитьба ничего не изменила. Мать писала принцу: «Нас связывают узы любви – любви матери и ее чада, и никто не в силах эти узы разорвать или ослабить, никто не посмеет встать между мной и моим дорогим сыночком».

Впрочем, повинувшись королевскому долгу, Мария и Георг исправно исполняли свои супружеские обязанности и произвели на свет шестерых детей, один из которых, Джон, болел эпилепсией и редко фигурировал на семейных портретах. До 1919 года он жил отдельно от семьи под присмотром няни и умер в четырнадцать лет.

Помимо парусного спорта и охоты на птиц, Георг V имел только одно увлечение: он коллекционировал почтовые марки Британской империи. На всех этих марках был изображен его портрет. Один известный психолог высказал предположение, что наедине с собой Георг занимался онанизмом.

Во время первой мировой войны Георг ввел запрет на употребление алкоголя при дворе, а фрейлинам не разрешалось носить модные укороченные юбки, открывающие взору один-два дюйма ног. «При дворе, – гласила директива, – запрещено демонстрировать лодыжки».

Королева Мария недалеко ушла от мужа. Она заявила, что рождение детей считает «грубым оскорблением чувств».

7 июля 1917 года, после дневного налета на Лондон двадцати четырех немецких

бомбардировщиков, в результате которого погибло сорок четыре англичанина и еще сто двадцать пять получили ранения, толпа в ярости набросилась на принадлежащие немцам дома. Георг V решил, что настало время изменить династическое имя, сделать его более английским. Так, на месте Саксен-Кобург-Готской династии появился дом Виндзоров.

Все было проделано тихо и без шума, и Георг V продолжал свое благостное и спокойное существование, прерванное лишь однажды слабым намеком на скандал. Во время его восшествия на престол двору пришлось принять меры, чтобы положить конец распространившимся слухам о том, что еще до брака с Марией Георг был женат на Мэй, дочери адмирала Кулме-Сеймура.

Над издателем республиканской газеты «Либерейтор» Милиусом, напечатавшим эти сведения, состоялся судебный процесс. Лорд главный судья отказал защите обвиняемого в праве вызова в зал суда самого короля. Милиус был признан виновным и приговорен к году тюремного заключения. Освободившись, издатель повторил свое клеветническое утверждение в Америке, но на этот раз никаких мер к нему принято не было.

Благодарный монарх наградил генерального прокурора сэра Руфуса Айзекса и помощника генерального прокурора сэра Джона Симмона, в чьем ведении находилось это дело, орденом королевы Виктории. Сэр Джон Симмон стал министром иностранных дел и лордом-канцлером. Сэр Руфус Айзеке, впоследствии лорд Ридинг, получил место лорда главного судьи и вице-короля Индии, несмотря на вполне обоснованные обвинения в том, что он служит интересам фирмы «Маркони».

Ходили слухи и о том, что Георг являлся с проститутками на морских курортах. Поговаривали о его старой связи с королевой Марией-Кристиной, вдовой испанского короля Альфонсо XII, в результате которой на свет появилась внебрачная дочь Хелле-Кристина Габсбург-Виндзорская, жившая на Мальте до 1990 года, где она и скончалась в возрасте ста лет.

Глава 13

История величайшей любви

Решение Эдуарда VIII отречься от престола ради женитьбы на Уоллис Симпсон считается свидетельством великой любви. Но справедливо ли это? Существует предположение, что королем управляло исключительно сексуальное влечение к этой женщине.

В молодости принц Уэльский был удивительно похож на своего деда Эдуарда VII. Но когда Дэвид – это имя принц носил до вступления на престол, – которому еще не исполнилось двадцати, получил первые сведения о сексе от преподобного Райта, он написал своему другу письмо, где признавался, что никогда не испытывал «сексуального голода».

Во время первой мировой войны принц побывал в одном из борделей Кале, после чего заявил, что вид проституток «внушает ему глубочайшее отвращение». Первый сексуальный опыт он приобрел в Амьене, затем расширил его с некоей куртизанкой в Париже. Похоже, в его жилах все же текла ганноверская кровь. По недомыслию он писал своей парижской возлюбленной, и эти письма стали причиной шантажа, вызвавшего у принца кратковременную панику.

Вернувшись в Лондон, Эдуард принялся ухаживать за леди Сибил Кэдоган, а потом влюбился в Мэриан Коук, замужнюю женщину старше его на двенадцать лет. Затем последовали другие связи, причем особое влечение принц испытывал к замужним дамам. Одной из них была Фрида Дадли Уорд, разведенная жена одного из членов парламента. Они встретились во время налета цеппелинов, когда Фрида искала укрытие в доме, где Эдуард находился в качестве гостя.

Их связь длилась два года, но принц не хранил верности своей любовнице. Всегда находились чьи-то жены и дочери, изъявляющие готовность пойти навстречу желаниям наследника трона. Последовал стремительный роман с Одри Джеймс, дочерью

американского промышленника. До своего замужества Одри отвергала притязания принца, но после ее свадьбы «они очень весело провели время, хотя веселье длилось недолго».

Когда Одри к нему охладела, Эдуард переключился на леди Тельму Фернесс, дочь американского дипломата, сбежавшую в возрасте шестнадцати лет с человеком вдвое старше ее. Вскоре они развелись, и Тельма вышла замуж за виконта Фернесса, кораблестроительного магната, заслужившего печальную славу любителя бренди и женщин. Тельма встретила принца в 1928 году в Кении, где под африканским небом «они чувствовали себя так, как если бы остались одни в целом мире».

Впав в романтическое настроение, леди Тельма записала в своем дневнике: «То был наш рай, и лишь мы населяли его. Его объятия были единственной реальностью, его слова любви – единственной моей связью с жизнью. Вознесенная приливом его страсти, я почувствовала, что совершенно теряю контроль над собой. И с каждой ночью меня все более полно поглощала наша любовь».

Впрочем, позже, когда первоначальный пыл угас, дама жаловалась на то, что в сексуальном плане Эдуард оставлял желать лучшего. Одри, и не только она одна, дала ему довольно неприятную кличку «Малыш». В морском училище, занимавшем Осборн-Хаус, принца называли «Сардинка», а не «Кит»⁸⁷.

Возвращаясь из Нью-Йорка в Англию, Тельма встретила скандально известного плейбоя Али-Хана, сына Ага-Хана. В восемнадцать лет отец послал его в Каир, чтобы профессионалки из лучших борделей научили Али-Хана искусству задерживать семяизвержение. О нем говорили: «Рождество приходит раз в год, и Али кончает раз в год».

Принц Уэльский немедленно бросил Тельму. Он был беззастенчивым расистом. В 1925 году во время поездки в Южную Африку он отказался танцевать с черными женщинами, приглашенными на прием по случаю прибытия его корабля в Сьерра-Леоне, заявив: «Нет, это уж слишком».

Не исключено, что у Эдуарда были и гомосексуальные устремления. Писатель-гомосексуалист Литтон Стречи как-то упомянул, что видел «весьма привлекательного белокурого клиента» в Галерее Тейт⁸⁸, но потом обнаружил, что это был принц Уэльский. «Я предпочел скрыться – не исключаю, что напрасно, – писал Стречи. – Мог зародиться замечательный роман».

Тем временем место Тельмы в постели принца Уэльского заняла ее ближайшая подруга Уоллис Симпсон, американка из богатой виргинской семьи. Ее первый муж, лейтенант Уинфилд Спенсер, служил в морской авиации. Он был алкоголиком, и за ним числилось несколько любовных связей – как с женщинами, так и с мужчинами. С Уоллис он обращался как ревнивый садист – привязывал к кровати и избивал.

Со своей стороны, Уоллис имела за плечами связь с итальянским послом принцем Джелазо Гаэтани и аргентинским дипломатом Фелипе Эспилом, который, как говорили, лучше всех в Вашингтоне танцевал танго.

Путешествуя по Китаю в двадцатых годах, Уоллис побывала в публичных домах с такими названиями, как «Поле сверкающих цветов» и «Клуб милашек и мандаринов». Повидала она и роскошные «цветочные лодки», где подавали изысканные блюда и предоставляли возможность предаваться самым утонченным эротическим утехам, изобретенным специалистами в искусстве любви. Там Уоллис научилась необычному, «извращенному» сексу. Эти уроки включали наблюдение за сексом лесбиянок и участие в сеансах любви втроем в отсутствие мужа. Познакомилась она и с фэн-чанг – древнекитайским эротическим искусством. Мужчина при этом расслабляется в результате длительного и особым образом исполняемого массажа сосков, живота, бедер и – после

⁸⁷ Имеется в виду схожесть написания и звучания двух английских слов – whales (кит) и Wales (Уэльс).

⁸⁸ Картинная галерея в Лондоне. Основана в 1897 г. и носит имя основателя Генри Тейта.

долгого и мучительного перерыва – гениталий, такой массаж проводится с использованием подогретого масла. Приверженцы этого искусства знают расположение главных нервных центров и умеют с помощью нежных поглаживаний кожи возбудить даже самого холодного мужчину.

Эта техника весьма эффективна и для мужчин, страдающих преждевременным семяизвержением. Сильное давление, прикладываемое между мочеиспускательным каналом и анусом, может практически на неограниченное время задерживать наступление оргазма. По свидетельству одного из друзей Уоллис, она овладела этим искусством после того, как ее первый муж покинул ее и ушел к молодой красивой художнице.

В Шанхае Уоллис «наслаждалась дружбой» с молодым американцем по имени Робби, а в Пекине у нее завязался долгий роман с Германом Роджерсом, также американцем, причем весьма богатым. Кроме того, по слухам, Уоллис находилась в любовных отношениях с госпожой Мэри Седлер, женой адмирала Ф. Х. Седлера. Поговаривали также, что Уоллис, Герман Роджерс и его жена Кэтрин занимались любовью втроем. Помимо всего прочего, Уоллис подозревали в торговле наркотиками.

Не вызывает сомнений, что у Уоллис были любовные связи с итальянским военно-морским атташе Аберто де Зара и графом Галеаццо Чьяно, ставшим впоследствии министром иностранных дел в правительстве Муссолини. От Чьяно Уоллис забеременела и в результате неудачного аборта лишилась возможности иметь детей.

Вернувшись наконец в Америку, она в Нью-Йорке встретила с британским гражданином Эрнестом Симпсоном. Начался пылкий роман. Оба не были свободны, но сумели стремительно развестись, пожениться и переехать в Лондон.

Однако супружество ничего не изменило. Уоллис отправилась на юг Франции в чисто женской компании – с Консуэлой То и Глорией Вандербильт. Уоллис жила в одной комнате с Консуэлой, но это не мешало ей выходить на охоту за подходящими партнерами-мужчинами.

Уоллис Симпсон и принц Уэльский вращались в одних и тех же кругах. Кроме того, Уоллис была близким другом Тельмы Фернесс. Все это делало ее встречу с принцем неизбежной.

В 1934 году у принца Уэльского появились два внебрачных сына – один был рожден младшей сестрой старой любовницы Эдуарда, а другой – названный Энтони Криксольм – стал крестником принца. Но уже в 1935 году Георг V обвинил принца в любовной связи с Уоллис. Эдуард с негодованием отверг эти обвинения, хотя прислуга видела их обоих в спальне принца.

По словам одного из друзей Эдуарда, искусство, освоенное Уоллис в Китае, не смогло полностью преодолеть недостаток мужской силы принца, о котором к тому времени так открыто говорила Тельма Фернесс. Существуют определенные сомнения по поводу того, что между Эдуардом и Уоллис имела место обычная физическая связь – полноценный половой акт. Однако она могла дать ему облегчение. Обнаружив в Эдуарде явно выраженные мазохистские наклонности, Уоллис могла удовлетворить все его сексуальные фантазии.

Влюбленные занимались изощренными эротическими играми, включая ситуации «няня-дитя», в которых она господствовала, а он с радостью подчинялся. Удовлетворяя эти потребности принца, которые, возможно, он никогда прежде не выражал, Уоллис заслужила его вечную благодарность и поняла, что Эдуард будет зависеть от нее всю жизнь. В таких обстоятельствах любой мужчина отказался бы от трона.

Возможно, однако, что принц просто страдал преждевременным семяизвержением в крайней форме, а Уоллис научила его справляться с этим недостатком. Кроме того, ходили слухи, будто бы она сделала операцию по сужению влагалища (что весьма высоко оценил Эдуард), а также была мастером фелляции.

Пока госпожа Симпсон услаждала принца Уэльского, ее муж Эрнест завязал роман с Мэри Раффрей. Образовалась семья из четырех человек – довольно скандального свойства. Но Уоллис этого оказалось мало. В то время как в Германии к власти пришли нацисты,

распространился слух, будто Уоллис вступила в связь с немецким послом фон Риббентропом.

Из писем госпожи Симпсон становится ясно, что она не любила принца Уэльского. Ей доставляло удовольствие ощущение власти над этим человеком. Однажды в присутствии нескольких друзей она велела Эдуарду: «Сними мои грязные туфли и принеси другие». К всеобщему изумлению, принц встал на колени и исполнил приказание. Фрида Дадли Уорд сказала как-то: «Он превращался в раба той, кого любил, и во всем от нее зависел. Такова была его натура – натура мазохиста. Он любил, когда им помыкали».

Когда принц Уэльский стал королем, он решил отказаться от имени Дэвид и править под именем Эдуард, как и его печально известный дед. Понимая, что ему не обойтись без Уоллис, он пожелал сделать ее своей женой.

Госпожу Симпсон и ее супруга быстро развели. Эрнеста обнаружили в одном из отелей с Баттеркап Кеннеди. Говорят, Эрнест при этом выразил сожаление, что может предоставить королю только одну жену.

Эдуард и госпожа Симпсон отправились в круиз по Средиземному морю. Пока властям удавалось не допускать появления информации о связи короля и Уоллис на страницах английской прессы, американские газеты вовсю кричали об этой сенсации века, приветствуя «королеву Уолли». В Англии грядущее бракосочетание короля вызвало ряд политических проблем. Премьер-министр Стенли Болдуин полагал, что английский народ не одобрит такой брак.

– Почему бы не позволить королю жениться на своей профурсетке? – горячо спорил Черчилль.

– Да потому, что Англии не нужна королева-профурсетка, – ответил драматург Ноэль Ковард.

Когда возникший кризис стал предметом обсуждения на страницах английской прессы, госпожа Симпсон уехала во Францию и заявила, что отказывается от брака. Но король не пожелал уступить. 11 декабря 1936 года он отрекся от престола, не пробыв на нем и года.

«Как это похоже на него, – заметил один остроумец, – отказаться от должности адмирала флота, чтобы стать третьим помощником на балтиморском пароходишке»⁸⁹.

Услышав об отречении за обедом в отеле «Ритц», Алиса Кеппель сказала: «В прежние времена из таких положений находили более удачный выход».

Эдуард VIII, теперь уже герцог Виндзорский, отправился в постоянную ссылку с госпожой Симпсон. Хотя они сочетались браком, его брат Георг VI, унаследовавший престол, отказался удостоить герцогиню титула Ее Королевского Высочества и навсегда запретил супругам возвращаться в Англию.

Об Эдуарде VIII говорят, что он отказался от всего ради любимой женщины. Однако в пятидесятые годы Уоллис устала от его докучливой любви и вступила в открытую связь с нью-йоркским плейбоем Джимми Донахью, наследником состояния «Вулворта»⁹⁰.

Джимми Донахью был известным гомосексуалистом. Той же сексуальной ориентацией отличался и его отец, покончивший с собой, когда ему изменил любовник – молодой человек, работавший механиком.

Корреспонденты наперебой фотографировали Донахью рука об руку с красивыми, ищущими популярности женщинами, но он оставался чистым гомосексуалистом. В своем доме Джимми устраивал оргии с платными юношами. Он был близким другом кардинала Спеллмена, получившего скандальную известность в Нью-Йорке за свои связи с мужчинами-проститутками и молодыми привлекательными католическими священниками.

⁸⁹ Смысл шутки становится яснее, если принять во внимание, что слово «mate» имеет значения «помощник» и «супруг», а слово «tramp» – «грузовой пароход» и «проститутка».

⁹⁰ Американская торговая компания, владеющая сетью дешевых универсальных магазинов.

Говорили, что однажды Спеллмен явился на вечеринку в дом Донахью в бальном платье.

По слухам, в 1947 году, когда Донахью представили герцогу и герцогине Виндзорским, Эдуард испытал сильнейшее влечение к Джимми, и в течение года между ними длился полный страсти роман. Для маскировки Донахью на людях флиртовал с герцогиней, а герцог делал вид, что ему отвратительны все гомосексуалисты. Бытует и другая точка зрения: Уоллис действительно вступила в связь с Донахью, пытаясь привить ему гетеросексуальные наклонности.

Ноэль Ковард, ставший близким другом Виндзоров после отречения, так обобщил свое отношение к возникшей ситуации: «Мне по душе Джимми. Он псих и гомик, но с ним весело. Мне по душе и герцогиня. Она, конечно, та еще ведьма, но это мне в ней и нравится. Что касается герцога... Хотя он и делает вид, что я ему приятен, на самом деле он меня терпеть не может, поскольку мы оба голубые. Правда, в отличие от него, я этого не скрываю. Так что у Уоллис есть возможность спать с двумя педерастами – одним королем и одним богачом».

После короткой размолвки Донахью, герцог и герцогиня отправились в совместное путешествие, но вскоре этот «союз троих» распался – отчасти из-за растущей свиты наемных юношей, сопровождавших Джимми, отчасти из-за его любви к чесноку. Ни герцог, ни герцогиня не могли выносить чесночного запаха, пропитавшего дыхание Донахью.

После Эдуарда VIII на престол вступил Георг VI. Он отличался болезненной застенчивостью и сильно заикался. Характер Георга VI как и Эдуарда VIII был сформирован под влиянием их невзрачной воспитательницы, которая тряслась над Дэвидом, но почти не уделяла внимания Альберту, будущему королю Георгу. Она, бывало, в порыве нежности так щипала юного принца Уэльского, что тот кричал, и королева Мария приказывала отвести его обратно в детскую. Она же испортила пищеварение герцога Йоркского, не следя должным образом за его питанием. В конечном счете, в результате переутомления – родители Дэвида и Альберта ни разу не дали ей отпуска – бедная воспитательница заработала истощение нервной системы и была уволена.

Пока принц Уэльский не жалел усилий, чтобы как-нибудь огорчить своего отца, герцог Йоркский всегда старался угодить Георгу V и даже взял его имя, когда взошел на престол.

Хотя Элизабет Боуэс-Лайон и не имела титула, она была представлена принцу Уэльскому в надежде, что они заключат ранний брак. Поначалу принц не обратил на нее особого внимания, а Элизабет, в свою очередь, «хорошо знала, что ей нужно, а именно – абсолютная чистота».

Несмотря на это, робкий юноша Альберт уговорил Элизабет выйти за него, хотя ему и пришлось трижды выслушивать ее отказ.

Герцог Йоркский никогда не рассчитывал стать королем. Он не мог предусмотреть ни кризиса, приведшего к отречению брата, ни перспективы оказаться во главе страны, вовлеченной в мировую войну. Накануне столь нежелательного для него восшествия на трон наибольший интерес для герцога представляли организованные им лагеря, где дети из трущоб и ученики привилегированных школ могли свободно общаться друг с другом.

Георг был заядлым курильщиком и умер от рака легких в 1952 году. К концу жизни курение также сделало его импотентом. Кроме того, он страдал от болезни Бергера, вызывающей нарушение циркуляции крови в ногах и, почти наверняка, ограничение кровотока к пенису, что приводит к ослаблению эрекции.

В то время как Георг VI был пуритански строг в вопросах морали, его младший брат Джордж, герцог Кентский, отличался гораздо большим жизнелюбием. В тридцатые годы у него были романы с несколькими молодыми женщинами высшего света, причем, по крайней мере, с двумя из них речь шла о браке – с Лу Стюарт и Поппи Баринг.

Тогдашний принц Уэльский ввел Джорджа в театральные круги, и тот приобщился к гомосексуализму. По слухам, у Джорджа была связь с аргентинским дипломатом и

итальянским аристократом, Ноэлем Ковардом и сэром Малькольмом Сарджентом.

Говорили также о скандале, связанном с его письмами, посланными одному молодому человеку в Париж. Чтобы выкупить эти письма, пришлось заплатить изрядную сумму. А как-то раз Джорджа арестовали в сомнительном ночном клубе «Психушка». Принц провел несколько часов в камере, пока его личность не была установлена.

Джордж пробовал нюхать кокаин – модный в тридцатые годы наркотик. Сам принц Уэльский был не чужд этого. В посещаемом им клубе «Матейга» белый порошок втягивали в нос как раз перед тем, как провозгласить тост за монарха. А молодая американка Кики Уитни Престон познакомила Джорджа с морфием.

В конце концов Джордж сделал то, чего от него ожидали. Он женился на принцессе-цесаревне Марине, которая состояла в родстве с греческой королевской семьей и российским императорским домом. К гомосексуалистам Марина относилась терпимо и чувствовала себя среди них вполне комфортно. После гибели Джорджа в авиакатастрофе во время войны ее любовником стал Дэнни Кей, прежде находившийся в гомосексуальной связи с принцем.

Когда Георг VI безвременно скончался, его вдове, королеве-матери, было всего пятьдесят два года. Ее знали как чрезвычайно жизнелюбивую и веселую женщину, и на протяжении последних сорока лет немало мужчин проявляло к ней интерес.

Одной из причин такого внимания является ее острое чувство юмора. Однажды вечером, не дождавшись своего обычного коктейля, королева-мать попыталась вызвать слугу, но на ее звонок никто не явился. В гневе она спустилась вниз и увидела двух спорящих лакеев. «Когда вы, два старых педика, закончите свой спор, принесите джин с тоником старой королеве⁹¹», – сказала она язвительно. В другой раз одного из ее слуг задержали за неаккуратное пользование общественным туалетом, и королева-мать послала за ним лимузин с букетом цветов и запиской: «Ах ты шалун!»

В 1990 году королева-мать даже проговорила, что она действительно была влюблена в принца Уэльского до отречения.

Глава 14

Добрая королева Бесс

Несмотря на шокирующие выходки предков, жизнь королевской семьи в наши дни представляется безупречной. Жизнь эта всегда была окутана тайной, и до прибытия в Англию газетного магната Руперта Мердока британская пресса оставалась почтительной к королевскому дому и отказывалась писать что-либо о шалостях обитателей дворца. Однако иностранные издания с энтузиазмом ловили любые скандальные слухи о членах королевской семьи.

Конечно, делать какие-либо непристойные предположения о самой королеве было бы актом государственной измены. Хотя иногда и возникали разговоры о ее романтических отношениях с управляющим королевскими бегами лордом Порчестером, никто по-настоящему не верит в эти измышления. Вместе с тем проникнуть в спальню королевы совсем нетрудно, что и доказал неудачливый грабитель Майкл Фэген в 1982 году.

Во время расследования этого преступления выяснилось, что в Букингемском дворце в помещениях прислуги происходят гомосексуальные контакты, устраиваются шумные пирушки, имеют свободное хождение наркотики. После официальных приемов слуги устраивают свалку за право обладать остатками еды и напитков. Популярны и такие соревнования – кто первым добежит до кресла королевы, усядется в него и начнет отдавать распоряжения. Как-то раз после довольно длинной смены одна из официанток, работавшая во дворце, сорвала с себя бюстгальтер, изображая стриптиз.

⁹¹ Острота построена на двух значениях слова «queen» – «королева» и «педераст».

Кроме того, несколько слуг из окружения королевы были арестованы за гомосексуальные домогательства. Трое были заклеены позором после того, как устроили гомосексуальную оргию в одной из огромных эмалированных ванн дворца. Даже восьмидесятилетный служитель, ведавший королевской кухней, попался с проституткой, о чем не преминула написать «Ньюс оф зе уорлд».

Принц Филипп родился в Греции, но в жилах его течет датская и немецкая кровь. Его дядю выслали из страны за поддержку Германии во время первой мировой войны. Во время боевых действий британский военный корабль увез мать Филиппа на остров Корфу, бывший в то время английским протекторатом. Там на вилле Монрепо Филипп родился и провел детство.

У лорда Льюиса Маунтбаттена, приходившегося Филиппу дядей, были грандиозные планы на его счет. Он намеревался женить племянника на наследнице английской короны. Впервые Филипп встретился с Елизаветой, когда ей было всего тринадцать, и вскоре между ними завязалась оживленная переписка. Однако во время войны он часто виделся со своей кузиной, двадцатилетней принцессой Александрой. Они встречались в Греции, Египте и Южной Африке. Затем она появилась в Лондоне, и молодые люди в течение двух лет поддерживали тесные отношения.

Позже принцесса Александра вышла замуж за короля Югославии Петра и остаток жизни провела в изгнании. А принц Филипп продолжил свое ухаживание за наследницей английского престола. Жил он в семье маркиза Милфорд-Хейвенского, известного, во-первых, своей порнографической коллекцией, хранящейся в библиотеке особняка Линден-Манор, и во-вторых, женитьбой на лесбиянке по имени Нада, любовнице Эдвины Маунтбаттен. Среди поклонников последней следует назвать джазового певца «Хатча» и Неру.

Позже Филипп поселился в доме дяди «Дики», лорда Маунтбаттена. Всю жизнь лорда сопровождали слухи о его гомосексуализме. Кроме того, он считается первым мужчиной, брюки которого имели гульфик на молнии. «Иногда мгновение решает все», – говорил он в шутку своим слугам.

Лорд Маунтбаттен (поменявший в свое время имя с немецкого Баттенберг) помог племяннику стать британским гражданином как Филипп Маунтбаттен, а не под своим первоначальным именем Филиппа Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбурга. Лорд напомнил о службе Филиппа на борту корабля ВМФ Великобритании во время войны, обойдя молчанием тот факт, что все его сестры вышли замуж за высокопоставленных нацистов, один из которых, летчик люфтваффе, бомбил английские города. Отец Филиппа, принц Эндрю, тоже оказался неудобной фигурой. Он жил с вдовой-француженкой мадам Андре де ла Бинь на ее яхте в Монте-Карло.

Даже во время ухаживания за Елизаветой Филиппа нередко видели без нее в клубах Уэст-Энда, где он пил и танцевал. Предполагается, что и после женитьбы он проводил время в обществе «хозяек» ночных клубов. Кроме того, достоверно известно, что Филипп входил в неформальный мужской клуб, среди членов которого был и доктор Стивен Уорд, одна из ключевых фигур в скандале, связанном с Профьюмо. Советский шпион Евгений Иванов, покупавший услуги проститутки Кристины Килер наряду с министром обороны Джоном Профьюмо, говорил, что передал русскому ГРУ компрометирующие материалы на принца Филиппа, а возможно, и на саму королеву.

Имя Филиппа связывали и с греческой певицей Элен Корде, которую он знал с юности и которая родила двух внебрачных детей. Поговаривали также о романах Филиппа с французской артисткой кабаре Анной Массе, от которой у него якобы есть дочь Шарлотта, и актрисой Пат Кирквуд. Все эти слухи опровергались – с различной степенью убедительности.

Королева терпеливо сносила его длительные отлучки. Предполагалось даже, что, если принц Филипп нуждается в удовлетворении своих сексуальных потребностей вне семьи, она готова принять это как неизбежность.

Сексуальная жизнь принцессы Маргариты более открыта для общества. Еще в юности она влюбилась в полковника авиации Питера Таунсенда, разведенного мужчину вдвое старше ее. Американская пресса быстро откликнулась на это событие, но английские газеты хранили молчание. Наконец «Санди пипл» набралась смелости и повторила то, что уже давно публиковалось за рубежом.

Хотя полковник развелся со своей женой на том основании, что она ему изменяла, Букингемский дворец и правительство, все еще не пришедшие в себя после скандального отречения Эдуарда VIII, преисполнились решимости не допустить брака Маргариты и Таунсенда. Одним из главных противников этого брака оказался принц Филипп – несмотря на то что Таунсенд поддерживал принца, когда тот добивался руки принцессы Елизаветы. Полковника отослали в Бельгию, и всякий раз, когда ему нужно было по делам возвращаться в Англию, Маргарите сообщали, что благоприятный момент для их брака пока не наступил. В конце концов ей дали понять, что, достигнув возраста двадцати пяти лет, она сможет выйти замуж без согласия королевы, хотя при этом ей пришлось бы отказаться от своего места в линии наследования престола и от выплат по цивильному листу⁹². Впрочем, к двадцати пяти годам Маргарита уже не захотела выходить за Таунсенда.

Огорченная принцесса пристрастилась к посещению ночных клубов, и вскоре ее имя стали упоминать в прессе в связи с другими мужчинами. Одним из них был Билли Уоллес. По слухам, принцесса уже собиралась объявить об их помолвке, когда он улетел на Багамы и закрутил там страстный роман с местной молодой женщиной. После его возвращения Маргарита разругалась с Уоллесом в пух и прах, и на этом их связь прекратилась.

С Колином Теннантом она была «просто в дружеских отношениях», а потом встретила фотографа Энтони Армстронга-Джонса. Какое-то время принцессе пришлось делить Энтони с жившей у него любовницей, фотомodelью Жаки Чэн, но когда Маргарита и Армстронг-Джонс стали встречаться в его убогой квартирке, девушка оттуда съехала.

Еще до их помолвки ходили усиленные слухи о «голубых» наклонностях Армстронга-Джонса. Слухи эти вспыхнули с новой силой, когда Энтони предложил известному гомосексуалисту Джереми Фраю быть шафером на его свадьбе. Следующей кандидатурой на место шафера стал Джереми Торп⁹³.

Это был брак по любви, любви страстной, но в 1966 году, когда Армстронгу-Джонсу пришлось по делам отлучиться из Лондона, Маргарита вступила в связь с одним из друзей мужа Энтони Бартоном, женатым мужчиной, отцом двоих детей. После короткого романа принцесса позвонила жене Бартона и принесла свои извинения. Кроме того, она во всем призналась мужу.

Брак становился все менее благополучным, поскольку Армстронг-Джонс, получивший после свадьбы титул графа Сноудонского, должен был часто уезжать на съемки. Ходили слухи о связях Маргариты с Домиником Эллиотом и Дерекком Хартом, ее видели «по-родственному целующейся» с графом Личфилдским⁹⁴. У принцессы завязался роман с другом детства, известным в светских кругах пианистом Робинот Дугласом-Хьюмом, позднее покончившим с собой.

Тем временем граф Сноудонский вступил в связь с двадцатидвухлетней леди Жаклин

⁹² Выделяемая государством сумма на содержание королевского двора и членов королевской семьи; утверждается парламентом.

⁹³ Энтони был вынужден снять кандидатуру Джереми Фрая под давлением возмущенного принца Филиппа. Однако вскоре выяснилось, что и Джереми Торпа подозревают в гомосексуализме. Жениху опять пришлось искать нового шафера.

⁹⁴ Патрик Личфилд приходился принцессе Маргарите двоюродным племянником.

Руфус-Айзекс. Потом его видели в обществе нескольких других весьма привлекательных женщин. В отместку Маргарита стала встречаться с Родди Льюэллином, который был моложе ее на семнадцать лет. Эту пару сфотографировали на острове Мюстик в Вест-Индии и в общине хиппи где-то в Уилтшире, причем один из членов общины установил магнитофон у двери в комнату Маргариты и Родди, надеясь записать на пленку сладострастные вопли члена королевской семьи.

До знакомства с Маргаритой Льюэллин жил вместе со своим «голубым» дружкой. Позже он рассказывал приятелям, что ему бывало очень нелегко при физической близости с принцессой, что, впрочем, не помешало ему жениться на Тане Соскин.

Затем принцесса Маргарита совершила нечто немислимое, по крайней мере для королевской семьи: она развелась с мужем. В результате лорд Сноудон получил шестизначную сумму и в том же году женился на своей ассистентке Люси Линдсей-Хогг.

Глава 15

Королевский флеш⁹⁵

Для британской королевской семьи 1992 год был воистину *annus horribilis*⁹⁶. Описание личной жизни принцессы Уэльской, сделанное с ее молчаливого согласия, продемонстрировало глубокий конфликт между Дианой и ее мужем, принцем Чарльзом. Огненноволосую герцогиню Йоркскую сфотографировали в тот момент, когда она с обнаженной грудью весело прыгала в обществе своего финансового советника, американца Джонни Брайана, это положило конец ее браку с принцем Эндрю. И в довершение всех несчастий принцесса Анна и капитан Марк Филлипс развелись под тем предлогом, что у Марка якобы родился ребенок от женщины, с которой он провел одну ночь в Новой Зеландии.

1993 год вряд ли стал более благополучным. Появились публикации записей интимных телефонных разговоров, якобы состоявшихся между принцем Чарльзом и его давней приятельницей Камиллой Паркер-Боулз, а также между принцессой Дианой и ее предполагаемым любовником Джеймсом Гилби. Семья принца и принцессы Уэльских также рушилась. Таким образом, все три брака королевских детей пришли к неудачному завершению.

Правда, четвертый королевский отпрыск, принц Эдуард, объявил о своей помолвке, хотя и с ним не все было ясно. После службы в морской пехоте он поступил в труппу Эндрю Ллойда Вебера, где получил известность как «Барбара Виндзор». Даже работая в театре, юноша не проявлял сколько-нибудь заметного интереса к молодым актрисам. Неоднократно повторяемые предположения о его гомосексуализме принц игнорировал, от вопросов, касающихся его сексуальной ориентации, уклонялся, но никогда прямо не отрицал свою принадлежность к «голубым».

Наконец, когда все эти скандальные слухи стали затихать, возникли новые – связанные с печально известным майором Роном Фергюсоном, отцом герцогини Йоркской.

По-видимому, этот распад был неизбежен. Со времен королевы Виктории королевская семья приняла на себя роль первой семьи Великобритании. В ней соединились идеалы религии, представленной англиканской церковью, господствующая мораль и британская классовая система общества. На протяжении девятнадцатого и начала двадцатого веков все, что не соответствовало образу этой идеальной семьи, следовало подавлять. Владельцы газет старались скрыть любой намек на скандал. О безграничных сексуальных аппетитах Эдуарда VII публике становилось известно, только когда дело доходило до открытого суда. Даже

⁹⁵ Набор карт в покере: пять карт одной масти от десятки до туза.

⁹⁶ Ужасный год (лат.). Эти слова вслед за одним журналистом повторила королева Елизавета II.

любовная связь Эдуарда VIII и госпожи Симпсон не освещалась британской прессой почти до момента отречения короля, хотя в иностранных газетах много писали об этом.

Однако в наши дни технический прогресс сделал невозможным контроль над глобальной сетью средств массовой информации. Хотя английские газеты отказались публиковать тексты с попавших к ним в руки пленок так называемого «дела Камилла-гейт»⁹⁷, тысячи экземпляров этой записи, переданные факсом после появления на страницах австралийского журнала «Нью айдиа», вскоре стали распространяться в Англии. Теперь уже в сдержанности прессы не было ни малейшего смысла. Бульварные издания стали печатать слово в слово этот романтический – и одновременно грязно-порнографический – разговор, который явно свидетельствовал о любовной связи принца Чарльза с замужней женщиной. Солидная пресса гневно осуждала столь грубое вмешательство в частную жизнь, но и сама не отказывалась при этом от окольных замечаний и намеков.

Откуда появились записи? Существует великое множество предположений на этот счет. Например, служба «Эм-ай 5»⁹⁸ имеет аппаратуру прослушивания в Букингемском дворце. Или – Руперт Мэрдок** пытается свергнуть монархию... На самом деле, нынешнее поколение молодых членов королевской семьи испытывает трудности, живя как бы в прозрачном аквариуме для золотых рыбок. И им совершенно не свойственны осторожность и благоразумие. Принц Чарльз открыто высказывает весьма эксцентричные взгляды на архитектуру, окружающую среду и земледелие с применением исключительно органических удобрений. Это породило слухи, что он разговаривает с цветами. Глуповатый вид, оттопыренные уши и скошенный габсбургский подбородок Чарльза подвигнули кое-каких остряков высказать предположение, что долго дремавший врожденный сифилис, унаследованный, возможно, от ганноверских предков, внезапно дал о себе знать и вызвал патологическое размягчение мозга.

Странноватая внешность и неуклюжие манеры не помешали принцу Чарльзу в двадцать с небольшим лет приобрести первый сексуальный опыт. Студентом Кембриджа он потерял девственность с Люсией Санта-Крус, дочерью чилийского посла. Она была на три года старше принца и училась на последнем курсе. Позже Чарльз пробыл в Ньюем-колледж⁹⁹ на свидание с Сибиллой Дорман, дочерью генерал-губернатора Мальты. Прошло еще немного времени, и он сопровождал Одри Бакстон на бал в Тринити-колледж¹⁰⁰.

После Кембриджа принц Чарльз служил в военно-морском флоте, где отличался сумасбродными выходками.

Положение принца, естественно, делало его весьма привлекательным для молодых девушек из знатных семей, и список подружек Чарльза напоминает отрывок из «Книги пэров Берка»¹⁰¹: леди Виктория Перси и ее сестра леди Кэролайн, дочери герцога Нортгуберлендского; леди Камилла Фейн, дочь графа Уэстморлендского; леди Джейн

⁹⁷ По аналогии с американским «Уотер-гейтом». Такое название дали журналисты скандалу, разразившемуся после публикации подслушанного телефонного разговора между наследником престола принцем Чарльзом и Камиллой Паркер-Боулз.

⁹⁸ Британская контрразведка.

⁹⁹ Известный женский колледж Кембриджского университета.

¹⁰⁰ Известный женский колледж Кембриджского университета.

¹⁰¹ Ежегодно издаваемый справочник, содержащий список пэров Англии и их родословную, а также перечень лиц, получивших титул пэра в истекшем году.

Уэллесли, дочь герцога Веллингтонского; леди Генриетта Фицрой, дочь герцога Графтонского; леди Сесил Керр, дочь маркиза Лотианского; дочь герцога Вестминстерского Леонора и ее сестра Джейн, ныне герцогиня Роксборо; леди Шарлотта Маннерс, дочь герцога Ратлендского, и ее кузина Элизабет; дочь лорда Руперта Невилла Анджела; дочь лорда Астора Луиза; дочь сэра Джона Рассела Джорджиана; леди «Канга» Трайон и несколько менее знатная Сабрина Гиннесс из знаменитого семейства¹⁰².

Все эти любовные связи никоим образом не скрывались, и некоторые из них доставили принцу немало хлопот. Когда Чарльз начал встречаться с весьма богатой и изысканной дамой Давиной Шеффилд, ее бывший любовник Джеймс Берд продал информацию, содержащую интимные подробности их совместной жизни, бульварным газетам. Точно так же, когда принц вступил в связь с дочерью лорда Мэнтон Фионой Уотсон, появились скандальные сообщения, что его новая возлюбленная некогда позировала обнаженной для журнала «Пентхаус».

До женитьбы принц Чарльз, как ранее его отец, был очень близок с лордом Маунтбаттенем и частенько встречался со своими дамами в Бродландсе, знаменитом имении Маунтбаттена.

В 1972 году Чарльз встретил любовь всей своей жизни Камиллу Шенд. Согласно некоторым источникам, их впервые познакомил в лондонской дискотеке «Аннабель» будущий муж Камиллы, гвардейский офицер Эндрю Паркер-Боулз. Другие говорят, что принц и Камилла встретились во время игры в поло. Но одно известно точно: она не без кокетства представилась Чарльзу правнучкой Алисы Кеппель – любовницы другого знаменитого принца Уэльского, ставшего Эдуардом VII, той самой госпожи Кеппель, которая как-то заметила, что ее работа заключается в том, чтобы «сначала сделать реверанс, а потом прыгнуть в постель».

Обнаружив общую склонность к сюрреалистическому и грязновато-порнографическому юмору, Чарльз и Камилла мгновенно почувствовали взаимную симпатию. Кроме того, оба любили лошадей, рыбную ловлю, долгие пешие прогулки и архитектуру. С большим сожалением принц попрощался с подругой, когда в 1973 году ему как морскому офицеру пришлось отплыть на борту военного судна «Минерва». Через месяц Камилла обручилась с другим, а еще через несколько месяцев вышла замуж за Эндрю Паркер-Боулза. На следующий год принц стал крестным отцом их первенца.

Чарльз, не впадая в уныние, продолжал менять женщин. До встречи с будущей невестой у него был короткий роман с Сарой Спенсер, старшей сестрой Дианы.

Диана в свое время была сильно увлечена принцем Эндрю и «сохранила себя» для него. Девушку именно такого типа искала королевская семья: англичанку, аристократку и девственницу. В ее невинности, по крайней мере, убеждал всех дядя Дианы лорд Фермой, несмотря на то что она в течение года встречалась с Джорджем Пламптри и недолго – с принцем Эндрю.

В период ухаживания за Дианой Чарльз продолжал встречаться с Анной Уоллес (которая тоже не ограничивалась свиданиями с принцем) и Давиной Шеффилд. Кроме того, разумеется, он сохранял самые тесные отношения со своей старой приятельницей Камиллой Паркер-Боулз. В то время как Диана, обращаясь к своему жениху, должна была говорить ему «сэр», Камилла называла его «Фред», а он ее – «Глэдис». Всего за несколько недель до свадьбы Диана нашла спрятанный в столе принца дорогой браслет и приняла его за свадебный подарок, приготовленный Чарльзом, – но потом прочла выгравированные на браслете инициалы «Ф» и «Г».

За свадебной церемонией, которую наблюдали более семисот пятидесяти миллионов зрителей, последовал медовый месяц. Он начался в Бродландсе и завершился путешествием

¹⁰² Компания «Гиннесс», названная по фамилии владельца, выпускает одноименный сорт пива и издает ежегодный справочник «Книга рекордов Гиннесса».

на королевской яхте, где супруги в большей степени отдавались любви. Как принято у молодоженов, они рано ложились в постель и поздно вставали. Кроме того, они сделали несколько весьма откровенных снимков друг друга. По-видимому, эти фотографии попали в руки прессы, но ни одна газета не осмелилась их опубликовать. Впрочем, не исключено, что в мечтах романтически настроенной юной Диане медовый месяц представлялся чем-то большим; так или иначе, она провела немало часов, болтая с молодыми моряками из команды «Британии».

За годы супружества Диана открыто флиртowała с президентом Португалии Марио Соарешом и многими другими. Не остается сомнений в том, что она проявляла живейший интерес к сексу – обменивалась грязными шутками с Ферджи или посещала сеансы психотерапии, связанные с сексуальными проблемами.

К несчастью, ей не всегда удавалось получить сексуальную разрядку со своим мужем. Через год после свадьбы принц Чарльз заявил Диане, что не намерен прекращать дружеские отношения с госпожой Паркер-Боулз. Затем, вскоре после рождения принца Уильяма в 1982 году, она подслушала, как Чарльз сказал в телефонную трубку: «Что бы ни случилось, я всегда буду тебя любить». Вряд ли молодой матери доставило удовольствие такое изъяснение чувств к другой женщине.

Вскоре принц и принцесса Уэльские стали расходиться на ночь по разным спальням – как до них это сделали королева и принц Филипп. А родив двух здоровых сыновей и тем выполнив свой долг – продолжить линию престолонаследия, – Диана начала встречаться с другими мужчинами. Первым был Филипп Данн. После одного из приемов она оставалась с ним всю ночь и в отсутствие принца Чарльза провела с Данном уик-энд в загородном доме его родителей. Затем наступила очередь майора Дэвида Уотерхауса, который сопровождал ее на концерт Дэвида Боуи.

Были у Дианы и другие близкие друзья-мужчины, в том числе бывший конюший Чарльза Николас Хэзлем, торговец бытовой электронной аппаратурой Мервин Чаплин, а также Рори Скотт, чьи рубашки она гладила еще до замужества. Особенно тесные отношения установились у принцессы Уэльской с капитаном Джеймсом Хьюитом, который обучал принца Уильяма верховой езде и убедил Диану тоже сесть в седло. Во время войны в Персидском заливе они переписывались. Похоже, именно Диана послужила причиной его разрыва с Эммой Стюардсон – женщиной, с которой он находился в многолетней связи. Эмма прекратила их отношения, заявив, что Хьюит потерял голову из-за Дианы.

Однако внимание общественности в большей степени привлекла связь Дианы и Джеймса Гилби, человека из высшего общества, отпрыска знаменитой семьи, владеющей компанией по производству джина, который сам занимался оптовой торговлей автомобилями. Они были друзьями еще до брака Дианы и Чарльза, и предполагалось, что Джеймс всего лишь играл роль жилетки, в которую Диана могла поплакаться. Но в 1989 году принцессу выследили два журналиста: телохранитель Дианы сержант Дэвид Шарп высадил ее у дверей квартиры Гилби в 8. 20 вечера. Репортеры остались ждать. В течение пяти часов никто не покидал квартиры и не входил туда.

В 11 часов сержант Шарп вернулся за принцессой. Однако она не вышла. Только в час ночи Диана показалась в дверях, осторожно оглядела улицу и села в автомобиль к сержанту.

На последовавшие вопросы Гилби тактично ответил, что они с принцессой играли в бридж. Однако для бриджа нужны четыре игрока, а в тот вечер у Гилби не было других посетителей.

Хотя в прессе появились предположения о проблемах в семье принца и принцессы Уэльских, Чарльз и Диана часто показывались на людях вместе, демонстрируя прочность их брака. Затем, по-видимому с молчаливого одобрения принцессы, вышла книга Эндрю Мортон «Диана. Правдивая история». Книга вызвала сенсацию – из нее следовало, что семейная жизнь Дианы превратилась в мучение. Не успел утихнуть ажиотаж вокруг этой публикации, как имя принцессы Уэльской вновь появилось на первых полосах газет – на этот

раз в связи с магнитофонными пленками, породившими так называемый «Блошка-гейт»¹⁰³.

Утверждалось, что эти пленки содержат записи телефонных разговоров принцессы Уэльской и Джеймса Гилби, которые состоялись 31 декабря 1989 года и 4 января 1990 года. Британская пресса долгое время не хотела публиковать эти беседы, но когда через два года они были обнародованы в Америке, владельцы английских газет решили их перепечатать.

Судя по опубликованным записям, говорили два влюбленных человека, связанных интимными отношениями. Они планировали скорое свидание. Он называл ее ласковым именем «Блошка», а она проклинала «эту е... ную семейку».

Хотя вряд ли можно доказать, что собеседниками являлись именно Гилби и принцесса, эксперты убеждены в правильности этого предположения.

А вскоре за «Блошка-гейтом» появились новые пленки – они всплыли в Австралии. На них предположительно был зафиксирован разговор между принцем Чарльзом и госпожой Камиллой Паркер-Боулз, состоявшийся за две недели до беседы Гилби с «Блошкой». Во время этого разговора мужчина (возможно, принц) выражает желание превратиться в тампон, чтобы стать ближе к своей возлюбленной. Однако, продолжает он шутливым тоном, зная, как ему не везет, он не исключает, что в таком случае конец его будет печальным – его спустят в унитаз.

Последняя попытка поправить дело и сохранить семью, предпринятая во время визита принца и принцессы Уэльских в Южную Корею, оказалась неудачной, и в конце концов они расстались. Теперь их семейные отношения подошли к концу¹⁰⁴, что привело к возникновению целого ряда конституционных проблем. Некоторые церковные иерархи, к примеру, полагают, что связь принца Чарльза с госпожой Паркер-Боулз является причиной, по которой он никогда не сможет взойти на престол.

Однако, похоже, сам принц Чарльз намерен совместить несовместимое. В продолжительном телевизионном интервью, а также в вышедшей книге он признался в супружеской неверности и говорил о своей любви к госпоже Паркер-Боулз. Она развелась с мужем и открыто сопровождает Чарльза на приемах. Они целуются на людях.

Принцесса Уэльская отвечает тем же. Она заявила, что считает своего мужа недостойным стать королем, призналась в любовной связи с Джеймсом Хьюитом и выразила желание стать британским послом по особым поручениям.

Сложилась весьма необычная ситуация. Заявив о своей супружеской неверности, Диана тем самым призналась в совершении государственной измены – преступлении, за которое в Великобритании до сих пор предусматривается смертная казнь. По закону о государственной измене тринадцатого века, сохраняющему свою силу и поныне, Хьюита надлежит обезглавить, а принцессу Уэльскую – публично сжечь на костре. Интересно, какое платье она выберет на этот случай? Не предложат ли модельеры что-нибудь асбестовое? И во сколько обойдутся мировые права на телевизионную трансляцию с места казни? Я полагаю, что мы должны получить ответы на эти вопросы.

Государственная измена, как может показаться, – преступление крайне тяжелое. И закон не оставляет сомнений относительно наказания, которому следует подвергнуть тех, кто повинен в неверности супруги наследника престола. Однако, как ни странно, против принцессы Уэльской и Джеймса Хьюита не принимается никаких мер. Насколько можно судить, Скотленд-Ярд даже не собирается расследовать обстоятельства этого дела.

Перед лицом такого бессилия властей принцесса Уэльская успешно пополняет список предполагаемых изменников. Ее имя упоминают в связи с торговцем произведениями

¹⁰³ Здесь, как и в случае с «Камилла-гейт», проводится аналогия с американским скандальным делом «Уотер-гейт». Под «блошкой» имеется в виду плоский пластмассовый диск, используемый при так называемой «игре в блошки». Во время игры на край «блошки» надавливают другим диском большего диаметра, заставляя «блошку» скользить по гладкой горизонтальной поверхности.

¹⁰⁴ Книга написана при жизни принцессы Дианы.

искусства, миллионером Оливером Хоуром. Их дружба прервалась в 1994 году, когда Диана якобы стала досаждать ему злонамеренными телефонными звонками¹⁰⁵. Хоур был женат и признался, что Диана его буквально околдовала.

В 1986 году Диана познакомилась с Дэвидом Уотерхаусом, майором лейб-гвардейского конного полка и ветераном войны в Персидском заливе. В отличие от Джеймса Хьюита, майор Уотерхаус соблюдает сдержанность и не стремится высказаться на страницах газет. Он утверждает, что они с Дианой «просто добрые друзья».

Банкира Филиппа Данна познакомил с принцессой его сестра Милли. Они сдружились в 1987 году, когда он катался с Дианой на лыжах в Клостерсе, и это вызвало крайнее раздражение Чарльза. Слухи об их отношениях достигли своего пика, когда Филипп и Диана провели уик-энд вдвоем, в то время как принц Чарльз находился за границей. Предупрежденный принцем Эндрю о недовольстве Чарльза, Филипп Данн в 1989 году женился на дочери председателя правления компании «Роллс-Ройс» Доминике Фрейзер. Вопреки воле Чарльза, Диана присутствовала на свадебном торжестве.

Другой банкир, Вильгельм ван Штраубензее, был ее товарищем с детских лет. До своего замужества Диана, случалось, стирала его рубашки.

Любимого телохранителя Дианы Барри Меннеки, семейного человека, уволили за «излишнюю фамильярность» в отношении с принцессой. Через восемь месяцев в его мотоцикл врезалась машина, и он погиб. Диана была в отчаянии.

С капитаном английской сборной по регби Уиллом Карлингом Диана познакомилась в закрытом спортивном клубе «Харбор». Они сблизились. В 1995 году он арендовал специальную телефонную линию для бесед с принцессой, которую называл «Босс». Разговоры об этом сыграли свою печальную роль, расстроив его брак с телевизионной ведущей Джулией Карлинг. Вскоре после этого Уилл и Диана перестали видеться. Однако принцесса продолжила тренировки в клубе «Харбор» и встретила там богатого предпринимателя Кристофера Уолли. По сообщениям прессы, они провели уик-энд на его йоркширской ферме и вместе пообедали в Кенсингтонском дворце.

Все это переполнило чашу терпения королевы, и та потребовала от Чарльза и Дианы положить конец их браку, длившемуся четырнадцать лет. Юристы приступили к решению сложной проблемы. Пока продолжались дебаты о возможных конституционных последствиях ситуации, архиепископ Кентерберийский заявил, что, хотя Чарльз и Камилла Паркер-Боулз не смогут оформить свой союз по обряду англиканской церкви, эта церковь благословит их брак, который ни в коей мере не послужит препятствием для того, чтобы принц Уэльский стал королем и номинальным главой англиканской церкви.

Как ни печально, но и другие члены королевской семьи унаследовали не самые лучшие гены своих погрязших в разврате предков. Распутство принца Эндрю, предшествовавшее его женитьбе, хорошо известно. Первой любовницей принца стала Сэнди Джонс, пышная блондинка, с которой Эндрю встретился в Монреале, когда ему было шестнадцать. Она присутствовала на приеме по случаю его двадцать первого дня рождения и сопровождала принца во время визита в Соединенные Штаты, где хамское поведение Эндрю вызвало общее негодование. По отзывам американских средств массовой информации, «это был самый неприятный визит представителей британской короны с тех пор, как в 1812 году они сожгли Белый дом».

Богатый, но испорченный маменькин сынок, открыто презиравший простых людей, герцог Йоркский пытался заслужить репутацию великого любовника. Одной из первых женщин, которым довелось испытать его пыл, стала бывшая участница конкурса на звание «мисс Великобритания» Кэролин Сьюард. Слуга заметил, как ранним утром она покидала

¹⁰⁵ Как показало расследование, многократные звонки Хоуру поступали с линий Дианы или Чарльза в Кенсингтонском дворце и с ее мобильного аппарата. Когда Хоур или его жена подходили к телефону, звонивший молчал или вешал трубку.

Букингемский дворец.

На прием по случаю пятидесятилетия принцессы Маргариты Эндрю явился с Джеммой Карри, фотомоделью двадцати одного года. Вскоре его внимание переключилось на двадцатидвухлетнюю актрису и танцовщицу Файнолу Хьюз. Позже она оставила принца и отправилась в Америку сниматься в «мыльных операх», а ее место заняла фотомоделль Кати Рабет двадцати одного года от роду. Милости королевского отпрыска она лишилась, когда ее фотографии в обнаженном виде появились в бульварной прессе. Впоследствии она вышла замуж за комедийного актера Кита Хескета Харви.

Любовницей принца Эндрю была и Кэтрин Оксенберг, другая звезда мелодраматических сериалов, игравшая в «Династии». Затем принц обратил свое внимание на Кэролин Герберт, которая казалась очень подходящей для него парой. Кэролин была дочерью лорда Порчестера, управляющего королевскими бегами. Однако и эта связь ничем не закончилась, и через год Кэролин Герберт вышла замуж за Джона Уоррена, торговца скотом чистокровных пород.

Роман Эндрю с фотомоделью Вики Ходж, имевшей обыкновение сниматься с обнаженной грудью, был принят прессой без большого энтузиазма. Они встретились случайно на острове Барбадос: Вики там отдыхала на своей вилле, а военный корабль британского флота «Инвинсибл», на борту которого находился принц, зашел туда для ремонта. Ходж пыталась сбить репортеров со следа, уговорив Эндрю сфотографироваться с ее подругой Трейси Лэм. Однако обман раскрылся, и Вики продала бульварным газетам рассказ о своих шалостях с принцем за сорок тысяч фунтов.

Вскоре Вики поняла, почему романы Эндрю всегда были столь быстротечны. Почти со всеми партнершами принц слишком быстро завершал половой акт. Для замедления процесса одна из его бывших любовниц посоветовала Эндрю считать. По словам Вики, самым обескураживающим оказалось то, что принц считал вслух.

К тридцати семи годам Вики обрела житейскую мудрость и быстро взяла дело в свои руки. Под карибским небом она, по ее словам, превратила Похотливого Энди из спринтера в марафонца.

Можно лишь надеяться, что его следующая любовница, Ку Старк, осталась довольна. Имея за плечами карьеру звезды «мягкого порно», она уж, по крайней мере, должна была научиться отделять зерна от плевел. Однако королевская семья чувствовала, что из женщины, чьи эротические подвиги воспроизводятся на экранах самых дешевых кинотеатров Сохо¹⁰⁶, вряд ли получится удовлетворительная герцогиня Йоркская.

В конечном счете предпочтение было отдано Саре Фергюсон, сожительнице автогонщика Пэдди Макнолли. На стороне Ферджи также выступал принц Чарльз, поскольку ее отец, майор Рон Фергюсон, служил у принца Уэльского организатором игр в поло.

Первое время брак Эндрю и Сары был полон страсти. Открытая демонстрация взаимной любви иногда даже смущала их друзей. Как-то раз принц под предлогом морской болезни прервал боевые учения на флоте, чтобы провести с женой два часа в каюте вспомогательного судна.

Но вскоре Ферджи надоел Похотливый Энди, который постоянно отсутствовал по своим служебным делам. В 1990 году она пожаловалась, что они провели вместе только сорок две ночи. Хуже того, даже будучи дома, принц тратил большую часть своей энергии на игру в гольф.

Заскучав, Ферджи принялась объезжать лондонские клубы с получившей свободу принцессой Ди и летать на курорты, проводя там свой нескончаемый отпуск за счет налогоплательщиков. Все любовные письма принца Эндрю она разорвала в клочья, заявив, что их могли бы похитить. Тем временем откуда ни возьмись появились фотографии весьма

¹⁰⁶ Район в центре Лондона, средоточие ресторанов, ночных клубов, казино и других увеселительных заведений, часто сомнительного характера.

щекотливого свойства, на которых был изображен майор Рон в клубе «Уигмор» – массажном салоне, где клиентам предлагали и сексуальные услуги.

Эти снимки послужили началом целой лавины обличительных фотографий, которой было суждено обрушиться на королевскую семью в течение ближайшего года.

В январе 1992 года уборщик нашел в лондонской квартире техасского плейбоя Стива Уатта сто двадцать фотографий, изображающих американца и Ферджи на отдыхе – они загорали у края бассейна. Хотя сами снимки казались сравнительно невинными, было что-то в сложных отношениях между Эндрю, Ферджи и Уаттом, заставившее принца потребовать развода и искать утешения у своей прежней любовницы Ку Старк. Другая «старая любовь» – тридцативосьмилетняя Джейн Роксборо, которая развелась со своим мужем, также скрашивала его печаль.

Королева запретила Ферджи встречаться с Уаттом, но газеты сообщали, что она тайно побывала в его квартире на Кэдоган-сквер по крайней мере еще дважды.

Спасаясь от надвигающегося скандала, Ферджи отправилась во Флориду, где остановилась у известного волокиты Роберта Формана. В свои шестьдесят шесть лет он с гордостью говорил, что имеет дело с девушками, которые годятся ему во внуки.

Затем Сара поехала отдыхать на Дальний Восток в сопровождении своего финансового советника Джонни Брайана. Позже Джонни вернулся в Англию с поручением: выяснить, какими условия развода будут для герцогини. Если бы не удалось договориться о приличной сумме, герцогиня Йоркская опубликовала бы свои мемуары, которые, по самым скромным оценкам, могли принести ей четыре миллиона фунтов.

Именно в этот критический момент в воскресных бульварных газетах появилась серия статей, живописующих детали любовной связи майора Рона с очаровательной тридцатитрехлетней любительницей верховой езды Лесли Плейер. И в завершение всего Ферджи сфотографировали с обнаженной грудью где-то на юге Франции. Рядом с ней были ее дети и два телохранителя, не спускавшие с герцогини глаз. А как вы думаете, кто целовал ее, обнимал, гладил по волосам, втирал крем для загара в обнаженную спину, касался губами пальцев на ногах? Конечно же тот самый финансовый советник, который вел переговоры об условиях развода Ферджи – Джонни Брайан.

Принцесса Анна вела себя немногим лучше. Она вышла замуж исполненная разочарования: ее возлюбленный, игрок в поло и биржевой маклер Сэнди Харпер, покинул принцессу и женился на фотомодели по имени Пета Секомб. Мужем Анны стал фанатик верховой езды капитан Марк Филлипс, получивший в Сандхерсте¹⁰⁷ прозвище «Туман», поскольку всегда был мокрым от пота.

У них родилось двое детей, но со временем супруги стали отдаляться друг от друга. Имя Марка Филлипса упоминалось в связи с бывшей «мисс Индия» и весьма дорогой «девушкой по вызову» Памелой Бордс, с которой он познакомился в Глениглсе, где проводил уик-энд, упражняясь в верховой езде. В отсутствие Анны Марк пригласил Памелу с приятельницей погостить в их имении Гэткомб-Парк.

Дальше – больше. Хетер Тонкин, учительница рисования сорока одного года из Новой Зеландии, возбудила дело о признании Филлипса отцом ее шестилетней дочери Банни, родившейся якобы в результате одной проведенной с Марком ночи в оклендском отеле в 1984 году.

По словам Хетер, они встретились на какой-то вечеринке. В тот же вечер Марк позвонил ей и попросил приехать к нему в отель. Чтобы ей было легче найти его номер, он пообещал – вполне в стиле сборищ времен Эдуарда VII – выставить у дверей свои сапоги для верховой езды.

В результате госпоже Тонкин стали регулярно выплачивать определенную сумму как

¹⁰⁷ Так называют военное училище сухопутных войск, расположенное близ деревни Сандхерст, графство Беркшир.

«консультанту по верховой езде». Дело уладили без суда.

Семейная жизнь Анны была окончательно разрушена, когда ее бывший телохранитель Питер Кросс запросил с бульварных газет шестьсот тысяч фунтов за рассказ о его «особых отношениях» с принцессой. Затем из портфеля конюшего королевы Тимоти Лоуренса были похищены любовные письма, которые писала ему Анна; хотя письма так и не были опубликованы, их стыдливо называли «страстными». В отличие от своих братьев, Анна эту связь сохраняла в тайне до развода. Затем они поженились – быстро и без шума. Так что, по-видимому, эта история завершилась благополучно.

Что касается скандалов, связанных с другими членами королевской семьи, то очень трудно сделать вывод, являются ли они следствием многолетнего «спаривания» внутри узкого круга родственников с весьма посредственной родословной или их проделки и грешки преувеличиваются в результате пристального внимания публики.

Принц Майкл, сын герцога Кентского, бездельник, постоянно путешествующий ради собственного удовольствия, женился на разведенной католичке Марии-Кристине фон Рейбниц, успевшей до этого соблазнить принца Уильяма Глостерского, который затем трагически погиб в авиакатастрофе. Говорят, что лорд Льюис Маунтбаттен сумел добиться юридического признания ее первого брака с Томом Трубриджем недействительным, но и брак с членом королевской семьи не заставил ее угомониться.

По сообщениям «Ньюс оф зе уорлд», принцесса проводит немало времени с техасским мультимиллионером Уордом Хантом. Кроме того, ее имя упоминается в связи с бывшим любовником Элизабет Тейлор сенатором Джоном Уорнером. Однако самый шумный скандал, в который оказалась вовлечена принцесса, вызвало известие о том, что ее отец занимал высокую должность в СС – об этом наверняка знали и в правительстве, и в Букингемском дворце.

Дочь принцессы Александры Марина Огилви попала на первые полосы газет, когда выяснилось, что она живет с затянутым в кожу свободным фотографом Полом Моветтом. У них родился ребенок, хотя, как заявила Марина журналистам, ее мать настаивала на аборте.

Позже Марина Огилви призналась, что как-то раз встретила в баре художника-декоратора Фила Филтона и увезла его в Кенсингтонский дворец, где они занимались сексом. Их связь продолжалась всего шесть дней. Вопреки правилам, она вышла замуж за Пола Моветта, не испросив разрешения у королевы, как это предусмотрено Королевским брачным актом. Во время брачной церемонии невеста была в черном.

На этом выходы Марины не прекратились, и вскоре на страницах бульварных газет снова красовалась ее фотография – в облегающем кожаном комбинезоне и высоких ботинках. Репортеры писали, что в этом костюме Марина явилась на вечеринку, участники которой якобы занимались сексом и принимали наркотики.

«Я обычный человек и просто пытаюсь жить, как мне нравится», – сказала она в ответ на упреки. В этой фразе скрывается ирония, поскольку, в отличие от других членов королевской семьи, Марина просто упивается вниманием прессы.

Сын принцессы Маргариты, мебельщик Дэвид Линли, получил гораздо меньшее внимание газетчиков, когда стал пользоваться помадой. Хотя его и видели в сопровождении нескольких женщин, но на приеме по случаю своего двадцать девятого дня рождения Дэвид танцевал с томными педерастами из пользующегося дурной репутацией заведения мадам Жо-Жо в Сохо.

Младшая сестра Линли леди Сара Армстронг-Джонс, по слухам, увела своего первого друга у леди Хелен Виндзор, дочери герцога и герцогини Кентских. Затем она влюбилась в Космо Фрая, разведенного мужчину на семь лет ее старше, но в настоящее время счастливо живет с художником Дэниелом Чатто. Вдова импресарио Робина Фокса утверждает, что Дэниел Чатто появился на свет в результате тайной связи ее бывшего мужа и Рос Чатто, жены актера Тома Чатто. По ее словам, у Фокса была также связь с принцессой Мариной, матерью нынешнего герцога Кентского.

Леди Хелен Виндзор получила прозвище «Дыньки» за свой пышный бюст,

привлекающий внимание фотографов, работающих на бульварную прессу. Семнадцатилетнюю Хелен сфотографировали, когда она полуобнаженной танцевала в одном из лондонских клубов. Теперь она благополучно вышла замуж за торговца произведениями искусства Тима Тейлора.

Брак – выход из щекотливого положения для члена королевской семьи. Этот прием всегда благополучно срабатывал. К настоящему времени остался только один холостяк – принц Эдуард, который прилюдно целуется с некой Софи Рис-Джонс.

Сексуальные эскапады монархов – иногда неумеренно похотливые, иногда скорее смешные – вот уже более тысячи лет вызывают чувства удивления, негодования, а то и просто зависти. То обстоятельство, что на протяжении веков королевской семье удавалось справляться с бесчисленными кризисными ситуациями, позволяет рассматривать нынешние проблемы с учетом исторического контекста и вселяет надежду на будущее.

Если британская монархия продолжит свое существование в следующем столетии – а это не исключено, – то, по моему глубокому убеждению, вскоре появится новое поколение развратников королевской крови, и нам с вами не придется скучать.

ХРОНОЛОГИЯ

САКСЫ И ДАТЧАНЫ

Эгберт 827 – 839 (Дата восшествия на престол – Дата смерти)

Этельвульф 839 – 858

Этельбальд 858 – 860

Этельберт 860 – 865

Этельред 865 – 871

Альфред Великий 871 – 899

Эдуард Старший 899 – 924

Ательстан 924 – 939

Эдмунд 939 – 946

Идред 946 – 955

Идвиг 955 – 959

Эдгар 959 – 975

Эдуард Мученик 975 – 978

Этельред II (Нерешительный) 978 – 1016

Эдмунд Железный Бок 1016 – 1016

Кнуд Датчанин 1017 – 1035

Гарольд I 1035 – 1040

Гардикнуд 1040 – 1042

Эдуард Исповедник 1042 – 1066

Гарольд II 1066 – 1066

НОРМАНЫ

Вильгельм I 1066 – 1087

Вильгельм II 1087 – 1100

Генрих I 1100 – 1135

Стефан, граф Блуа 1135 – 1154

ПЛАНТАГЕНЕТЫ

Генрих II 1154 – 1189

Ричард I 1189 – 1199

Иоанн 1199 – 1216

Генрих III 1216 – 1272

Эдуард I 1272 – 1307

Эдуард II 1307–1327 (низлож.)
Эдуард III 1327 – 1377
Ричард II 1377–1399 (низлож.)
Генрих IV (Ланкастер) 1399 – 1413
Генрих V (Ланкастер) 1413 – 1422
Генрих VI (Ланкастер) 1422–1461 (низлож.)
Эдуард IV (Йорк) 1461 – 1483
Эдуард V (Йорк) 1483 – 1483
Ричард III 1483 – 1485

ТЮДОРЫ

Генрих VII 1485 – 1509
Генрих VIII 1509 – 1547
Эдуард VI 1547 – 1553
Джейн 1553 – 1554
Мария I 1553 – 1558
Елизавета I 1558 – 1603

СТЮАРТЫ

Яков I
(VI Шотландский) 1603 – 1625
Карл I 1625–1649 (казн.)

АНГЛИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА, провозглашена 19 мая 1649 года

СТЮАРТЫ (РЕСТАВРАЦИЯ)

Карл II 1660 – 1685
Яков II
(VII Шотландский) 1685–1688 (низлож.)

МЕЖДУЦАРСТВИЕ

11 декабря 1688 года – 13 февраля 1689 года
Вильгельм III и Мария II 1689 – 1702, 1694
Анна 1702 – 1714

ГАННОВЕРСКИЙ ДОМ

Георг I 1714 – 1727
Георг II 1727 – 1760
Георг III 1760 – 1820
Георг IV 1820 – 1830
Вильгельм IV 1830 – 1837
Виктория 1837 – 1901

ДОМ САКС-КОБУРГОВ

Эдуард VII 1901 – 1910

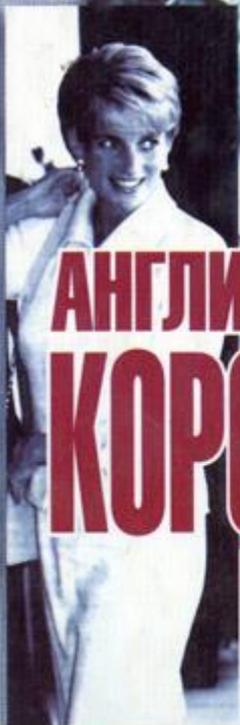
ДОМ ВИНДЗОРОВ

Георг V 1910 – 1936
Эдуард VIII 1936–1936 (отреч.)
Георг VI 1936 – 1952
Елизавета II 1952

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ

ЖИЗНЬ

АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ

И КОРОЛЕВ